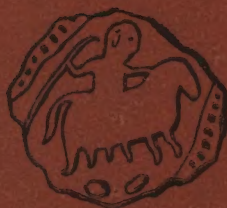

Труды Государственного Исторического Музея

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

В. А. ГОРОДЦОВ

**Т Р У Д Ы
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ**

**В Ы П У С К
37**

*И*здателство
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“
М о с к в а . 1 9 6 0

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Издательство
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“
Москва • 1960

Под редакцией
В. П. ЛЕВАШЕВОЙ

К столетию
со дня рождения
Василия **А**лексеевича
ГОРОДЦОВА
(1860 — 1960)

А. Я. БРЮСОВ

В. А. ГОРОДЦОВ

Однажды Василий Алексеевич рассказал мне о своей первой перед поступлением его в Российский Исторический музей встрече с выдающимся русским археологом графиней П. С. Уваровой, возглавлявшей Московское археологическое общество. Когда Уварова спросила, в какой области археологии он собирается работать, Василий Алексеевич сказал, что его интересуют все области археологии, но в ответ услышал, что это ему не удастся, так как археология слишком обширна — подобно всеобщей истории.

Но стремление познать все области археологии не оставляло В. А. Городцова в течение всей его жизни. И во многом он достиг своей цели. Он был крупным специалистом в области палеолита и неолита. Его печатные отчеты о больших многолетних археологических разведках и раскопках в долине р. Оки до настоящего времени являются настольной книгой каждого советского специалиста по этому разделу археологии. Особенно же велики его заслуги в области изучения бронзового века. В. А. Городцов развеял долго державшееся среди археологов мнение, будто бы на территории России не существовало бронзового века, и впервые на основе своих раскопок в бассейне Дона создал остающуюся непоколебимой хронологическую схему этой эпохи — ямная, катакомбная, срубная, киммерийская, скифская культуры. Многим также обязаны археологи В. А. Городцову в области археологии раннего железа и средневековья. Его труды, не утратившие значения до настоящего времени, были в основном построены на результатах его собственных раскопок в различных частях СССР, причем раскопок первоклассных для того времени в отношении методов их проведения. Многие приемы этих раскопок и производимых в это время наблюдений изобретены самим Василием Алексеевичем; иногда они встречали возражения и притом

достаточно резкие, но время подтвердило правильность большинства его приемов. В этой связи интересно вспомнить, какие возражения встретил метод В. А. Городцова по определению следов жилых земляночных сооружений по профилям, обнаруживаемым на стенках и на полу траншей. Ленинградские археологи, — а Ленинград был в 20-х годах руководящим центром археологии, — отрицали правильность такого приема, не признавали даже существования землянок в неолитическую и бронзовую эпохи, но Василий Алексеевич упорно отстаивал закономерность своего метода, и в наше время определение земляночных ям по почвенным профилям общепринято и в СССР и за рубежом.

В. А. Городцов оставил не только большое число печатных работ¹, но и ценный архив, который, к сожалению, поступил в Государственный Исторический музей в разрозненном виде.

В. А. Городцов был выдающимся педагогом; он преподавал в Археологическом институте и в Московском университете, руководил работами аспирантов в Институте археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН); его учеников, пользующихся заслуженной известностью, можно встретить во многих археологических учреждениях и музеях СССР.

В преподавательской деятельности В. А. Городцов не допускал разрыва между теорией и практикой. Его студенты должны были бесплатно участвовать в производившихся им раскопках в качестве рабочих-землекопов. Платой им (не считая содержания «натурой») служили объяснения и наставления В. А. Городцова, учившего во время этих раскопок всему, даже умению держать лопату и работать ею. «Если ты сам не умеешь работать лопатой, то как ты научишь этому рабочего и что ты с него можешь требовать?» — говаривал В. А. Городцов, который вообще придерживался, как бывший военный, правила «учи показом, а не рассказом».

Но он, конечно, учил на раскопках не только умению держать лопату. Его раскопки были практическими лекциями и по общим вопросам археологии и по практике проведения раскопок — умению «читать», как он любил выражаться, почвенные напластования, строить на них различные заключения, умению «выкружить» землянку и многое другое. Он не забывал при этом и вопросов геологии, а четвертичную и послечетвертичную геологию знал прекрасно и даже читал в университете краткий курс по этой дисциплине.

Все свободное время студенты (обязательного посещения лекций тогда не было) должны были проводить в Историческом музее, изучать коллекции, хранящиеся в фондах, а сам Василий Алексеевич при этом все время консультировал, консультировал и консультировал... Он

¹ Список научных трудов В. А. Городцова см.: Тр. секции археологии РАНИОН. т. IV. М., 1928.

часто рассказывал ученикам об археологах прошлого и начала нынешнего века, с которыми ему приходилось встречаться, о своих прежних раскопках, о раскопках, на которых ему приходилось присутствовать, об археологических съездах, в которых он участвовал. Так из отрывочных картин вырисовывались перед его слушателями прошлая археологическая деятельность и фигуры крупных русских археологов недавнего прошлого.

Всегда и везде у него на первом месте стояла Археология с большой буквы.

Везде и всегда он вносил большую страстность в выполняемую им работу и заражал своим энтузиазмом учеников. Он горячо любил свою науку и пропагандировал ее, где только мог.

Прекрасный популяризатор, он умел найти такие слова, которые убеждали слушателей в важности совершаемого им дела и большого значения археологии для необходимого каждому культурному человеку познания прошлого и даже далекого прошлого в истории человечества. В одной из калужских деревень, около которой В. А. Городцов вел раскопки, крестьяне передали ему после его лекции 200 рублей (по тому времени это была значительная сумма) на раскопки городища, а молодежь деревни обязалась работать у него по воскресеньям бесплатно. Таким же образом харьковские рабочие отчислили некоторый процент со своего заработка на проведение его раскопок.

Василий Алексеевич занимался и административно-научной работой. Много лет он руководил Отделом археологии Наркомпроса, кафедрой археологии на факультете общественных наук в 1-м Московском государственном университете, секцией археологии в Институте археологии и искусствознания РАНИОН.

В. А. Городцов был опытным музейным работником и десятки лет проработал в Историческом музее в Москве, заведывая археологическим отделом. Первая экспозиция археологических коллекций в этом музее была создана им. Уже в 20-х годах, реорганизуя экспозицию, он привлек к этому делу своих студентов, которых сотрудники музея называли «пожарной командой Городцова».

Когда в 1906 г., оставив военную службу, В. А. Городцов поступил младшим хранителем в Российский Исторический музей, то здесь в его руках оказался огромный археологический материал. Впервые Василий Алексеевич мог работать над такой массой археологических коллекций, применяя получивший уже широкое распространение типологический метод О. Монтелиуса, признанного «короля» археологии, о котором В. А. Городцов всегда отзывался с большим уважением и на своих лекциях постоянно описывал первое выступление О. Монтелиуса на международном съезде с докладом о своем методе. Используя этот метод, В. А. Городцов классифицировал и датировал как старые собрания, так и новые поступления. И однажды это вызвало даже конфликт с ученым

советом музея, из которого Василий Алексеевич все-таки вышел победителем. Дело обстояло, как он рассказывал, таким образом.

В Исторический музей поступила большая коллекция из раскопок одного уже обладавшего именем археолога, исследовавшего крупный могильник. Разбирая вещи, В. А. Городцов обратил внимание, что в одном погребении оказались вещи разного возраста, которые не могли существовать одновременно. Он сообщил это на ученом совете музея, состоявшем, как он выразился, из «генералов» от археологии и истории, и выразил сомнение относительно соответствия вещей приложенному к коллекции отчету. Это заявление вызвало бурю возражений. В. А. Городцову стали указывать, что он не имеет права подозревать уважаемого археолога в подлоге. Но Василий Алексеевич стоял на своем, и ученый совет согласился, наконец, запросить исследователя, где и при каких условиях были найдены указанные В. А. Городцовым вещи. Ответ подтвердил правильность предположения В. А. Городцова; исследователь сообщил, что некоторые из этих вещей были найдены вне того погребения, к которому они были отнесены в отчете и помечены на приложенном плане.

Этот случай показывает принципиальность В. А. Городцова и его уверенность в своих выводах. Ведь если бы правильность заключения Василия Алексеевича не подтвердилась, то ему грозило бы увольнение из музея за клевету!

Я пишу не биографию В. А. Городцова. Мне хотелось только нарисовать портрет этого выдающегося археолога таким, каким я его помню, но некоторые подробности биографии молодого В. А. Городцова нужны для того, чтобы этот портрет был полным.

Сын деревенского псаломщика, родившийся в последние дни крепостного права, избравший сначала своей специальностью военную службу в царской армии и кончивший по первому разряду Московское юнкерское училище, молодой офицер полка, стоявшего в городе Ярославле, он не погряз, как многие другие, в провинциальной тине. А для этого нужно было большое мужество и твердый характер. Случайно прочтенная книжка Джона Леббока (переведенная на русский язык) послужила, по словам В. А. Городцова, первым толчком, возбудившим в нем интерес к археологии. Он начинает посвящать все свое свободное время поискам стоянок, собирает подъемный материал и, будучи еще офицером действительной службы, работает секретарем, а затем правителем дел Ярославской Ученой архивной комиссии. Уже на этих первых шагах археологической деятельности его не удовлетворяет одна только теоретическая и даже полевая разведочная работа. Стремясь опереться в своих заключениях на личный опыт, он проводит долгие часы в оврагах, где, подбирая кремневые гальки, старается своими руками воспроизвести типы неолитических и палеолитических орудий. Василий Алексеевич занимался этим и позднее, и часть изготовленных им таким образом орудий хранится в Государственном Историческом музее. Читая курс в

Строгановском училище, он производил со своими учениками такие же опыты по изготовлению примитивными методами глиняных сосудов. Даже проходя по Москве, В. А. Городцов внимательно осматривал места земляных работ, что, по его словам, давало ценные данные для выяснения условий напластований в искусственных и естественных выемках. Для того чтобы научиться определять по костям виды животных, Василий Алексеевич в молодые годы заставлял свою семью сохранять за обедом все кости и по ним изучал остеологию. А в преклонных годах, когда он уже был профессором Московского университета, В. А. Городцов вместе со слушателями занялся остеологической практикой по определению костей домашних животных в лаборатории проф. С. Н. Боглюбского, руководившего этими занятиями. Многие из учеников этого семинара помнят, как трудно было работать в удушливой атмосфере комнаты, в которой в это время вываривался труп лошади.

Еще будучи молодым офицером, В. А. Городцов очень много читал, чтобы пополнить образование и получить знания, которых не могло ему дать юнкерское училище. Его рабочий кабинет всегда был загроможден массой книг, многие из которых лежали большими горками на полу сложенными в них закладками.

Он брал их в таком большом числе из библиотеки Исторического музея, что приходилось нанимать извозчика, чтобы отвезти их на дом.

Знания В. А. Городцова в области археологии были огромны, но он не имел законченного высшего образования, и в царское время ему был закрыт доступ для преподавания в высших государственных учебных заведениях. Он имел возможность только читать курс по первобытной археологии в Московском археологическом институте и Народном университете им. Шанявского.

После Великой Октябрьской социалистической революции положение В. А. Городцова резко изменилось. Как я уже говорил, он много лет руководил археологическим отделом в Наркомпросе, преподавал в качестве профессора в Московском университете и работал в других высших научных учреждениях, состоял членом многих ученых обществ. В 1938 г. В. А. Городцов вступил в члены Коммунистической партии. За свои научные заслуги и длительную научную деятельность В. А. Городцов был награжден орденом Ленина.

Было бы, конечно, неправильно думать, что у В. А. Городцова, как и у каждого ученого, не было за всю его долгую жизнь никаких ошибок и промахов в научной деятельности, но тем и отличается большой ученый от рядовых деятелей науки, что его промахи касаются только частностей и не затрагивают существа разрабатываемых крупных проблем, не могут заслонить огромных научных успехов.

Д. А. КРАЙНОВ

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ В. А. ГОРОДЦОВА О ПАЛЕОЛИТЕ

В октябре 1959 г. в Москве происходило рабочее совещание по вопросам периодизации и стратиграфии палеолита Восточной Европы. На этом совещании как археологи, так и геологи неоднократно упоминали имя Василия Алексеевича Городцова в связи с его высказываниями и работами по палеолиту, причем особое внимание было уделено его археологической классификации.

Так, В. И. Громов в своем докладе, характеризуя основные задачи в построении схемы периодизации палеолита, сказал, что «наиболее близкой к такой схеме (правильной)... является археологическая классификация В. А. Городцова 1923 г. Это единственная, известная мне, схема, которая удовлетворяет не только требованиям классификации, но и периодизации в самом широком понимании этого термина. Мне кажется, что она незаслуженно была почти забыта археологами, не подверглась широкому обсуждению, не получила признания. Это случилось, вероятно, только потому, что появление ее более чем на четверть века определило состояние науки о палеолите»¹.

На том же совещании выступил видный советский археолог А. Н. Рогачев, который подробно коснулся значения трудов В. А. Городцова в области создания схемы палеолита. Он рассказал о том, что положения В. А. Городцова о локальных вариантах палеолита, высказанные им около полувека назад, подтвердились в результате исследований последних лет и были развиты далее С. Н. Замятниным².

¹ В. И. Громов. Принципы построения схемы периодизации палеолита. Тезисы докладов. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 5.

² С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XV, М.—Л., 1951.

Эти факты лишний раз подтверждают, что В. А. Городцов стоял на правильных научных позициях, но, к сожалению, его высказывания были незаслуженно забыты, по-видимому, в связи с господством взглядов Н. Я. Марра на археологическую науку, противником которых всегда был В. А. Городцов.

Только за последнее время все чаще стало упоминаться имя Василия Алексеевича почти во всех отраслях нашей отечественной археологической науки. Не случайно и то, что о В. А. Городцове вспомнили на совещании геологов и археологов, занимающихся изучением палеолита.

В. А. Городцов всегда стоял на позициях тесного контакта археологов с геологами. Он понимал, что без детального изучения геологии, палеонтологии и палеоботаники нельзя выяснить время и условия жизни первобытного человека.

Благодаря прекрасному знанию четвертичной геологии³ Василий Алексеевич смог создать свою «археологическую классификацию». В. И. Громов дал ей совершенно правильную оценку, и, по-видимому, нам придется вернуться к этой классификации, как к наиболее приемлемой схеме периодизации культур палеолита.

Преимуществом археологической классификации В. А. Городцова является прежде всего то, что в основу ее положены изменения форм и техники выделки орудий труда, человек и окружающая его природа, а в хронологическом отношении она опирается на геологические, палеонтологические и антропологические данные. Отсюда вся схема периодизации реалистически отображает процесс становления и развития человеческого общества. «Никем из археологов до В. А. Городцова не создавалась в такой острой и отчетливой форме основополагающая роль орудий труда и техники в культурном развитии человечества»⁴.

Мы не будем разбирать здесь всю классификацию В. А. Городцова, а укажем только на ее основные положения.

Безусловно, как и всякая научная схема, она не лишена недостатков, которые сознавал и сам ее автор⁵, но в основном она является наиболее правильной из всех схем. Благодаря введенной В. А. Городцовым терминологии и делению времени (эра, период, эпоха, пора, год) его классификация является унифицированной схемой, имеющей международный характер. Если сравнить периодизацию В. А. Городцова со схемой Г. Мортилье, то видно, что последняя может быть принята только для Западной Европы, а схема В. А. Городцова дает возможность включить все археологические материалы разных эпох и разных стран. Необходимость в подобной общей схеме очень остро ощу-

³ В. А. Городцов написал более 10 работ по четвертичной геологии на основе самостоятельных научных наблюдений и находился в постоянном контакте и переписке с виднейшими геологами, изучавшими четвертичную эпоху.

⁴ В. М. Фриче. В. А. Городцов. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 6.

⁵ В. А. Городцов. Археология, т. I, М., 1923, стр. 30.

щается сейчас в связи с большим количеством накопленного материала по палеолиту.

Ценность археологической классификации В. А. Городцова заключается не только в ее международном характере, но и в трактовке смен одних периодов другими. В. А. Городцов правильно различает два цикла в истории становления и развития человеческого общества: 1) период становления человека и 2) период сформировавшегося человека, что согласуется с марксистским мировоззрением на становление и развитие человека и человеческого общества. Так же правильно он выделяет два крупных отдела в своей классификации: «доиндустриальную эру» и «индустриальную», связывая их с определенными геологическими циклами. В. А. Городцов всегда считал, что «антропоген» надо значительно удревнить, и относил время становления человека к третичному периоду — к плиоцену. В настоящее время большинство геологов склоняется к этой дате.

К «доиндустриальной эре», очень продолжительной, Василий Алексеевич относил процесс перехода от антропоморфных предков человека к человеку, причем он писал, что предки человека пользовались камнями и другими предметами, но сами их не производили⁶. Что касается «индустриальной эры», то В. А. Городцов считал, что она «характеризуется памятниками разумной человеческой деятельности»⁷, т. е. уже появление и производство самых первых орудий труда он правильно отнес не к «обезьяно-людям», а к разумному сформировавшемуся человеку.

В объяснении первых производственных шагов человека В. А. Городцов сделал глубокие прогнозы, предполагая выделку человеком простейших орудий труда, которые пока мы не можем отличить от естественных камней.

Разделив всю «индустриальную эру» на ряд периодов, эпох, пор, годов и культур, Василий Алексеевич создал стройную схему изменений в материальной культуре на различных стадиях, развивавшихся в определенных хронологических отрезках и природных условиях.

Создав археологическую классификацию, В. А. Городцов разработал и ряд других теоретических положений в истории развития первобытного общества. В сводной работе «Археология» (т. I, Каменный период) он, несмотря на малочисленность и недостаточную исследованность палеолитических памятников в дореволюционной России, реалистически трактовал отдельные вопросы палеолита. Признавая фактор неравномерности в истории развития человеческого общества, Василий Алексеевич дал новую оценку палеолита Европы. Исходя из тщательного изучения вещественных материалов и стратиграфических условий залегания памятников, он указал на разнообразные одновре-

⁶ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 27.

⁷ Там же.

менные локальные палеолитические культуры, существовавшие на территории Европы.

Установив для Европы три локальные зоны:

- 1) Западно-Европейскую (французскую),
- 2) Средне-Европейскую (придунайскую) и
- 3) Восточно-Европейскую (русскую),

Василий Алексеевич, не имея достаточных материалов, сделал правильный прогноз и относительно других территорий. Он писал: «Точно так же придется выделить в особые типы и культуры других, более удаленных географических областей материков Старого и Нового Света»⁸. Археологические открытия в области палеолита, сделанные после высказываний В. А. Городцова, подтвердили правильность его взглядов.

Василий Алексеевич не только правильно выделил и определил локальные варианты верхнего палеолита, но и указал на их существенные признаки, их разницу, границы распространения и на то общее, что их объединяет.

Подчеркивая существующую разницу между культурами двух смежных областей (Западно-Европейской и Средне-Европейской), В. А. Городцов предупреждает о неверности и опасности отнесения чуть ли не всех палеолитических культур земного шара к одному типу. «Это стремление, — писал он, — создавая неправильные представления о разнообразии, хотя и одновременных культурах, отнимает возможность восстановить районы последних, их этнографические и этнологические особенности, их взаимоотношения, связи, влияния друг на друга и т. д.»⁹.

Считая Восточно-Европейскую группу третьей культурной областью¹⁰, Василий Алексеевич отмечает ее своеобразие, резкое различие от Западно-Европейской и некоторую близость (родственность) со Средне-Европейской областью, что опять-таки подтверждается сейчас новыми исследованиями.

В этой слишком краткой статье невозможно остановиться на отдельных работах и высказываниях В. А. Городцова по палеолиту СССР. Все же следует упомянуть о его публикациях таких палеолитических памятников, как Гонцовская, Ильская, Супоневская и Тимоновская стоянки. В 1928 г. при раскопках Тимоновской стоянки¹¹ Василий Алексеевич одним из первых в СССР открыл и исследовал искусственные палеолитические жилища — землянки и кладовые, а также характер палеолитического поселения, что явилось крупным вкладом в советскую науку о палеолите и толчком к открытию землянок и жилищ в стоянках палеолита СССР и за рубежом.

⁸ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 189.

⁹ Там же, стр. 278.

¹⁰ Там же.

¹¹ В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. Монография (рукопись). Архив В. А. Городцова. Его же. Тимоновская палеолитическая стоянка. Тр. ИАЭИА, вып. 3, 1935.

Следует также отметить и правильность взглядов В. А. Городцова относительно толкования мустьерских захоронений. Только сейчас археологи и антропологи после долгих дискуссий приходят в этом вопросе к точке зрения Василия Алексеевича, высказанной им около 40 лет назад, т. е. к признанию существования у неандертальца ритуальных захоронений и, следовательно, религиозных представлений¹².

Василий Алексеевич умел давать и широкие теоретические обобщения. Он призывал к тщательному и всестороннему изучению вещей при помощи разработанного им типологического метода и только после этого считал возможным делать общие заключения.

Конечную цель археологической науки В. А. Городцов видел в необходимости «открыть законы, управляемые сменой индустриальных явлений, руководясь которыми можно было бы извлечь полезное для устройства настоящей и последующей жизни»¹³.

Велико и огромно значение трудов Василия Алексеевича Городцова в развитии нашей археологической науки, одним из создателей которой он является. О значении работ В. А. Городцова свидетельствуют ссылки на его труды почти в каждой современной крупной работе по археологии.

Имя Василия Алексеевича по праву стоит в ряду выдающихся представителей русской и европейской археологической науки. Труды В. А. Городцова достойно заняли свое место в скрижалях советской исторической науки.

¹² В. А. Городцов. Археология, т. I, М., 1923, стр. 180.

¹³ Там же, стр. 30.

В. П. ЛЕВАШЕВА, Н. В. ТРУБНИКОВА

В. А. ГОРОДЦОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Научная деятельность В. А. Городцова теснейшим образом связана с Государственным Историческим музеем.

Как исследователь Василий Алексеевич начал работать еще в молодые годы, изучая свой родной Рязанский край. Первые шаги его в археологии — это разведки и обследования памятников каменного века в долине р. Оки.

Яркие работы молодого исследователя не могли остаться незамеченными — доклады его ставятся на заседаниях Рязанской Ученой архивной комиссии, а материалы сборов и раскопок вошли в основной фонд археологических коллекций Рязанского музея.

В 90-х годах прошлого столетия, когда Василий Алексеевич перешел по службе в Ярославль, он так же активно включился в работу Ярославской Ученой архивной комиссии и Ярославского естественно-исторического общества. В это время он как археолог стал уже известен в широких кругах, работы его публикуются не только в местных изданиях, но и в центральной печати¹. Василий Алексеевич устанавливает тесную связь с Московским археологическим обществом.

С 1903 г. В. А. Городцов стал сотрудником Российского Исторического музея, сначала по совместительству, а после ухода с военной службы, т. е. с 1906 г., — штатным хранителем и затем заведующим археологическим отделом.

К началу XX в. Исторический музей имел весьма солидное собрание археологических материалов, но значительную часть его составляли случайные поступления.

¹ Список научных трудов В. А. Городцова см.: Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1928.

Пополнению фондов отдела путём систематических раскопок, а также определению и систематизации случайных находок, поступавших в музей, Василий Алексеевич Городцов посвятил все последующие годы своей работы в Историческом музее.

Существующая в Историческом музее система хранения разработана и создана Василием Алексеевичем и осуществлялась под его руководством. Удобные, очень практичные и вместительные шкафы с пазами для планшет, обеспечивающие сохранность и строгий учет коллекций, карточные каталоги с фотографиями, описи на все хранящиеся в музее коллекции — все это результат деятельности Василия Алексеевича.

По образцу Исторического музея было создано им и хранилище археологических памятников в Рязанском музее.

Благодаря неутомимой полевой экспедиционной работе Василия Алексеевича Государственный Исторический музей получил ряд ценнейших коллекций. В числе их есть и памятники палеолита² из раскопок Тимоновской стоянки, и вещи из окских неолитических стоянок, из Старшего Волосовского могильника.

В 1901—1903 гг. В. А. Городцов начинает свою работу по изучению памятников эпохи бронзы. Отчеты о его экспедиции на Северский Донец опубликованы в Трудах археологических съездов, а материалы из раскопок курганов эпохи бронзы в бывш. Изюмском и Бахмутском уездах хранятся в Историческом музее. На основе этих материалов Василием Алексеевичем было впервые проведено хронологическое членение эпохи бронзы на отдельные археологические культуры и даны первые четкие характеристики их. Причем самый термин «культура» употреблялся автором примерно в том же значении, какое он имеет и в наши дни.

В 20-х годах курганы эпохи бронзы исследовались В. А. Городцовым в Поволжье, и материал этих раскопок (включая вырезку погребения) также поступил в ГИМ.

Среди окских стоянок Василию Алексеевичу удастся выделить стоянку, относящиеся к эпохе, переходной от бронзы к железу, и наметить связующие нити с памятниками эпохи раннего железа. Это стоянки близ сел. Упсалы, Шумош, Солодча, Ловецкий городок — поселения предков племен городецкой культуры, выделенной В. А. Городцовым. Обоснованность выделения этой культуры и прослеживаемых связей подтвердились всеми последующими работами советских археологов.

В. А. Городцову принадлежит разработка хронологии дьяковской культуры, пользующейся в настоящее время всеобщим признанием. Благодаря своей (передовой для того времени) методике раскопок Василию Алексеевичу удалось впервые открыть и исследовать жилища-

² О значении работ В. А. Городцова в области палеолита см. статью Д. А. Крайнова в наст. сборнике.

землянки на дьяковских поселениях. Материалы исследованных им городищ этой культуры — Федяшевского, Огубского и самого раннего из них Каширского — представляют один из интереснейших разделов фондов Исторического музея.

Занимаясь эпохой I тысячелетия до н. э., Василий Алексеевич не мог пройти мимо памятников скифской культуры. В 1906 г. он первый производит раскопки скифского городища — Бельского под Полтавой. Этими раскопками (проводившимися в очень больших для своего времени масштабах) впервые были выявлены система жилищ этой культуры и ряд производственных объектов. В 1927 г. В. А. Городцов исследует Частые курганы под Воронежем. Материалы этих и других раскопок также поступили в Исторический музей и изучаются каждым, кто занимается историей нашего юга.

Не чужда была В. А. Городцову и славяно-русская проблематика. В 1908 г. он разрабатывает вопрос о юго-восточных границах Руси начала XIII в. Кроме исследования ряда славянских городищ и селищ по Оке и большого числа курганов в Подмосковье, необходимо отметить произведенные им большие раскопки городища Старая Рязань, положившие начало исследованию этого древнерусского города, разрушенного Батыем, изучение которого имеет очень важное значение для исторической науки. Примерно в эти же годы, работая над вопросом происхождения славян, Василий Алексеевич прослеживает элементы иконографии русского народного искусства в памятниках начала I тысячелетия.

Интересовали его и соседние с восточнославянскими земли. Еще в 1901—1903 гг. из числа обследованных по Донцу объектов Василий Алексеевич выделяет памятники, названные им кочевническими, принадлежащие торкам и половцам. В 1910 г. он предпринимает работы в скрестностях г. Муроме по изучению финских древностей. Большая коллекция из раскопок Подболотьевского могильника является незаменимым источником для всех занимающихся историей Восточной Европы.

Из памятников XIV—XV вв. необходимо отметить раскопки В. А. Городцовым татарского города Маджара на Северном Кавказе, выявившие ряд жилищ, мастерских и некрополь. Эти раскопки дали музею ценнейшую коллекцию, характеризующую жизнь восточного средневекового города — торгово-промышленного и административного центра Золотой Орды. Этот памятник долгое время оставался единственным из систематически исследованных городов подобного типа.

Изучая фонды музея, В. А. Городцов определил и опубликовал многие интересные памятники. Кроме ежегодных описаний новых поступлений доисторических древностей, печатавшихся в отчетах музея, Василием Алексеевичем были составлены «Обзор важнейших памятников Российского Исторического музея за период 1883—1908 гг.» и опись «Предметы древностей, полученные Российским Историческим музеем

от Московского археологического общества в 1909 г.»³; классифицированы некоторые виды холодного оружия по материалам фондов музея⁴, опубликованы в Трудах Государственного Исторического музея описания отдельных уникальных предметов, например: «Симбирский древний топорик», «Древнее стремя Государственного Исторического музея» и статья «Древние мусульманские светильники сфероконической формы».

До Великой Октябрьской социалистической революции экспозиция Российского Исторического музея, как и других музеев того времени, строилась по принципу хронологической и географической систематизации находок, в отрыве от общен исторического развития. Экспозиция же, созданная В. А. Городцовым, в которой при расположении комплексных памятников в строгой хронологической последовательности на первое место всегда выдвигались орудия труда, достаточно наглядно характеризовала историю развития человеческого общества от палеолита до средневековья. Доходчивости экспозиции много помогали и путеводители по археологическим залам, написанные В. А. Городцовым (изданы в 1914, 1921 и 1923 гг.).

Музей всегда посещали учащиеся средних и высших учебных заведений. Василий Алексеевич занимался с ними и с преподавателями, проводя экскурсии по экспозиции. В отчетах Российского Исторического музея дается ежегодный перечень лекций, прочитанных В. А. Городцовым. Тематика их очень разнообразна. Младший хранитель В. А. Городцов делает доклады: «О рукописи 1771 г.» — в Московском археологическом обществе, «Маршрут от крепости Усть-Каменогорск по Иртышу» — в Обществе испытателей природы, «Геологические наблюдения в окрестностях сс. Аносина и Рождественского Звенигородского уезда» и др. Работая летом 1912 г. на Кавказе в Боржоме, Василий Алексеевич читает публичную лекцию о результатах своих раскопок в пользу бедных учащихся Боржомской средней школы.

В 20-х годах В. А. Городцов был председателем и активным членом Общества друзей Исторического музея. На заседаниях этого общества очень часто ставились доклады на археологические темы самого Василия Алексеевича и его учеников. Для работников местных музеев и для начинающей молодежи заседания этого общества были хорошей школой и открытой трибуной, с которой они выступали со своими первыми опытами самостоятельной научной работы, твердо рассчитывая на поддержку и помощь чуткого руководителя.

Имя В. А. Городцова, большого ученого-археолога, всегда с чувством глубокого уважения произносится и будет произноситься в стенах Исторического музея, которому Василий Алексеевич в течение многих лет отдавал свои силы и знания.

³ Древности, т. XXIII, вып. 2, М., 1914.

⁴ Отчет Российского Исторического музея. М., 1906 и то же М., 1911.

Л. В. ГРЕХОВА

ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

О неолите Восточного Предкавказья мы до сих пор не имели точных данных, хотя в этом районе производились археологические работы и имеются указания на возможность существования здесь неолитических стоянок¹.

Выводы эти были сделаны на основании материала, собранного в 1946—1948, 1952, 1955 гг. Северо-Кавказской экспедицией под руководством Е. И. Крупнова в песчаных выдувах у второй и третьей лесных дач лесхоза Ачикулак Ставропольского края, у второй фермы совхоза Бажиган и у сс. Махмут-Мектеб и Терекли-Мектеб Дагестанской АССР. Все эти пункты расположены на довольно близком расстоянии друг от друга: от Ачикулака до Бажигана по прямой около 70 км на восток; селения Махмут-Мектеб и Терекли-Мектеб находятся на расстоянии 30—35 км на восток-юго-восток от Ачикулака. Вся эта территория занята грядами бурунных песков, но исследования проводились только вблизи населенных пунктов.

Так как собранный экспедицией материал представляет собой разнородный комплекс, состоящий из кремневых орудий, бронзовых предметов, скифских наконечников стрел и керамики от эпохи бронзы до средневековья, то вполне естественно предположить здесь смешение памятников различных эпох. Комплекс кремневых орудий и керамики эпохи бронзы, собранный в 1948 и 1955 гг., состоит из 321 обломка глиняных сосудов и 736 кремневых и обсидиановых предметов. Причем кремень и обсидиан в коллекции представлены только орудиями, облом-

¹ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, № 2, М., 1957, стр. 170.

ками орудий, пластинками со следами употребления и нуклеусами. Отщепов и обломков кремня и обсидиана нет².

Из этого смешанного материала нужно выделить наиболее ранние формы орудий, которые могут быть названы неолитическими.

Сама стратиграфия находок не может внести ясность в вопрос их датировки, так как материал был собран на темно-буrom горизонте суглинков и в выдувах песчаных бурунов. Многие исследователи считают, что эти пески — дельтового происхождения, т. е. являются отложениями дельт рек Кумы и Терека, впадавших в Каспий хвалынского времени и продвигавшихся вслед за отступающим морем во время его сокращения³.

В большинстве случаев кремень находится вместе с керамикой, но встречается и раздельное расположение кремня и керамики. Этот факт был отмечен в Нижнем Поволжье Т. М. Минаевой, которая считает возможным относить к неолиту отдельные местонахождения кремня без керамики⁴. В бурунах Восточного Предкавказья также раздельные пункты нахождения кремня носили ярко выраженный микролитический характер с большим процентом обсидиана.

Что касается поделочного материала, то здесь нужно говорить о местном северокавказском сырье. 17% орудий сделано из обсидиана. Это черный с коричневыми прожилками или дымчатый баксанский обсидиан, совершенно аналогичный по качеству обсидиану из верхних слоев грота Сосруко близ г. Нальчика. Кремень весь галечниковый, различного цвета и качества, но преобладает серый и желто-коричневых оттенков. Происходит он из района Минеральных Вод, где р. Кума прорезает миоценовые слои, содержащие кремнистые конкреции⁵. Кварцита, характерного для Нижнего Поволжья, нет.

Чтобы говорить о принадлежности комплекса кремневых орудий к определенной эпохе, необходимо выделить датирующие формы, опираясь на которые можно проводить сравнения с аналогичными орудиями из памятников с хорошей стратиграфией. Характерными для неолита юга считаются трапеции со «струганой спинкой» и плоские нуклеусы. Для более точного сопоставления подъемного материала из памятников Восточного Предкавказья с другими памятниками к этим вышеназванным формам необходимо прибавить трапеции с ретушью, заходящей с боков на брюшко, прямоугольные вкладыши с ретушью и пластинки со скошенным концом.

² ГИМ, инв. № 83718 и 95527.

³ М. М. Жуков. Геоморфология Северо-Западного Прикаспия. Бюлл. Моск. обл. об-ва испытателей природы, т. XV, М., 1937, стр. 182—183.

⁴ Т. М. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. Тр. Н.-Волжского обл. об-ва краевед., вып. 36, ч. I, Саратов, 1929, стр. 10, 26.

⁵ И. Шуклин. Геоморфологический очерк Кавказа. Большой Кавказ. Тр. Ин-та географии АН СССР, вып. 2, ч. I, М., 1926, стр. 50.

Из геометрических вкладышей (всего 25 экз.) в рассматриваемой коллекции прежде всего нужно отметить сегменты, сделанные на кремневых пластинах различного качества и цвета. Размеры их небольшие: самый крупный имеет длину по рабочему краю 2,5 см и высоту 0,8 см (но он сломан), а самый мелкий — длину 1,3 см, высоту 0,8 см. Ретушь у большинства сегментов идет по дуге со стороны спинки, не заходя на брюшко (рис. 1, 1—4). Кроме определенно выраженных сегментов имеются и переходные формы между сегментами и трапецией. Для трапеций характерна ретушь, заходящая с боков на брюшко или со стороны брюшка по меньшему основанию (рис. 1, 1—10). По мнению А. А. Формозова, подработка с брюшка является типично кавказской формой для эпохи неолита⁶. Трапеция со «струганой спинкой» только одна, но представлена очень правильной равнобедренной формой⁷. Кроме того, вкладышами могли служить прямоугольные пластины из обсидиана и кремня, обработанные притупленной ретушью по трем краям со стороны спинки (рис. 1, 5—8). Для всех геометрических орудий характерно то, что рабочий край несет заломы, выщербины, т. е. следы употребления.

Пластины со скошенным концом представлены в стоянках Восточного Предкавказья не так ярко, как в других памятниках. Они сделаны как из обсидиана, так и из кремня; скошенный конец обработан мелкой ретушью (рис. 1, 11—13). Среди всего материала много микропластин с ретушью только по одному краю и микропластин без ретуши, но со следами скошенности края (рис. 1, 14—18). Очевидно, эти пластины употреблялись в качестве вкладышей сложных орудий. В настоящее время мы имеем уже несколько примеров такого употребления кремневых пластин⁸.

Среди собранного материала имеются только два резца. Они сделаны на небольших (2,3 см и 3 см) пластинах, оба боковые (рис. 1, 19, 20).

Скребков в коллекции много, и формы их различные. Наиболее ранними могут считаться скребки на отщепе почти круглой формы (рис. 1, 21). Большую группу составляют орудия типа ножей на массивных широких пластинах, один край которых несколько выпуклый, обработан плоской ретушью, а противоположный притуплен⁹.

⁶ А. А. Формозов. Каменный век в Краснодарском крае (доклад на секторе неолита и бронзы ИИМК 9 ноября 1957 г.).

⁷ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 2, М., 1957, стр. 169, рис. 9.

⁸ С. Н. Замятин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 г. Уч. зап. Кабардино-Балкарского научно-исслед. ин-та, т. XIII, Нальчик, 1957, стр. 441, рис. 7; О. Н. Бадер. Очерк работы Азово-Черноморской экспедиции. КС ИИМК, XXXI, 1950, рис. 67, 14.

⁹ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 169, рис. 10.

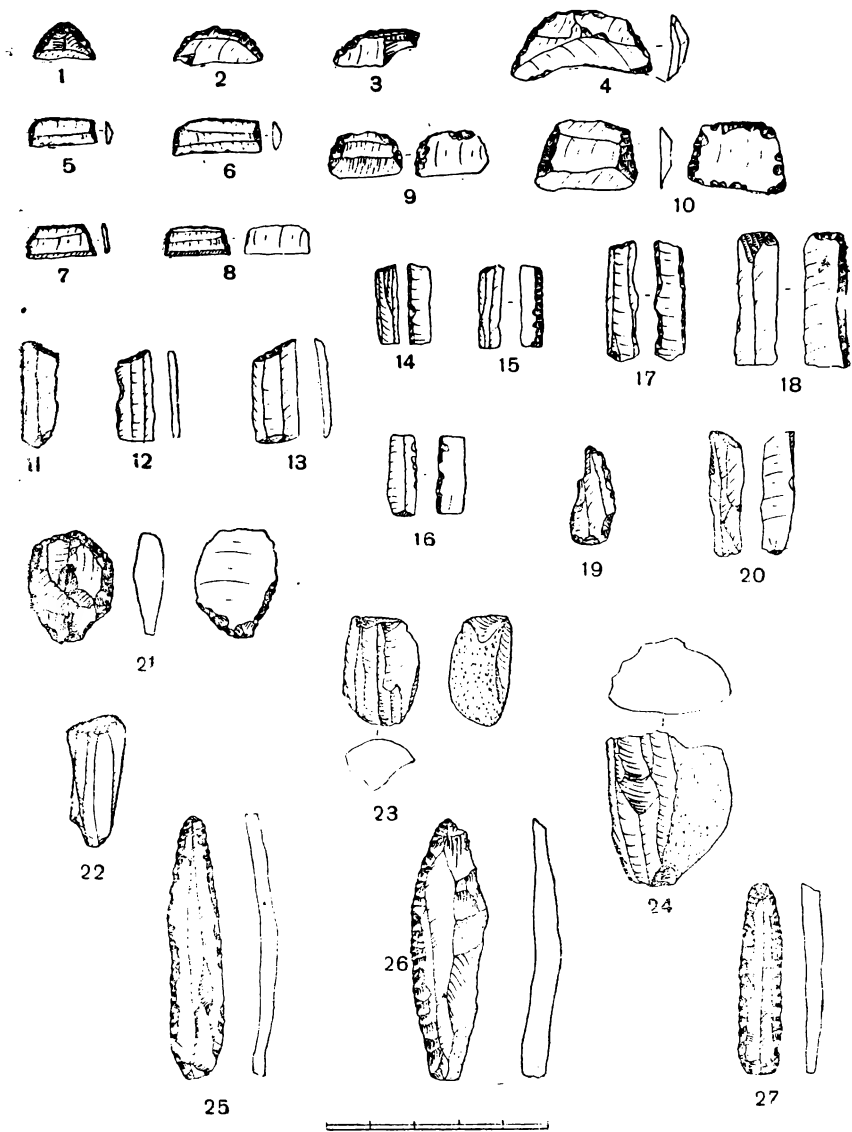

Рис. 1. Каменные орудия

1, 2, 4, 6, 10, 14—16, 18, 21, 23, 24, 27 — сборы у лесхоза Ачикулак; 3, 11, 19, 20, 22, 26 — у совхоза Бажиган; 5, 7—9, 12, 13, 17 — у с. Махмут-Мехтеб

Нуклеусы представлены коническими и уплощенными формами. Размеры их различны: $2 \times 1,6$ см, $6,5 \times 3$ см, но, судя по размерам пластин, можно предполагать и более крупные ядрища. Многие нуклеусы имеют часть галечной корки (рис. 1, 22—24). Как было сказано, для определения места этого комплекса необходимо прибегнуть к сравнению с орудиями из хорошо датированных памятников. Наиболее близкие аналогии сегментам и трапециям из стоянок Восточного Предкавказья можно найти в Нижне-Шиловской стоянке под г. Адлером¹⁰, в VII слое Таш-Аир 1¹¹, в стоянке Крымской Яйлы Ат-Баш¹², в поселении Кая-арасы¹³ в Крыму.

Просто микропластины или пластины, подработанные ретушью с бруска, соответствуют вкладышам из VI слоя стоянки Таш-Аир 1 и из раннего комплекса орудий Мариупольского могильника¹⁴. Во всех вышеназванных памятниках находят конические и плоские нуклеусы, как и в стоянках Восточного Предкавказья. Много общих черт эти памятники имеют со стоянками Днепровских порогов (нуклеусы, сегменты, трапеции, пластины с ретушью)¹⁵.

Пластины со скошенным концом, найденные в песчаных выдувах Восточного Предкавказья, известны с конца верхнего палеолита, бытуют в мезолите и продолжают существовать в неолите юга. Примером могут служить материалы стоянки Кукрек в Крыму¹⁶ и стоянок Северского Донца Яремовская 1 и Бондариха 2¹⁷.

Наличие в комплексе орудий более ранних мезолитических форм (конические нуклеусы, простые трапеции, пластины со скошенным концом, большое количество микропластин) позволяет проводить аналогии со слоем М-3 грота Сосруко, с Чохской стоянкой на Кавказе, со стоянками Кукрек и III слоем Мурзак-Коба в Крыму¹⁸.

¹⁰ Коллекция хранится в Гос. Эрмитаже.

¹¹ Коллекция хранится в ГИМ, инв. № 80214.

¹² О. Н. Бадер. Изучение эппалеолита Крымской Яйлы. СА, V, М., 1940, стр. 95. Коллекция хранится в Музее антропологии МГУ.

¹³ А. А. Формозов. Исследования по каменному веку Крыма в 1956 г. КС ИИМК, 73, 1959, стр. 45, рис. 13, 3.

¹⁴ М. Макаренко. Мариупольский могильник. Київ, 1933, стр. 67, рис. 23.

¹⁵ М. Рудинський. Стоянки з мікролітичним інвентарем на острові Кізелевому. Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1949, стр. 267—269, табл. I, рис. 1—4, 26, 32; табл. II, рис. 18, 19, 32. О. Бодяньський. Неолітична стоянка на острові Шулаєвому. Там же, стр. 259, табл. I, рис. 21, 22, 23, 32, 13.

¹⁶ Е. А. Векилова. Эппалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму. КС ИИМК. XXXVI, 1951, стр. 91, рис. 22, 28, 25.

¹⁷ Д. Я. Телегин. Яремовская неолитическая стоянка. КС ИИМК, 59, 1955, стр. 64; Д. Я. Телегин. Неолітична стоянка в урочище Бондариха. Археологія, т. IX, Київ, 1954, табл. I, рис. 1.

¹⁸ С. Н. Замятин, П. Г. Акритас. Указ. соч.; В. И. Катович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. Уч. зап. Ин-та истории, языка и лит. Даг. филиал АН СССР, Махачкала, 1957; Е. А. Векилова. Указ. соч., стр. 90, 91; С. Н. Бибииков. Грот Мурзак-Коба — новая позднэппалеолитическая стоянка в Крыму. СА, V, 1940, стр. 170, рис. 11.

Можно сказать, что в материалах Восточного Предкавказья мы имеем типы орудий, аналогичные как неолитическим, так и мезолитическим. Для выделения памятников неолита и мезолита изучаемого района материала еще недостаточно. Следует считать, что этот ныне полупустынный район был уже заселен в эпоху неолита, и можно ставить вопрос о заселении его в еще более ранний период.

Поселения сохраняются в Восточном Предкавказье и в эпоху бронзы, о чем свидетельствуют керамика, вкладыши серпов, стрелы северокавказской формы и крупные орудия на пластинах (рис. 1, 25—27), аналогичные орудиям из позднего комплекса Мариупольского могильника и Каменной могилы¹⁹.

Бытование геометрических форм микролита вместе с характерными для эпохи бронзы кремневыми орудиями и керамикой нужно относить за счет пережиточных форм, тем более что южный неолит вырастает на базе тарденуазской техники, сохраняя микролитический характер. Примером этому может служить стоянка на р. Молочной²⁰, а нахождение геометрических микролитов вместе с древнеямной керамикой в Нижнем Поволжье рассматривается В. В. Гольмстен как пережиток давно бытовавших здесь форм²¹.

Дальнейшее изучение этих памятников может дать очень много не только для уточнения датировки, но и для восстановления палеогеографии районов Восточного Предкавказья. Эти стоянки тесно связаны с трансгрессиями Каспийского моря. Расположение песчаных бурунов, среди которых собран материал, соответствует древним дельтам рек Кумы и Терека, впадавших в Каспий во время Хвалынской трансгрессии и продвигавшихся за отступающим морем, причем бажиганские пески мыслятся как продолжение ачикулакских. Во время Хвалынской трансгрессии воды Каспия поднимались на 50—60 м абсолютной высоты. Начало спада вод Хвалынского бассейна совпадает с окончанием таяния последнего ледника на Русской платформе (Вюрмское оледенение) и сопровождается задержками и отдельными трансгрессиями²². Пункты, на которых был собран материал, находятся на 50—40 м абсолютной высоты; следовательно, они или не затоплялись или в первую очередь освободились от воды и могли быть заселены. Каспий хвалынского времени был сильно опресненным бассейном. Работами мелиоративной экспедиции доказано, что бурунные пески содержат на небольшой глубине пресную воду и бедны вредными для деревьев солями, а споро-

¹⁹ М. Макаренко. Указ. соч., стр. 83, рис. 51; М. Я. Рудинский. Петроглифический комплекс Каменной могилы. КС ИА, № 7, 1957, стр. 30.

²⁰ О. Н. Бадер. Очерки работы Азово-Черноморской экспедиции. КС ИИМК, XXXI, 1950, стр. 175.

²¹ В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 180.

²² М. М. Жуков. Указ. соч., стр. 182—183; В. В. Рыжиков. К вопросу о генезисе и морфологии песков Кумо-Каспийской низменности. Изв. Грозн. ин-та и музея краевед., вып. 2—3, Грозный, 1950, стр. 7—9.

пыльцевой анализ показал, что полупустынные ныне районы были некогда покрыты широколиственными лесами²³.

К концу II тыс. до н. э. Каспий достиг нулевой горизонтали, и все последующие трансгрессии за ее пределы не выходили.

Как видно из сказанного, данные геологии и палеоботаники не исключают возможность заселения Восточного Предкавказья в неолите, а, наоборот, подтверждают это. На основании рассмотренных кремневых орудий, собранных в песчаных выдувах, мы можем говорить о существовании в данном районе ныне разветвленных неолитических стоянок, которые располагались по берегам рек, впадающих в Каспий. Необходимо подчеркнуть, что разветвление песчаных и супесчаных почв и превращение их в бурные пески произошло совсем в недавнее время. Особенно сильно это явление прослеживается во второй половине XIX в. в связи с хищнической вырубкой лесов на севере и неумеренным выпасом скота. По данным анализа, в низовьях Волги с 50-х по 90-е гг. XIX в. площадь песков увеличилась на 21,4%²⁴.

Подводя итоги, нужно сказать, что кремневая индустрия стоянок Восточного Предкавказья представляет большой интерес, хотя пока это только подъемный материал, но он свидетельствует о заселении этого района в эпоху неолита, а возможно, и в более ранние периоды и уточняет данные палеогеографии. Кроме того, выделенный комплекс орудий еще раз подтверждает микролитический характер неолита юга.

²³ В. В. Иванов. О прошлом и настоящем распределении древесной растительности Урало-Каспия. Тр. 2-го Всесоюз. географич. съезда, т. 3, М., 1949, стр. 137; Р. Ф. Федоров. Палеоботанические исследования отложений лиманов Прикаспийской низменности. Тр. Ин-та географии АН СССР, вып. 50, М., 1951.

²⁴ Т. Ф. Якубов. Песчаные пустыни и полупустыни Северного Прикаспия. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 156—157.

В. М. РАУШЕНБАХ

ФАТЬЯНОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ НИКОЛО-ПЕРЕВОЗ

Поселение Николо-Перевоз было открыто Б. С. Жуковым в 30-х гг. В последующие годы раскопки памятника проводились в 1948, 1956 гг. В 1958 г. Государственный Исторический музей продолжил археологические раскопки этого памятника ¹.

Неолитическое поселение Николо-Перевоз расположено на правом берегу р. Дубны, на сравнительно высокой площадке, омываемой в настоящее время с севера ручьем, с востока — рекой Дубной; с юга площадка окаймлена влажной низиной (возможно, в древности здесь также протекал ручей); к западу на расстоянии 400—500 м от берега р. Дубны наблюдается также понижение почвы со значительной заболачиваемостью. Таким образом, площадка, на которой располагалась стоянка, возвышалась над окружающей местностью и была весьма удобна для поселения. В 1958 г. нами был заложен небольшой раскоп в 136 м².

Памятник этот вызывает большой интерес, так как здесь представлены материалы как льяловской, так и волосовской культуры. Что касается льяловского материала, то нахождение его здесь вполне закономерно, так как р. Дубна территориально близка бассейну р. Клязьмы, по течению которой в основном сосредоточены памятники льяловской культуры. В настоящее время границы льяловской культуры еще не установлены, и не исключено, что бассейн р. Дубны входил в ареал ее распространения.

¹ В 1948 и 1958 гг. раскопки стоянки велись под руководством В. М. Раушенбах, в 1956 г. — под руководством Г. А. Беляевой-Лоренц.

Совершенно иная картина наблюдается в отношении волосовской культуры. Как известно, по существующим в настоящее время данным, границы ее захватывали в основном нижнее течение р. Оки, а стоянка Николо-Перевоз расположена значительно северо-западнее границ волосовской культуры. Чем же можно объяснить наличие волосовского материала в культурном слое стоянки?

Материал этот в стоянке настолько многочислен, что рассматривать его как результат влияния волосовской культуры на льяловскую не приходится, тем более что в керамике не прослеживается никаких признаков переходных типов от льяловских к волосовским, как это в некоторой степени имело место в Б. Буньковской стоянке². Здесь же как в керамике, так и в типах изделий из камня и кости волосовский материал очень яркий, четкий и определенный. Следовательно, он может рассматриваться в данном случае как определенная, самостоятельная категория. Стратиграфически волосовские находки в основном сосредоточены начиная с глубины 30 см и до 80 см, а ниже доминируют льяловские материалы.

Льяловская керамика, найденная в этой стоянке, представлена как ранней в виде сосудов, украшенных сплошным ямочным орнаментом (рис. 1, 2, 3, 4), так и более поздней, орнаментированной ямками и оттисками гребенчатого штампа (рис. 1, 1, 5, 7). Эта керамика, как по аналогии с керамикой самой Льяловской стоянки, так и по аналогии с керамикой из стоянки Гридино, может датироваться второй половиной III тысячелетия до н. э.³ Более поздняя льяловская керамика из культурного слоя весьма близка и по тесту глины и по орнаментации керамике из стоянки на Бисеровом озере и может быть датирована началом II тысячелетия до н. э.⁴

Волосовская же керамика с ее развитым и широко употреблявшимся рамчатым штампом, зигзагами, выполненными оттисками широкого гребенчатого штампа, появлением растительной примеси в тесте глины может быть отнесена, по классификации И. К. Цветковой, к переходу от первого ко второму этапу развития волосовской культуры, т. е. ко второй — третьей четверти II тысячелетия до н. э. (рис. 1, 4, 8—11)⁵.

Таким образом, не исключено, что при продвижении части волосовских племен на р. Дубну последние могли встретить здесь льяловцев. Как сложились их взаимоотношения, сказать трудно, но возможно также, что льяловцы могли быть вытеснены пришельцами.

² В. М. Раушенбах. Неолитическая стоянка у деревни Б. Буньково. КС ИИМК АН СССР, вып. XXXII, М.—Л., 1950.

³ В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы. Тр. ГИМ, вып. XXII, М., 1953, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 18.

⁵ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, вып. XXII, М., 1953, стр. 33.

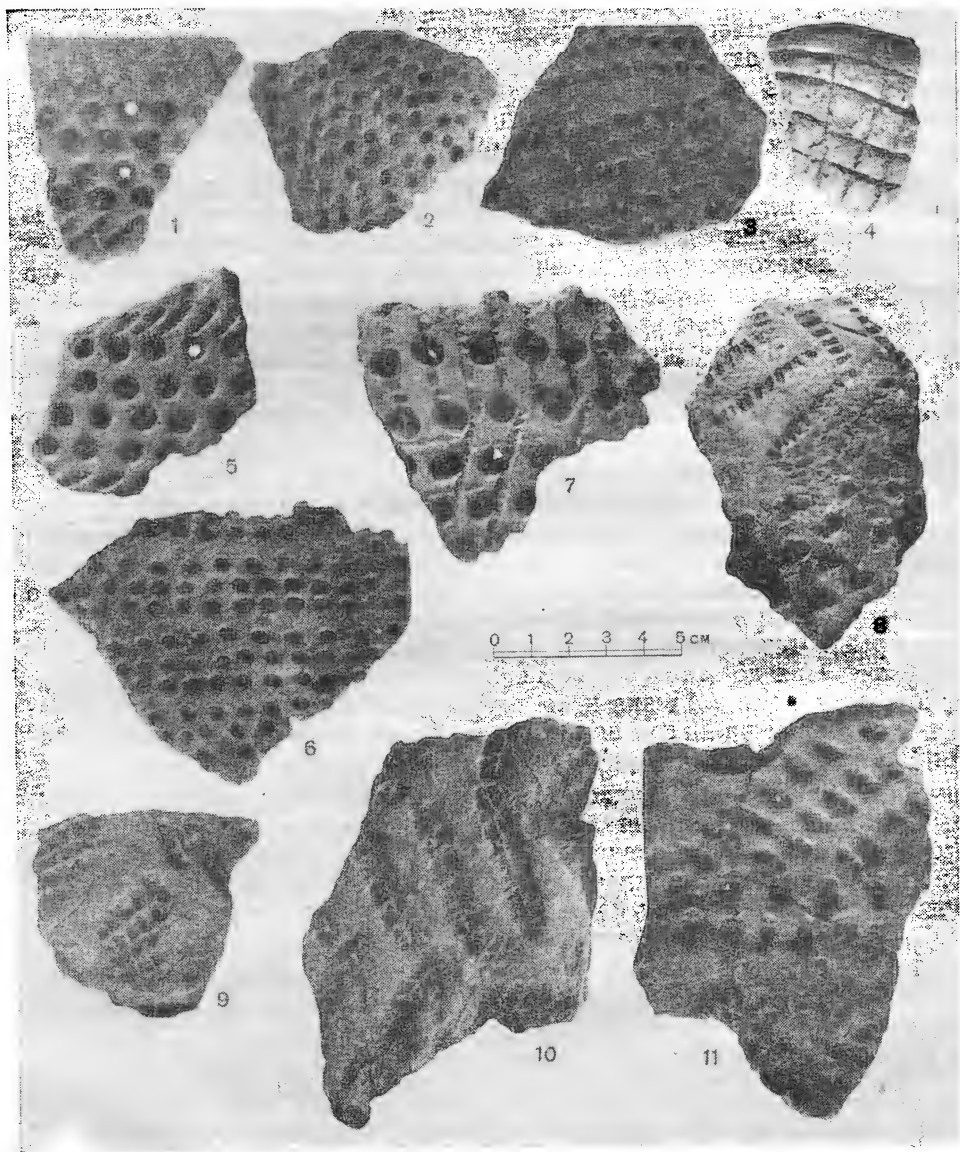

Рис. 1. Керамика со стоянки Николо-Перевоз

Во время раскопок 1948 и 1956 гг., а также в старом материале Б. С. Жукова были обнаружены отдельные черепки фатьяновской посуды. Во время раскопок 1958 г. в культурном слое стоянки фатьяновские черепки были найдены уже в значительном числе. При дальнейших раскопках в восточной части раскопа на глубине 1,05 м нами было открыто скопление человеческих костей нескольких скелетов, которое на первый взгляд производило впечатление беспорядочного. Однако после тщательной расчистки обнаружилось коллективное погребение (рис. 2). Границы могильной ямы стали хорошо заметны лишь после снятия

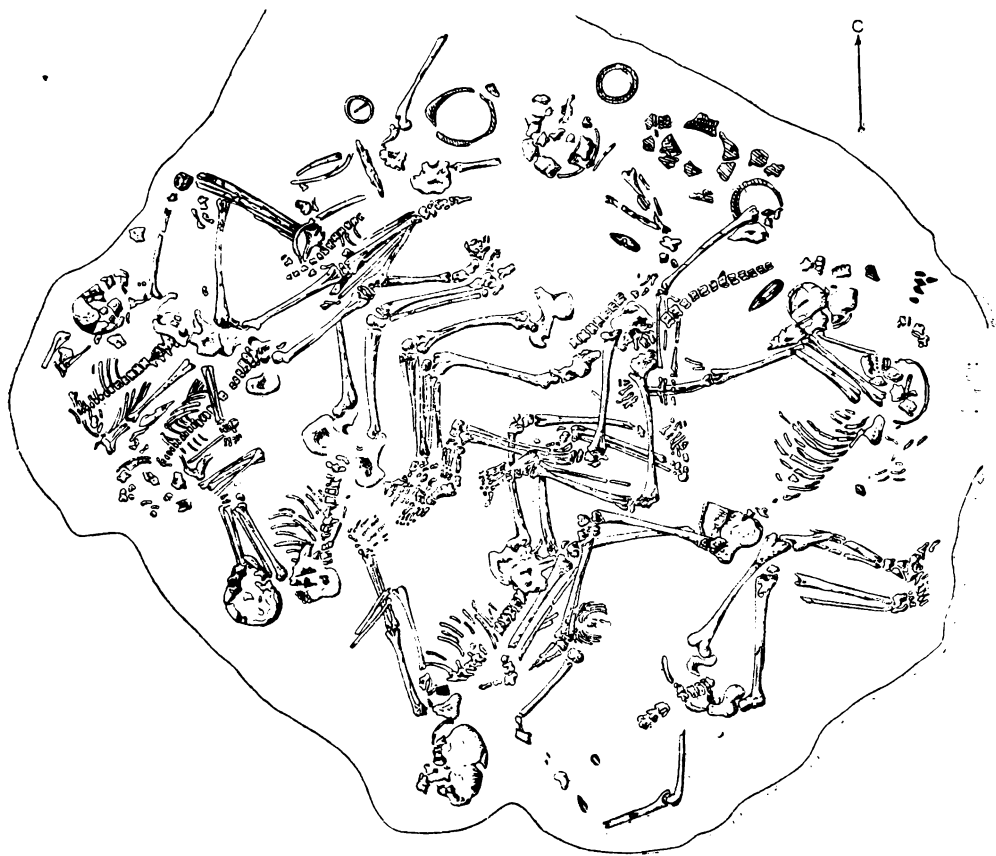

Рис. 2. Коллективное фатьяновское погребение на стоянке Николо-Перевоз.

всего культурного слоя до уровня погребения. Яма выявилась в виде черного пятна неправильной формы на фоне ярко-белого подстилающего культурный слой песка. Максимальные размеры ямы оказались 3,4×2,5 м. В ней обнаружено 9 скелетов. 6 покойников лежали головой на юго-запад, остальные три — головой на северо-восток. Один из костяков, ориентированный головой на юго-запад, лежал в вытянутом положении, все остальные — в скорченном. Кости ног всех костяков располагались в центре ямы и частично перекрывали друг друга. В северо-восточной части ямы было поставлено 5 сосудов, из них два сохранились целыми и три были раздавлены. В непосредственной близости от сосудов лежали два каменных сверленных топора, а возле черепа одного из скелетов — 5 наконечников стрел и неподалеку — один наконечник дротика. Наконечники стрел располагались так, словно были положены в колчане. На костях некоторых из скелетов найдены кремневые наконечники стрел волосовского типа. В засыпке погребения обнаружено несколько черепков волосовской посуды.

Из пяти сосудов, найденных в погребении, четыре оказались круглодонными. Один сосуд не орнаментирован, венчик его довольно сильно отогнут (рис. 3, 9).

Второй сосуд орнаментирован зигзаговой нарезной полосой, идущей по шейке сосуда; ниже на плечиках вторая лента узора также выполнена нарезным орнаментом, но в виде параллельных вертикальных отрисков (рис. 3, 11).

Третий сосуд тоже орнаментирован двумя зонами по шейке и по плечикам, но орнамент нанесен зубчатым штампом (рис. 3, 10).

Четвертый сосуд имеет несколько укороченную шейку и более отогнутый бортик. Орнамент (в виде маленьких неглубоких ямок) расположен по шейке и слегка опускается на плечики (рис. 3, 8). Круглые днища этих четырех сосудов не орнаментированы. Все четыре сосуда находят аналогии в материалах фатьяновских могильников московской группы. Правда, следует заметить, что сосуд, украшенный мелкими ямками, ближе всего по орнаментации к сосуду из самого Фатьяновского могильника, относимого О. А. Кривцовой-Граковой к ярославской группе⁶. Сосуд, украшенный нарезным орнаментом, близок и по узору и по фактуре теста к балановским.

Последний из найденных в погребении сосудов совсем выпадает из круга материалов фатьяновских памятников московской группы. Это небольшой плоскодонный сосудик с поддончиком (рис. 3, 6). Прямых аналогий этой находке мы пока не знаем; несмотря на плоское дно, он все же далек по своей форме от плоскодонного сосуда из Балановского могильника⁷. В сосудике лежали небольшие косточки какого-то животного.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КС ИИМК АН СССР, вып. XVI, 1947, стр. 25.

⁷ Там же, стр. 30.

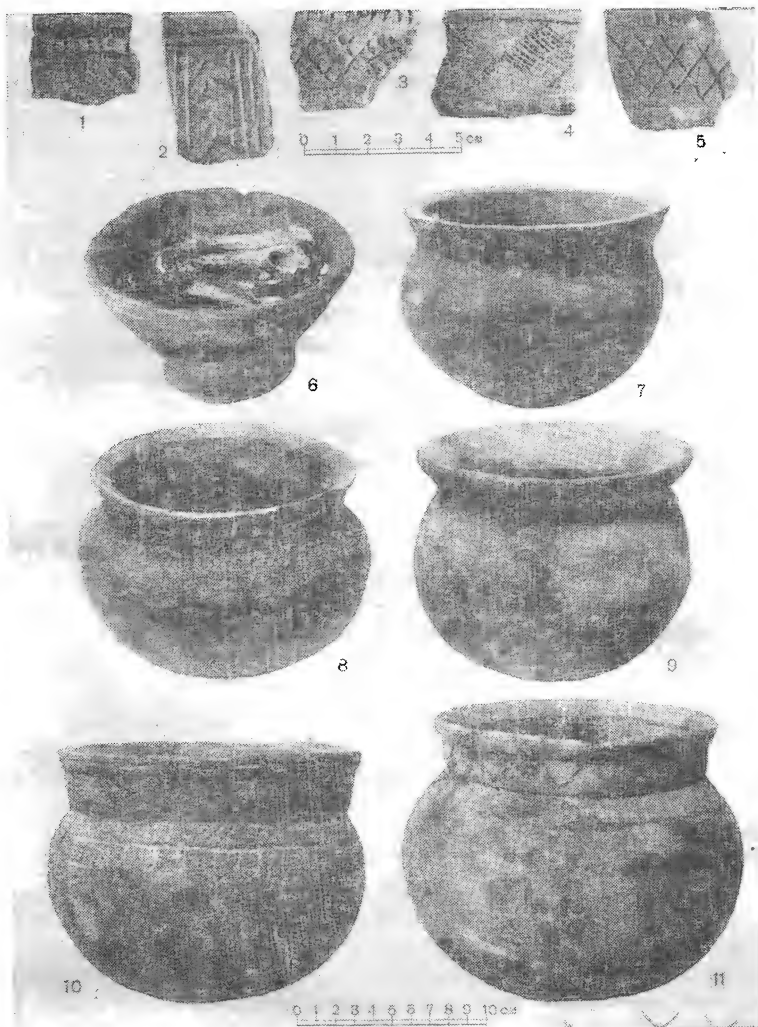

Рис. 3.

1—5 — обломки фатьяновских сосудов из культурного слоя стоянки;
 6, 8—11 — посуды из фатьяновского погребения на стоянке; 7 — сосуд из культурного слоя стоянки

Кроме сосудов, в погребении, как указывалось выше, найдено пять наконечников стрел и один наконечник дротика. Четыре наконечника стрел обычных фатьяновских типов — черешковые, изготовлены они на пластинах (рис. 4, 1—4); пятый же наконечник стрелы с выемкой в основании, с оттянутым жальцем — тип, характерный для ряда памятников юга (рис. 4, 5).

Что касается находившихся непосредственно на костях наконечников стрел, которыми, возможно, были поражены погребенные, то они резко отличаются по форме от наконечников стрел, лежавших, по-видимому, в колчане, и представляют обычные неолитические типы, часто встречающиеся в памятниках волосовской культуры (рис. 4, 7—10). Здесь же, в погребении, было найдено два сверленных топора обычных фатьяновских типов (рис. 4, 11, 12), причем один из топоров имеет очень узкий обушок (рис. 4, 12).

Топоры с узкими обушками в основном характерны также для фатьяновских могильников московской группы. Топор с узким обушком близок к топору, найденному на торфянике «Буреломка» неподалеку от г. Ногинска.

Обломки фатьяновской керамики из культурного слоя нашей стоянки отличаются самой разнообразной орнаментацией. Среди них имеются орнаментированные заштрихованными ромбами (рис. 3, 4), выполненными как оттисками гребенчатого штампа, так и нарезкой (рис. 3, 5), зигзаговыми линиями, треугольниками, оттисками веревочки, и большое число обломков без орнамента. Очень интересна часть шейки сосуда с прочерченным узором, характерным для сосудов балановской культуры (рис. 3, 2). Все эти обломки фатьяновской посуды были найдены примерно на одной глубине — от 45 до 80 см, причем наиболее интересен в этом плане раздавленный пополам сосуд без орнамента, но безусловно фатьяновский (рис. 3, 7). Этот сосуд был обнаружен в культурном слое на глубине 70 см и может указывать на стратиграфический уровень слоя в момент прихода фатьяновцев. Всего в раскопе 1958 г. найдено около 200 обломков фатьяновских сосудов; хотя это и не так много, но все же их наличие может быть объяснено лишь тем, что здесь некоторое время, пусть даже очень короткое, жили фатьяновцы.

Каковы же были взаимоотношения фатьяновцев с местными племенами? Ответить на этот вопрос с полной определенностью пока трудно, но можно высказать некоторые предварительные соображения.

Прежде всего следует отметить, что в самом нижнем горизонте культурного слоя доминирует льяловская керамика. Выше, начиная с глубины около 80 см и почти до глубины в 40—30 см от современной поверхности, основную массу находок составляют волосовские материалы. Следовательно, фатьяновская керамика встречена примерно в середине культурного слоя с волосовскими находками. Фатьяновское же погребение прорезало культурный слой и совершено на подстилающем песке.

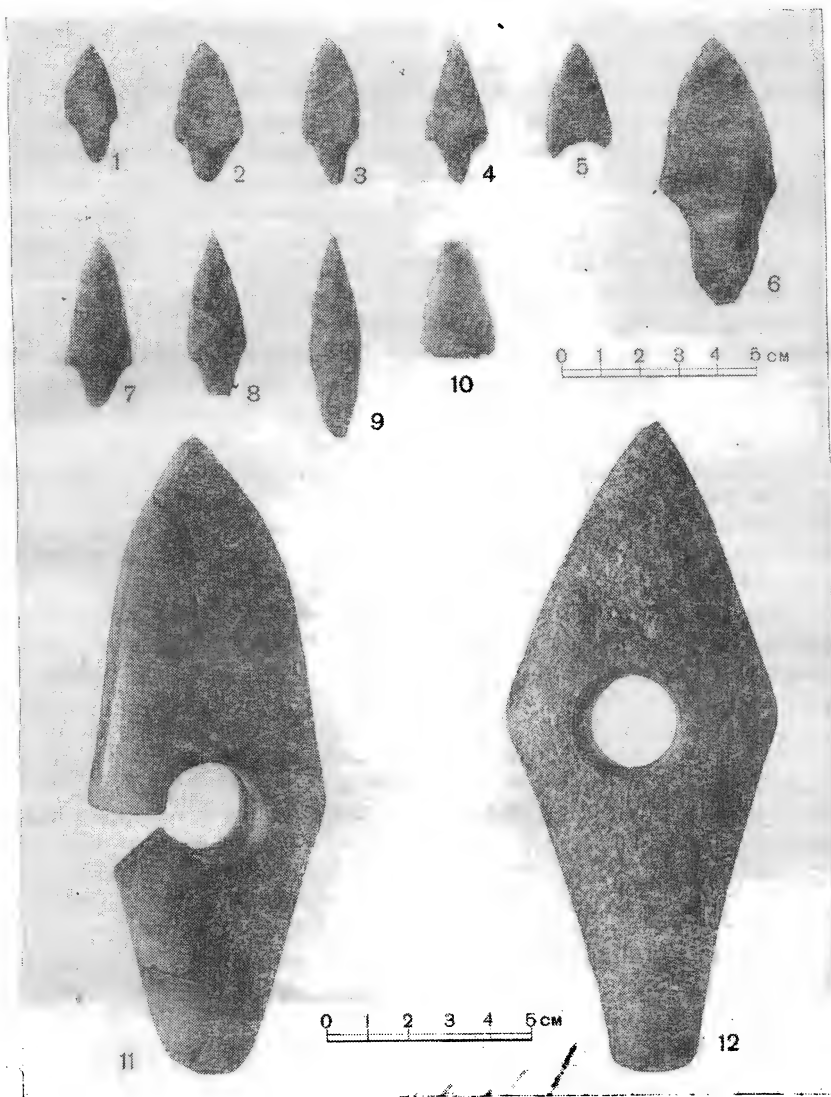

Рис. 4.

1-6 — наконечники стрел из фатьяновского погребения на стоянке; 7-10 — наконечники стрел; 11, 12 — топоры, найденные при костях этого погребения

В погребении у одного из скелетов около ключицы и в нижней части грудной клетки найдены волосовские наконечники стрел. У другого скелета кремневый наконечник стрелы лежал непосредственно на поясничном позвонке. У третьего скелета наконечник стрелы лежал под позвонком и был обнаружен только после разборки погребения. Являются ли эти наконечники стрел свидетельством того, что погребенные были убиты в бою, сказать трудно. Но наличие наконечников стрел волосовского типа в непосредственной связи со скелетами и отсутствие другого каменного инвентаря в виде скребков и ножевидных пластин, обычно более часто встречаемых в культурном слое, чем наконечники стрел, является некоторым свидетельством неслучайности факта.

Антропологический материал еще окончательно не обработан. Что касается пола и возраста погребенных, то и здесь наблюдается довольно пестрая картина. Среди погребенных, по наблюдениям М. М. Герасимова, есть и женский скелет, и мужской, и детский. Окончательная обработка антропологического материала, возможно, даст новые данные для дальнейших выводов и прольет свет на причины смерти погребенных. Но сам факт коллективного и, безусловно, одновременного погребения девяти человек сразу указывает на смерть либо в результате эпидемии, либо в бою.

Наличие сравнительно большого волосовского материала в верхних горизонтах культурного слоя, выше горизонта с находками фатьяновской керамики, свидетельствует о том, что после ухода фатьяновцев волосовцы вернулись на место своего поселения и продолжали здесь жить. Это возможно лишь в том случае, если присутствие фатьяновцев было здесь временным и отношения их с коренным населением — враждебными.

Датировать это погребение можно сейчас лишь в весьма предварительном порядке. Волосовский материал может быть датирован 2—3 четвертью II тысячелетия до н. э. Материалы фатьяновского погребения также являются сравнительно поздними. Сосуд, украшенный ямками, близок сосуду ярославской группы, сосуд с прочерченным орнаментом также не ранний, и, наконец, керамика из слоя тоже находит аналогию в материалах из Балановского могильника. Исходя из всего сказанного, нам представляется возможным датировать это погребение не ранее середины II тысячелетия до н. э., а может быть, и несколько более поздним временем.

Уже сейчас можно считать, что стоянка Николо-Перевоз не единственный памятник, свидетельствующий о столкновениях продвигающихся фатьяновских племен с местными племенами. Так, в 1950 г. возле деревни Б. Буньково А. Я. Брюсовым был раскопан чрезвычайно интересный могильник⁸. Материал этот хорошо знаком, и нет нужды на нем

⁸ А. Я. Брюсов. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie. Acta archaeologica, København. 1954.

останавливаться. Но необходимо напомнить, что в непосредственной близости (около 100—200 м) от могильника в предыдущие годы нами была раскопана неолитическая стоянка с льяловским материалом. При чем в засыпке погребений было найдено несколько льяловских черепков. Иными словами, не исключено, что и здесь, на Клязьме, в середине II тысячелетия до н. э. имел место такой же контакт фатьяновцев с местными племенами. И, наконец, остатки разрушенного фатьяновского погребения были найдены И. К. Цветковой на неолитической стоянке Черная Гора на Оке⁹.

Таким образом, нам представляется, что при своем продвижении фатьяновцы иногда могли встречать враждебный прием со стороны местных племен, в результате чего, будучи более сильными, они вытесняли местных жителей с их поселений и хоронили своих погибших либо непосредственно на месте поселения, как это было обнаружено на стоянках Черная Гора и Николо-Перевоз, либо в непосредственной близости, как это имело место в Б. Бунькове.

Дальнейшие раскопки на стоянке Николо-Перевоз могут дать новые материалы, которые, возможно, позволят уточнить интересный вопрос о взаимоотношениях фатьяновских племен с неолитическими племенами в Волго-Окском районе.

⁹ И. К. Цветкова. Стоянка Черная Гора. КС ИИМК, № 75.

Т. Б. ПОПОВА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Племена так называемой поздняковской культуры занимали довольно обширную территорию междуречья Волги и Оки. В настоящее время известно более тридцати однородных памятников, материалы с которых дают возможность выделить эту археологическую культуру (рис. 1).

Все эти памятники объединяют общность материальной культуры¹ и в первую очередь общность форм глиняной посуды и ее орнаментальных мотивов, а также ряд специфических черт в погребальном обряде и инвентаре².

Основное ядро памятников поздняковской культуры занимает среднее и нижнее течение р. Оки. Именно здесь, особенно в районах гг. Мурома, Рязани и по притокам Оки, Пры и Прони, найдены наиболее

¹ Впервые краткое описание ее было дано в работе О. Н. Бадера «К истории первобытного хозяйства на Оке и верхнем Поволжье в эпоху металла». ВДИ, вып. 3, М., 1939.

² Довольно многочисленные коллекции со стоянок и могильника поздняковской культуры, хранящиеся в Гос. Эрмитаже, ГИМ, Антропологическом музее МГУ, Рязанском, Касимовском, Пермском музеях, к сожалению, почти совсем не опубликованы и очень плохо документированы. Так, многие отчеты о раскопках основных памятников поздняковской культуры, хранящиеся в архиве ЛОИА, содержат не более 2 стр. текста, иногда с очень примитивным планом раскопа, сделанным от руки, почти всегда без профилей и со ссылкой на то, что «раскопки проводились по обычному методу, разработанному Антропологическим институтом» (Архив ЛОИА, № 114 за 1926 г., раскопки О. Н. Бадера; № 157 за 1925 г. — раскопки Б. А. Куфтина; № 125 за 1925 г. — раскопки Б. С. Жукова и др.). Все это сильно затрудняет, а порой делает невозможным разрешение вопросов, связанных с поздняковской культурой, без новых, хорошо документированных раскопок.

Рис. 1. Карта распространения памятников поздняяковской культуры

- 1 — Подняково, 2 — Подборное, 3 — Покров, 4 — Волосовские дюны, 5 — Волосовский могильник, 6 — Мало-Окуловские курганы, 7 — Гавриловские дюны, 8 — Сокорка, 9 — Сахтыш, 10 — Копаново, 11 — Дубровичи, 12 — Коренец, 13 — Коренецкие курганы, 14 — Погостище II, 15 — Польцо, 16 — Алёканово, 17 — Елизавет-Михайловка, 18 — Добрыни о-в, 19 — Засеченская I, 20 — Засеченская II, 21 — Борковская I, 22 — Клименовская, 23 — Тырнова слобода, 24 — Харинская, 25 — Логинов хутор, 26 — Фёдоровская придорожная, 27 — Карашское оз., 28 — Черная гора, 29 — Липки, 30 — Богдарня, 31 — Малый бор, 32 — Битюговские курганы, 33 — Вашутинское оз.

яркие и типичные памятники этой культуры. Поздняковская стоянка, давшая название всей культуре³, находится недалеко от г. Муром, на правом берегу старицы р. Теши. В этом же районе находится и Мало-Окуловский курганный могильник, являющийся наиболее ранним памятником поздняяковской культуры⁴. На месте Мало-Окуловского могильника было обнаружено и два культурных слоя: один — неолитиче-

³ Стоянка была исследована в 1924, 1925, 1927 гг. О. Н. Бадером и Б. С. Жуковым. Материал не опубликован и хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 80 и 310. Отчеты, архив ЛОИА, № 114/1927 г. и 125/1925 г.

⁴ А. В. Збруева. Мало-Окуловские курганы. СА, IX, М.—Л., 1947.

ский с ямочно-гребенчатой керамикой, второй — относящийся к эпохе бронзы, по-видимому идентичный материалу из курганов⁵.

В среднем течении Оки, на ее правом берегу, в 6 км ниже г. Касимова, у оз. Подборное, против с. Поповского расположена одна из наиболее интересных ранних стоянок поздняяковской культуры. Это Подборновская стоянка⁶ с мощным культурным слоем, достигающим 1—1,6 м, раскопки которой дали большой керамический материал и уникальную каменную литейную форму для отливки втульчатого копья сейминского типа. Эта находка дает некоторое основание для датировки времени существования памятника⁷.

Наиболее изученным является бассейн р. Пры, главным образом ее верхнее течение. Здесь исследованы как ранние памятники поздняяковской культуры, так и поздние. К числу наиболее ранних в этом районе можно отнести стоянку Погостище II, расположенную на оз. Дубовом⁸, давшую керамику классического поздняяковского типа, очень богато орнаментированную. Здесь же, в верховье р. Пры, на оз. Святом расположена стоянка Коренец II⁹ и в непосредственной близости от нее могильник Коренецкие курганы¹⁰. Как могильник, так и стоянка Коренец II относятся, по-видимому, к поздней стадии существования племен поздняяковской культуры в Окском бассейне. Пышная орнаментация предшествующего времени заменена на коренецкой посуде рядами различной формы вдавлений или выпуклин в сочетании с сеткой, покрывающей большую часть сосудов (рис. 2 и 3).

Следует отметить еще одну стоянку поздняяковской культуры у дер. Алеканово (дюна Могилки), расположенную у оз. Казарского в Спас-Клепиковском р-не Рязанской обл. Стоянка была исследована еще в конце прошлого века В. А. Городцовым. Материалы раскопок позволили исследователю утверждать, что в Окском бассейне существовала «про-

⁵ После раскопок Мало-Окуловских курганов в 1927—1928 гг., в 1929 г. была организована Антропологическая комплексная экспедиция по центральным областям РСФСР под руководством Б. С. Жукова, которая ставила задачу выявления соотношений различных слоев. Архив ЛОИА, № 128 за 1929 г.

⁶ Материалы хранятся в Рязанском краеведческом музее. Инв. №№ 249, 262, 487 и др. Раскопки и неоднократные сборы на стоянке были проведены Б. А. Куфтиным, А. А. Мансуровым, Н. И. Лебедевой и др. в 1924—25 гг. и 1929 гг. Архив ЛОИА, № 167 за 1925 г. Краткие сведения об этой стоянке содержатся в статьях: Б. А. Куфтин. Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки, на озере Подборном близ г. Касимова Рязанской губернии. Материалы к доистории центральной промышленной области. М., 1927; Н. И. Лебедева. Отчет о летних работах по археологии в окрестностях г. Касимова. «Вестник рязанских краеведов», № 1, Рязань, 1925.

⁷ O. Bader. Kultur der Bronzezeit in Zentralrussland. Finska Fornminnesföreningens tidskrift. 59. I. Helsinki, 1957, S. 35, abb. 11(1).

⁸ Стоянка была исследована Л. И. Пимакиным в 1955 г. Материал не издан, хранится в Истринском музее, был экспонирован на отчетной археологической сессии ИИМК АН СССР 1956 г.

⁹ Материал хранится в ГИМ, инв. № 83687.

¹⁰ Материал не издан, хранится в ГИМ. Исследован И. В. Яценко.

Рис. 2. Обломки глиняной посуды со стоянки Коренец II

межуточная стадия между неолитической эпохой и эпохой железного века»¹¹, т. е. эпоха бронзы.

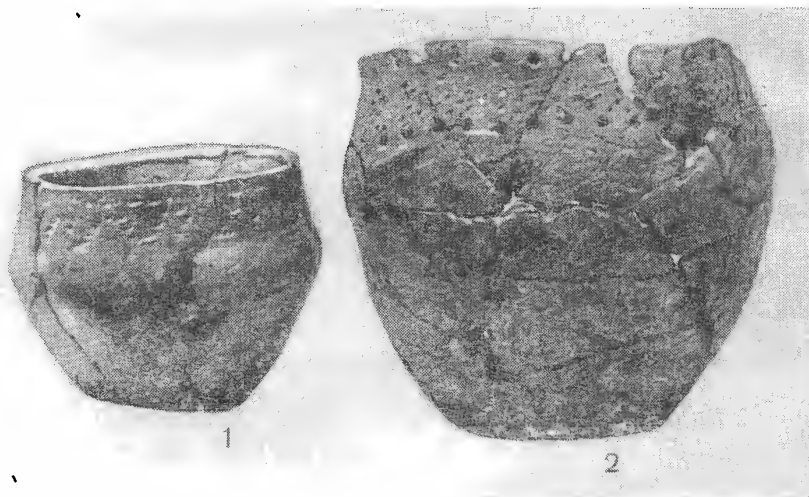

Рис. 3. Сосуды из Коренецкого курганного могильника

1 — из кургана № 3, 2 — из кургана № 7

Материалы из второго слоя Алекановской стоянки, относящиеся к эпохе бронзы, содержат, кроме керамики, бронзовую булавоочку с шайбообразной головкой и обломок кельта, позволяющие датировать этот материал временем третьей четверти II тысячелетия до н. э.¹² (рис. 4).

На эту же дату указывает находка бронзового втульчатого копья сейминского типа на Дубровичской стоянке, расположенной в этом же районе¹³.

Все эти находки дают почти одну и ту же дату — третью четверть II тысячелетия до н. э. Есть некоторые косвенные указания, которые в недалеком будущем, по-видимому, позволят углубить их датировку.

¹¹ В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности. Тр. имп. Моск. об-ва, т. XVII, 1900, стр. 1—37. Материал хранится в ГИМ, инв. № 42784.

¹² М. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte. Achter Band, Nadel, 8, 394.

¹³ Копье вместе с каменной зернотеркой было найдено В. А. Городцовым в 1922 г., передано в Рязанский музей, хранилось за № 501; в настоящее время утеряно.

Чрезвычайно сложным является вопрос о происхождении и появлении памятников поздняяковской культуры в Окском бассейне на территории, которую в предшествующее время занимали племена рязанской и волосовской неолитических культур. В свое время еще А. Я. Брюсов указывал, что на стоянках третьего этапа развития рязанской культуры отчетливо проявляются новые черты¹⁴. Во-первых, в Окском бассейне в третьей четверти II тысячелетия до н. э. появляются бронзовые вещи. Находки литейных форм на Подборновской, льячки на Алексеевской, шлаков на Поздняковской стоянках свидетельствуют о развитии местного бронзолитейного дела.

Кроме того, на территории рязанской неолитической культуры мы видим появление ряда других признаков, свидетельствующих о коренных изменениях, происшедших в среде местного населения Окского бассейна. Особенно много нового усматривается в керамике: появляется плоскодонная посуда, резко отличающаяся своей баночной и остро-реберной формой от яйцевидных сосудов рязанских неолитических племен. Наиболее существенными оказываются изменения, появившиеся в технике и стиле орнаментации. Теперь орнаментируется только верхняя часть сосуда; наиболее существенным элементом орнамента являются нарезные и зубчатые узоры, а также выпуклинки и овальные вдавления, идущие под горлом сосуда или ограничивающие всю верхнюю зону орнамента. Появляются и различные сложные геометрические узоры, как-то: крестообразные и зигзагообразные нарезки, свастика, заштрихованные треугольники, а иногда и меандры. Вместе с этими новыми чертами продолжают существовать и различные сочетания ямочных вдавлений неправильной формы и отпечатки длинного и коротких оттисков шнуровых штампов. Таким образом, мы видим, что в орнаментации керамики поздняяковской культуры наряду со многими новыми элементами узора продолжают употребляться и некоторые старые элементы, характерные для рязанской культуры. Создается впечатле-

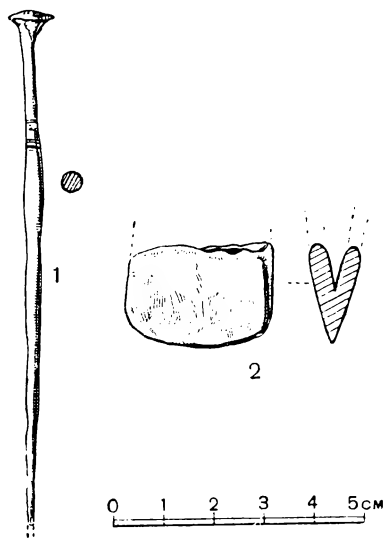

Рис. 4. Бронзовые вещи с
Алекановской стоянки
1 — булава, 2 — обломок кельты

¹⁴ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

ние, что племена рязанской культуры в какой-то мере принимали участие в сложении этнической группы, представленной поздняяковской культурой.

По-видимому, совершенно иное отношение к сложению поздняяковской культуры имели племена волосовской неолитической культуры, часть территории которой, так же как и часть территории рязанской культуры, заняли племена поздняяковцев; в поздняяковской культуре мы не находим никакой преемственности от волосовской культуры ни в форме, ни в орнаментальных узорах керамики.

Но если в формировании материальной культуры племен эпохи бронзы в Окском бассейне только частично участвовали племена рязанской культуры, то кто же сыграл решающую роль в формировании племен поздняяковской культуры?

Изучение форм и орнаментальных мотивов керамики поздняяковской посуды позволяет говорить о несомненной близости этой культуры к памятникам более южных племен срубной культуры. Именно с продвижениями племен срубной культуры можно связать появление новых — баночной и острореберной — форм сосудов, новых орнаментальных узоров и, наконец, появление совершенно нового и необычного для местного неолитического населения обряда захоронения покойников под курганами. Это же подтверждается и находками на этой территории бронзовых вещей срубного типа.

К памятникам срубной культуры наиболее близки те памятники Окского бассейна, которые датируются более ранним временем. К ним относятся в первую очередь стоянки Подборновская, Погостище II и Мало-Окуловские курганы. Именно их керамика имеет более пышную орнаментацию, занимающую большую часть верха сосуда и нанесенную зубчатыми и часто веревочными штампами. Изучением территорий, непосредственно примыкающих к Окскому бассейну, в частности изучением Цнинского бассейна, за последние несколько лет выяснено, что уже к середине II тысячелетия до н. э. эта территория была заселена племенами срубной культуры, продвинувшимися на Цну из южных степей. Река Цна и ее притоки почти вплотную подошли к притокам Дона и Северского Донца (рр. Воронеж, Битюг, Воронеж и Хопер) и способствовали продвижению племен срубной культуры на север.

Если сравнивать отдельные районы, занятые племенами срубной культуры, то они имеют некоторые территориальные особенности. В свое время О. А. Кривцова-Гракова¹⁵ выделила срубную культуру Донского бассейна, которая отличается, например, от поволжской более сложной и пышной орнаментацией. Кроме того, только в памятниках Донского бассейна бытует керамика, украшенная выпуклинами и рядами вдавлений, образующих треугольники.

¹⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, вып. 46, М., 1955.

При сравнении сосудов из поселений Цнинского бассейна и керамики срубной культуры соседних территорий наибольшая близость обнаруживается с материалами памятников Донского бассейна как раннего, так и позднего периода срубной культуры; таковы, например, поселение Лукьяновка и Костенки — для раннего этапа и поселение Васищёво и Ляничев хутор — для позднего этапа срубной культуры¹⁶. Несомненно, что именно из Донского бассейна эти племена продвинулись на Цну и, по-видимому, Цна была одним из основных путей, по которым эти племена проникли в бассейн Оки. И не случайно, что цнинская срубная культура имеет больше общего с поздняяковской культурой, чем срубная культура какой-либо другой территории.

Так, узоры, нанесенные в различных сочетаниях зубчатым штампом, узоры из выпуклин в сочетании с зубчатым или веревочным штампом, а также в виде слезок встречаются на стоянках Цнинского бассейна — таких, как Старое Тербеево, Перикса и др., и близки к узорам окских стоянок поздняяковской культуры. Еще более близкие аналогии последним имеются на стоянке у Елизавет-Михайловки Моршанского р-на¹⁷.

Продвижение племен срубной культуры вниз по течению р. Цны началось, по-видимому, в ранний период существования срубной культуры, о чем свидетельствуют многочисленные памятники раннего срубного типа, открытые в Цнинском бассейне. Об этом говорят и находки в Окском бассейне. Мало-Окуловские курганы дали керамику исключительно ранних типов срубной культуры. Так, из 10 сосудов, найденных в погребениях Мало-Окуловских курганов, 5 покрыты веревочным орнаментом; кроме того, 8 имеют ярко выраженную остререберность¹⁸. Вся мало-окуловская керамика довольно пышно орнаментирована и имеет тщательно обработанную поверхность, т. е. все признаки, характерные именно для ранней стадии срубной культуры. Следует указать, что из Мало-Окуловских курганов (курган № 9) происходит находка, также указывающая на раннюю дату, — бронзовый нож довольно архаичной формы¹⁹. Таким образом, время проникновения южных племен в Окский бассейн должно относиться к раннему этапу существования племен срубной культуры.

Для выяснения времени продвижения южных племен еще дальше на север проливают некоторый свет и находки на Говядиновском могильнике²⁰. Кроме керамики и сверленных каменных топоров, относящихся к фатьяновской культуре, на могильнике был обнаружен еще один культурный слой на глубине 60—70 см от поверхности. Керамика этого слоя,

¹⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 80—84, рис. 18—22.

¹⁷ Хранится в Моршанском краеведческом музее. Экспозиция.

¹⁸ А. В. Збруева. Мало-Окуловские курганы. СА, IX, М.—Л., 1947, стр. 202—206, рис. 2—4 (3, 4а, 4б).

¹⁹ Там же, стр. 207, рис. 6.

²⁰ В. И. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, IX, М.—Л., 1947.

орнаментированная зубчатым штампом, выпуклинами и ямками в различных сочетаниях, может быть отнесена к поздняяковской культуре. К большому сожалению, стратиграфия Говядиновского могильника не позволяет выяснить такой интересный вопрос, как взаимоотношения племен поздняяковской и фатьяновской культур. Есть некоторые основания предполагать, что фатьяновская культура также оказала некоторое влияние на формирование поздняяковской культуры, особенно в западных областях ее территории. Здесь поздняяковская керамика приобретает некоторую шарообразность в форме и подлощенность при обработке поверхности сосудов.

Продвинувшись по Цне и Мокше в Окский бассейн, вероятно, в середине II тысячелетия до н. э., южные племена расселились в восточном и западном направлениях по р. Оке и ее притокам. Взаимоотношения пришельцев с коренным населением, по-видимому, сложились по-разному. Племена рязанской культуры в большой своей части были, вероятно, ассимилированы южными племенами и оказали некоторое влияние на материальную культуру пришельцев; племена волосовской культуры были частично уничтожены, частично вытеснены с нижнего течения Окского бассейна.

В результате такого продвижения племен срубно-донской культуры на север в Окском бассейне стала формироваться новая археологическая культура, которая в большой степени оказалась связанной с южными племенами. Чем дальше отрывались ушедшие на север группы племен срубной культуры, чем больше они ассимилировали местное неолитическое население Окского бассейна, тем больше в их культуре появлялось отличий от основной срубной культуры. Так, совершенно несомненно, что курганный погребальный обряд в Окском бассейне был принесен с юга, но известно и то, что в этом погребальном обряде имеется ряд специфических особенностей, отличных от погребального обряда, распространенного у племен срубной культуры. Все эти соображения позволяют выделить перечисленные окские памятники эпохи бронзы в самостоятельную археологическую культуру.

По-видимому, из бассейна р. Оки по ее притокам племена поздняяковской культуры попали и в бассейн р. Клязьмы и на верховья Волги²¹, где можно отметить такие памятники, как второй слой Говядиновского могильника²², Липкинская стоянка²³, стоянки в районе г. Костромы (как, например, Овинцы), стоянка у озера Стойка близ с. Саметь, стоянка «Пески»²⁴ и др. В материальной культуре населения этого района появляется еще больше своеобразных черт: исчезает пышный орна-

²¹ Стоянки Верхнего Поволжья на публикуемой карте не нанесены.

²² В. И. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, IX, М.—Л., 1947, стр. 28, табл. III.

²³ A. V. Zbrueva. Der Wohnplatz von Zipki. ESA, IV, Helsinki, 1929, S. 102—105.

²⁴ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, вып. 106, М.—Л., 1935.

мент, зубчатый штамп заменяется ямочным, преобладает сетчатая орнаментация, которая в поздний период существования поздняяковской культуры начинает доминировать не только на Клязьме и верховьях Волги, но и в Окском бассейне.

Изучение памятников поздняяковской культуры еще только начато, ряд вопросов еще не может быть разрешен окончательно и является проблемой будущего.

И. К. ЦВЕТКОВА

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЛИЗ г. ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО

Летом 1959 г. Государственным Историческим музеем совместно с Переславским городским музеем краеведения проводилась археологическая экспедиция в Переславском районе Ярославской области, в результате которой были частично исследованы 2 памятника: неолитическая стоянка на Ивановском торфянике и двухслойное поселение на Вашутинском озере.

Вашутинская стоянка расположена на северо-восточном берегу Вашутинского озера, на незаливаемой песчаной дюне. Стоянка была открыта В. И. Смирновым, собравшим на поверхности небольшое количество ямочной керамики и кремневых орудий.

В 1959 г. на Вашутинской стоянке было заложено 2 небольших раскопа: первый — в юго-западной части дюны, содержащий однородный материал, характерный для раннего этапа развития льяловской культуры, и второй — в северо-восточной части дюны, где было обнаружено 2 культурных наслоения: нижний горизонт, содержащий такой же ранний материал, как в первом раскопе, и верхний горизонт — поселение волосовской культуры¹. Здесь было раскопано обычное для поселений волосовской культуры большое полуподземное жилище подпрямоугольной формы с выходом в виде узкого пандуса и кострищем напротив выхода. Размер жилища 6×7 м.

Инвентарь этого поселения довольно разнообразен². Среди обычных для неолитических памятников кремневых орудий (рис. 1, 1, 2, 3, 6,

¹ Здесь мы не будем касаться материала нижнего горизонта культурного слоя Вашутинской стоянки; речь будет идти только о поселении волосовской культуры.

² Коллекция хранится в Переславском городском музее.

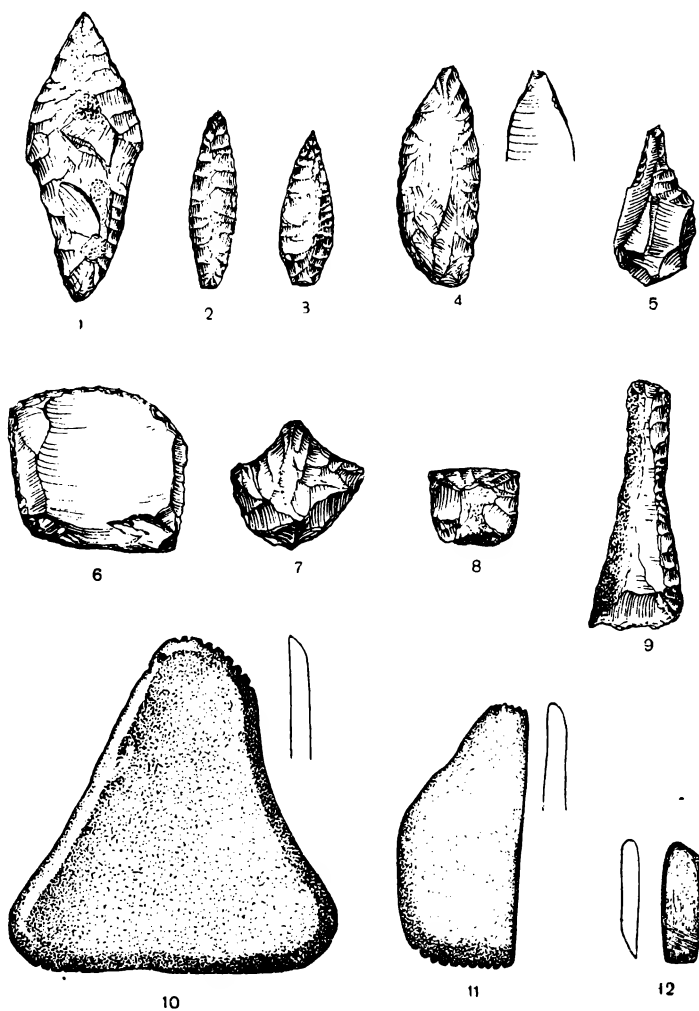

Рис. 1. Кремневые и сланцевые орудия с Вашутинской стоянки

1—3 — наконечники стрел; 4, 7 — резчики; 5 — шило; 6, 8 — скребки; 9 — нож; 10—12 — штампы для нанесения орнамента на глиняные сосуды

8, 9) на Вашутинской стоянке имеются орудия, типичные для волосовской культуры, как-то: резчики из массивных отщепов (рис. 1, 4), шилья с резцовыми сколами по рабочему краю (рис. 1, 5), комбинированные орудия (рис. 1, 7). Встречаются также сланцевые топоры и тесла. Интересно отметить два зубчатых штампа, изготовленных из аморфных пластинчатых галек (рис. 1, 10, 11). Керамика верхнего горизонта культурного слоя Вашутинского поселения однотипна, за исключением одиночных фрагментов. Сосуды толстостенные, плоскодонные, с характерными для волосовской культуры профилями. Все они изготовлены из глины с растительной примесью. Часть сосудов не орнаментирована. Большинство из них покрыто типичным для волосовской культуры орнаментом, нанесенным разнообразными зубчатыми и рамчатыми штампами, ямчатыми вдавлениями или нарезкой. В подавляющем большинстве случаев орнамент сделан крайне небрежно, нередко он оказывается почти стертым в результате сглаживания внешней поверхности сосудов после нанесения орнамента (рис. 2, 1—5).

Такая керамика типична для позднего этапа развития волосовской культуры, причем наиболее близкой к вашутинской является керамика стоянки Подборица-Щербининская, расположенной на Оке, напротив г. Павлова, неподалеку от устья р. Клязьмы³.

Кроме охарактеризованного выше основного керамического комплекса, на Вашутинском поселении были найдены единичные фрагменты керамики, типичные для поздняяковской культуры (рис. 2, 7), и фрагмент тонкостенного залощенного сосуда с прочерченным орнаментом, характерным для керамики абашевской культуры (рис. 2, 6). Находки небольшого количества абашевской керамики известны из упомянутой выше стоянки Подборица-Щербининская, где вместе с этой керамикой была найдена типичная для абашевской культуры бронзовая звездчатая розетка.

Находка фрагмента абашевской керамики на Вашутинском поселении подтверждает предположение о возникновении во второй половине II тысячелетия до н. э. связей между племенами волосовской и абашевской культур. Необходимо отметить, что один из крупных абашевских могильников находится на расстоянии около 50 км от Вашутинской стоянки на северо-восточном берегу Плещеева озера.

Итак, исходя из основного комплекса материала, Вашутинскую стоянку следует отнести к позднему этапу развития волосовской культуры, который по целому ряду признаков датируется второй половиной II тысячелетия до н. э. Этой дате не противоречат также находки на Вашутинской стоянке керамики поздняяковского типа и фрагмента абашевской керамики.

Вашутинская стоянка, бесспорно, принадлежит к памятникам во-

³ Раскопки И. К. Цветковой. ГИМ, инв. № 96612.

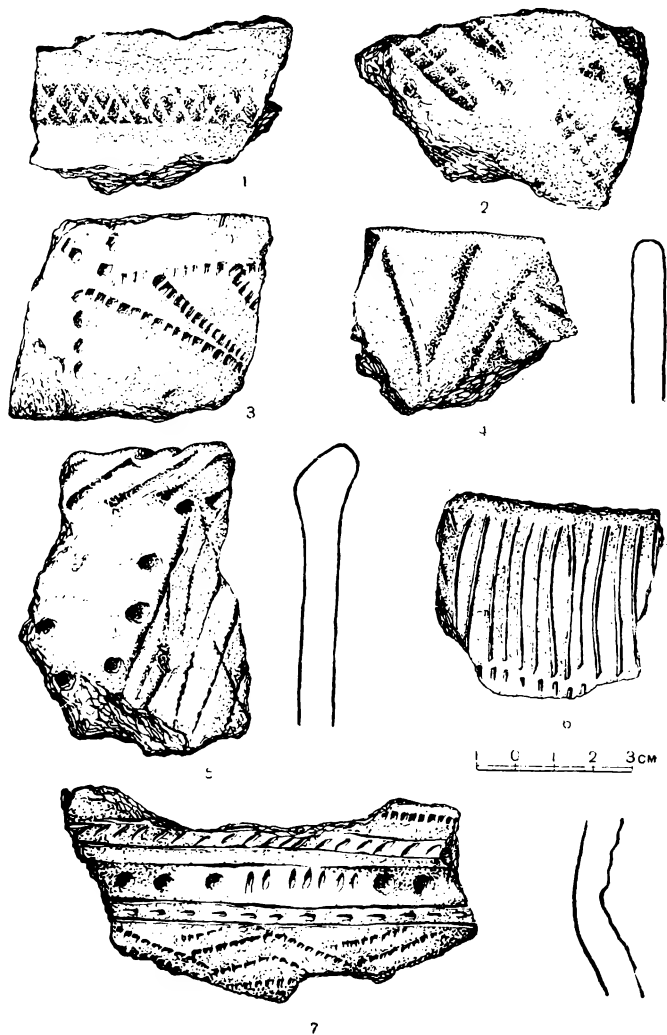

Рис. 2. Обломки глиняных сосудов с Вашутинской стоянки

волосовской культуры, хотя и расположена далеко за пределами ее распространения.

Как известно, основной территорией распространения волосовской поздненеолитической культуры является район нижнего течения Оки от верховьев Пры на юго-западе до низовьев Клязьмы на северо-востоке. Здесь расположены хорошо известные в археологической литературе Волосовская⁴, Панфиловская⁵ стоянки, стоянка Садовый Бор⁶, Плеханов Бор⁷, Коренец⁸ и др. Позднее оказалось возможным расширить границы волосовской культуры на северо-восток. Такие памятники, как стоянки Холомониha⁹, Володары¹⁰, Гавриловка¹¹ и Подборица-Щербининская, расположенные в низовьях Оки и Клязьмы, свидетельствуют о начавшемся в середине II тысячелетия до н. э. расселении волосовских племен вниз по течению Оки¹² (рис. 3).

Однако имеется несколько памятников, несомненно относящихся к волосовской культуре, которые расположены далеко за пределами основной территории ее распространения. Так, на расстоянии около 350 км к северу от границы территории волосовской культуры в пределах Костромской обл. находится стоянка Станок¹³. Инвентарь нижнего горизонта культурного слоя этой стоянки относится к волосовской культуре позднего этапа ее развития. К западу и северо-западу от границ волосовской культуры в низовьях р. Дубны и Клязьмы и в верховьях Яхромы расположены стоянки Николо-Перевоз¹⁴, Буньковская¹⁵ и Языковская¹⁶ (рис. 3). Один из горизонтов культурных слоев этих стоянок также относится к волосовской культуре.

Пятым памятником волосовской культуры, расположенным за пределами основной территории ее распространения, является исследованная в 1959 г. Вашутинская стоянка. Все эти поселения относятся к среднему или позднему этапам развития волосовской культуры и датируются

⁴ В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. Древности, т. XXIV, М., 1914.

⁵ Его же. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Владимирск. обл. музея, вып. II, Владимир, 1925.

⁶ Ф. Я. Селезнев. Приокские древнейшие поселения. Тр. Владимирск. обл. музея, вып. III, Владимир, 1928.

⁷ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, тт. I—II, М., 1882.

⁸ Сборы В. Леонова и А. Монастырева. ГИМ, инв. № 4239.

⁹ Раскопки О. Н. Бадера. Материал хранится в Гос. Эрмитаже.

¹⁰ И. К. Цветкова. Неолитические жилища на стоянке Володары. СА, № 2, 1958.

¹¹ Раскопки И. К. Цветковой. ГИМ, инв. № 83803.

¹² И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, вып. XXII, М., 1953.

¹³ Материалы из раскопок В. И. Смирнова хранятся в Костромском и Ивановском краеведческих музеях.

¹⁴ Раскопки В. М. Раушенбах. ГИМ, инв. № 96201.

¹⁵ В. М. Раушенбах. Неолитическая стоянка у деревни Б. Буньково. ИИМК АН СССР, вып. XXXII, М., 1950.

¹⁶ О. Н. Бадер. Неолитические погребения на Верхней Волге. СА, III, М., 1937,

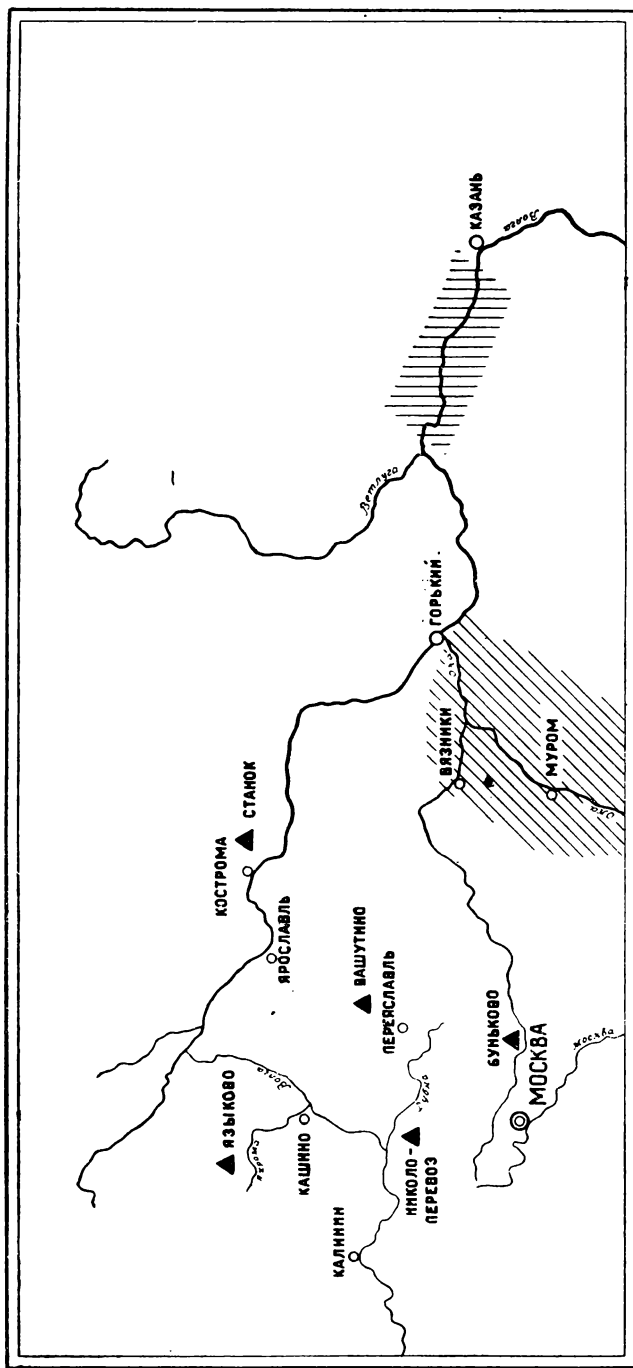

Рис. 3. Памятники волосовской культуры за пределами основной ее территории

ся не ранее середины II тысячелетия до н. э. В это же время началось расселение племен волосовской культуры в низовья Оки и Клязьмы. Вероятно, результатом этого явились и указанные выше пять волосовских поселений. Наиболее поздним из них является и наиболее удаленная от Оки стоянка Станок. Эта стоянка, как и одновременные с ней поселения Холомониha и Подборица-Щербининская (район низовьев Клязьмы), датируется не ранее чем третьей четвертью II тысячелетия до н. э. К этому же времени следует отнести и Вашутинскую стоянку.

В последние годы работами Куйбышевской археологической экспедиции был открыт и частично исследован ряд поздненеолитических поселений на Волге в районе Казани (т. е. на расстоянии около 300 км к востоку от низовьев Оки). А. Х. Халиков¹⁷ справедливо отметил сходство материала некоторых приказанских стоянок с материалом волосовских окских поселений. Одним из основных выводов автора является положение о том, что происхождение волосовской культуры следует вести из областей Казанского Поволжья. Развивая этот тезис, можно заключить, что исследованные в Приказанье памятники волосовского типа должны быть древнее окских волосовских поселений, которые, по мнению А. Х. Халикова, явились результатом расселения приказанских племен.

К сожалению, в настоящее время невозможно выдвинуть сколько-нибудь обоснованное положение о происхождении волосовской культуры. Высказываемое некоторыми исследователями (О. Н. Бадер, В. М. Раушенбах) предположение о восточном (может быть, уральском) происхождении волосовской культуры пока еще является лишь рабочей гипотезой, не подкрепленной фактическим материалом. Что касается вопроса о приказанском происхождении волосовской культуры, то изучение приказанских памятников заставляет не согласиться с основным выводом А. Х. Халикова. Но такие приказанские памятники, как например стоянка Сумская I, Займино III и Обсерватория III, имеют в довольно большом количестве материал, который, несомненно, относится к волосовской культуре. Однако весь этот материал поздний, о чем говорит прежде всего керамика, в которой прослеживаются все поздние признаки, как-то: наличие растительной примеси в глиняном тесте, крайне небрежно нанесенный орнамент, который в подавляющем большинстве случаев сильно затерт, наличие мало орнаментированных или совсем не орнаментированных сосудов. Наиболее близкой аналогией этому материалу является инвентарь стоянки Подборица-Щербининская, которую можно считать наиболее поздним поселением волосовской культуры на Оке.

Исходя из вышеизложенных фактов следует высказать предположение, что поселения волосовской культуры в Приказанье являются

¹⁷ А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье. МИА, вып. 61, М., 1958.

результатом дальнейшего расселения волосовских племен, происходившего не ранее рубежа 3-й и 4-й четвертей II тысячелетия до н. э. В это время в районы среднего и нижнего течения Оки проникают племена так называемой поздняяковской культуры, которые за короткое время заняли территорию племен рязанской и волосовской культур.

Первые, вероятно, были частично истреблены, частично ассимилированы «поздняковцами» (об этом свидетельствуют материалы таких памятников, как например Черная Гора¹⁸ и стоянка Алеканово¹⁹). Что касается племен волосовской культуры, то часть из них также, вероятно, была истреблена и ассимилирована племенами поздняяковской культуры, другие же вынуждены были переселиться на значительно удаленные от Оки территории. Результатом этого расселения и являются такие поздние памятники, как Вашутинская стоянка в Ярославской обл., стоянка Станок в Костромской обл., а также поселения волосовской культуры в Приказанье.

¹⁸ И. К. Цветкова. Стоянка Черная Гора. КС ИИМК АН СССР, вып. 75, М., 1959.

¹⁹ Раскопки В. А. Городцова. ГИМ, инв. № 42784.

Э. А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

АНДРОНОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ XV—XIII вв. до н. э.

(К вопросу о периодизации андроновской культуры)

Летом 1957 г. объединенная археологическая экспедиция Института истории материальной культуры, Государственного Исторического музея и Оренбургского краеведческого музея проводила работы в Соль-Илецком р-не Оренбургской обл.¹

На левом берегу р. Илека в 12—20 км выше г. Соль-Илецка в четырех курганных группах было вскрыто 13 курганов, содержащих несколько десятков разновременных погребений и в том числе четыре погребения эпохи бронзы. Три из них² дают обычный для данной территории смешанный срубно-андоновский керамический материал, подтверждающий наличие у местных племен связей с племенами соседнего Поволжья. Четвертое погребение выпадает из ряда обычных андроновских памятников и заслуживает особого внимания.

В курганной группе «Близнецы» у с. Кумак под насыпью № 1 открыта могильная яма размером 2,7×1,65 м при глубине 1,54 м, ориентированная с запада на восток (погребение 6).

Северная стенка ее частично срезана впускным сарматским погребением, не потревожившим дна основной могилы. Никаких следов покойника здесь не обнаружено. Восточная половина ямы пуста, а в западной ее части, на дне, сохранившем остатки растительной подстилки, найден немногочисленный, но исключительно интересный инвентарь (рис. 1, 2).

В северо-западном и юго-западном углах могилы стояли два больших андроновских сосуда (рис. 1). В меньшем из них (юго-западном)

¹ Работы велись под руководством К. Ф. Смирнова.

² Курганная группа у с. Увак, курган 3, погребения 1, 2; курганная группа «Близнецы», курган 5, погребение 1.

находился бронзовый наконечник копья с ребром, переходящим на лицевую втулку, пояском и дырочкой для прикрепления к дереву (рис. 2, 1). Копье лежало, по-видимому, вдоль южной стенки погребальной ямы, опираясь первоначально концом древка о дно могилы, а втулкой наконечника о край сосуда. Во втулке сохранился обломок дерева. Здесь же у южной стенки найдено большое каменное ложило (рис. 2, 3), а в центре описываемой части ямы — бронзовый нож срубного типа ранней формы со слабо выраженными выемками по бокам (рис. 2, 2).

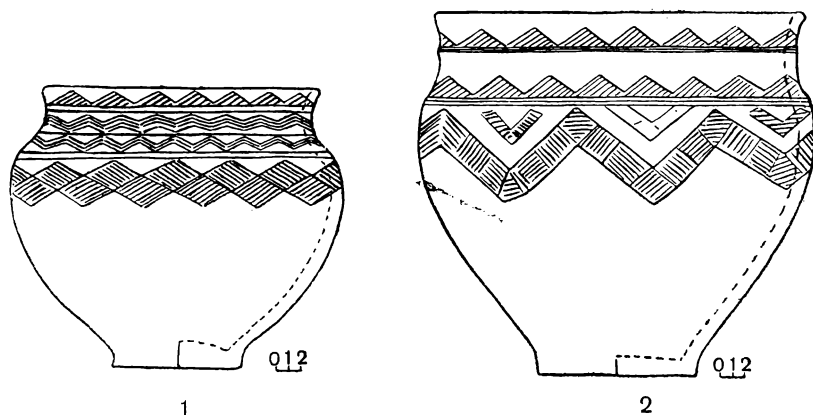

Рис. 1. Глиняные сосуды

Такой комплекс вещей необычен для погребений андроновской культуры, которые содержат, как правило, сосуды и лишь в редких случаях металлические предметы, чаще всего украшения. Из андроновских памятников Южного Приуралья известно всего три ножа срубного типа, два из них происходят из Алексеевского и Кожумбердынского могильников³. Бронзовые втульчатные копья, широко распространенные на территории Поволжья, в андроновских комплексах до сих пор не встречались. Единственным исключением является опубликованный А. А. Формозовым⁴ наконечник копья из разрушенного при строительстве г. Орска погребения, инвентарь которого до наших дней не сохранился, а значительная часть его, в том числе керамика, неизвестна даже в рисунках.

Находку копья сейминского типа в андроновском погребении у с. Кумак трудно переоценить, поскольку она датирует весь комплекс

³ О. Krivtsova-Grakova. Une trouvaille d'objets de l'âge du bronze dans la région du haut Tobol. ESA, IV, Helsinki, 1929, S. 119, fig. 3. О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 165, рис. 74.

⁴ А. А. Формозов. Археологические памятники в районе Орска. КС ИИМК, 1951, XXXVI, стр. 120, рис. 32.

XV—XIII вв. до н. э.⁵ и дает основание для абсолютной датировки найденных в комплексе типов керамики (рис. 1).

Как известно, К. В. Сальников⁶ выделяет для Южного Зауралья три хронологических этапа андроновской культуры:

I. Федоровский (середина II — конец II тысячелетия до н. э.)

II. Алакульский (конец II тысячелетия — IX в. до н. э.)

III. Замаераевский (VIII—VII вв. до н. э.).

Керамика их различается по форме, пропорциям, стилю и технике нанесения орнамента. Федоровские сосуды имеют округлые приземистые формы и выполненный мелкозубчатым штампом геометрический орнамент, сплошь покрывающий верхнюю часть сосудов.

Алакульские сосуды отличаются более вытянутыми пропорциями и имеют уступчик на плечике. Орнамент обычно нанесен нарезкой, а в нижней части шейки оставлена неорнаментированная полоса.

Придерживаясь данной классификации, один из сосудов погребения № 6 можно отнести к первой группе керамики (рис. 1, 1), однако он отличается от обычных федоровских горшков небольшим уступчиком на округлом плечике, что может быть объяснено местными влияниями. Следует заметить, что федоровская керамика, широко известная в Челябинской обл., в более южных районах — в Оренбургской обл. и Западном Казахстане встречается крайне редко. Второй сосуд (рис. 1, 2) является типичным представителем серии развитой алакульской керамики и находит себе аналогии в Алексеевском (верховья Тобола) и Кожумбердынском (на р. Ори) могильниках, которые принято датировать рубежом II и I тысячелетий до н. э.⁷

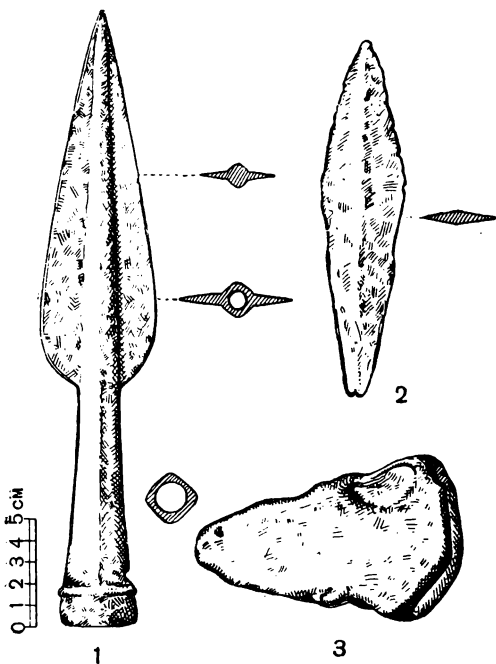

Рис. 2.

1 — бронзовое копье, 2 — бронзовый нож,
3 — каменное ложило

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, стр. 7; М. Gimbutas. Borodino, Seima and their Contemporaries. Proceeding of the prehistoric society for 1956. New series, Vol. XXII, March, 1957.

⁶ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, стр. 112, 147.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 150, 163.

Находка алакульского сосуда в описанном выше комплексе, датированном XV—XIII вв. до н. э., ставит под сомнение принятую дату второго этапа андроновской культуры. По-видимому, алакульские памятники следует удревнить по крайней мере на четыре столетия и считать их сосуществующими с федоровскими. Если допустить, что керамика алакульского типа развилась в районе Южного Приуралья и Северного Казахстана, а затем с продвижением племен была занесена в более северные районы, то станет понятно, почему для Челябинской области К. В. Сальников отмечает только позднюю алакульскую керамику, в то время как в районе г. Орска известна и ранняя⁸.

С другой стороны, объясняется тот странный факт, что на Кипельском селище (средний Тобол), где стратиграфически прослежена смена федоровской и алакульской керамики, на первом этапе люди жили в наземных жилищах, а затем на более высоком уровне развития в тех же самых климатических условиях неожиданно стали сооружать землянки, характерные для памятников более южных степных районов⁹. В каких взаимоотношениях были обитатели степной и лесостепной полосы Южного Зауралья и Приуралья? Являются ли так называемые федоровский и алакульский этапы андроновской культуры ее локальными вариантами или отдельными культурами, принадлежавшими различным группам племен, живших на соседних территориях? Дальнейшие работы в Южном Приуралье должны дать ответ на эти вопросы.

⁸ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 115.

⁹ Там же, стр. 114.

М. Н. ПОГРЕБОВА

БРОНЗОВЫЙ КИНЖАЛ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОГО ТИПА ИЗ КЕДАБЕКСКОГО МОГИЛЬНИКА В СЕВЕРНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В фондах Государственного Исторического музея, в коллекции вещей из раскопок могильника близ г. Кедабек в Северном Азербайджане, производившихся в 1896 г. А. А. Ивановским, хранится интересный экземпляр бронзового кинжала (рис. 1), найденный в могиле № 23¹. Кинжал отличается по форме от закавказских и относится к хорошо известной группе бронзовых кинжалов так называемого переднеазиатского типа. Он имеет узкий и длинный клинок с тонким ребром и рельефным полукругом у основания. Рукоятка кинжала тоже узкая, с расширением в верхней части; в нижней части она плавно переходит в клинок. Оригинальным в ней является наличие с двух сторон продольных закраин.

Такие закраины на рукоятках (для костяной, деревянной или пастовой обкладки) в сочетании с длинным клинком как раз и являются отличительной особенностью кинжалов переднеазиатского типа².

Начиная с XVIII в. до н. э. и до начала I тысячелетия н. э. этот тип кинжалов был распространен на огромной территории от Эгег и Египта до Афганистана, включая и Кавказ. О том, где именно впервые за-

¹ ГИМ, инв. № 47733.

² T. I. Meek. Bronze swords from Luristan. Bull. of the Amer. schools of Oriental Research, № 74, apr. 1939; R. Hutchison. Two Mesopotamian daggers and their relatives. Iraq. v. I, p. 2, Nov. 1934; H. Bonnet. Die Waffen der Völker des ältesten Orients. Leipzig. 1926, s. 65. А. А. Иессен. Из истории древней металлургии Кавказа. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 162, 163; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 66—68 и др.

родилась эта форма, существует несколько мнений. Утчinson и Галлинг полагают, что она обязана своим появлением гиксосским мастерам. Миик, Бонне, Дюссо³ считают, что этот тип кинжалов возник на Среднем Востоке, точнее — в Ассирии. По-видимому, однако, родину этой формы кинжалов следует искать на восточном побережье Средиземного моря, так как в настоящее время наиболее древние экземпляры кинжалов переднеазиатского типа известны в Египте, Сирии, Палестине⁴. То же устройство рукоятки встречается и у серповидно изогнутых мечей, известных в Сирии и Ассирии⁵. Наибольшее распространение кинжалы переднеазиатского типа получают в XIV—XII вв. до н. э.; во всяком случае, большинство известных нам из Сирии и Ирана экземпляров относится именно к этому времени. Многие экземпляры этого типа на Ближнем Востоке являются случайными находками, но значительная часть их происходит из датированных слоев поселений, а иногда на кинжалах имеются и надписи, как например на некоторых луристанских кинжалах, принадлежавших царям вавилонской династии XII в. до н. э. — Мардуку-Надин-Ахе и Мардуку-Шапик-Зери, а также их приближенным, или с надписью Адид-Апуль-Идди-ны⁶ — XI в. до н. э. и др.

Несмотря на длительный период бытования, формы переднеазиатских кинжалов не претерпевают значительных изменений и не различаются четко в зависимости от времени. Очень сходные формы встречаются в различное время, даже если сделать скидку на возможность не слишком точной датировки. Так, например, хорошо известный кинжал из некрополя «В» Тепе-Сиалка, датируемый XII—XI вв. до н. э., аналогичен египетским кинжалам XVI—XIV вв. до н. э. Формы кинжалов выделяются по строению рукоятки, которое наиболее четко определяется во всех видах. Про-

Рис. 1.
Бронзовый
кинжал из
могилы № 23
Кедабек-
ского могиль-
ника

³ R. Hutchison. Указ соч., стр. 170; T. I. Meek. Указ. соч., стр. 10, 11; H. Bonnet. Указ. соч., стр. 65—70; R. Dussaud. Доп. к ст. Schaeffer'a «Les fouilles de Minet el Beida et de Ras Shamra». Syria X, Paris, 1929, p. 299.

⁴ Archaeologia. Vol. LIII, London, 1893, pl. IV, fig. 2; H. Bonnet. Указ. соч., рис. 24а; C. Schaeffer Stratigraphie comparée et chronologie dans l'Asie Occidentale. Paris, 1948, pp. 96, 103, 408, fig. 44d; C. Schaeffer. Les fouilles de Ras Shamra — Ugarit. Syria XIX, Paris, 1938; Macalister. The excavations of Geser. London, 1912, Vol. 2, p. 376, fig. 473. Характерно, что такое устройство рукоя-

стейшие формы типа кинжалов Нихавенда⁷ распространены на всей указанной территории, но в некоторых областях преобладали кинжалы специфических характерных форм, очевидно изготовлявшиеся на месте. Так, можно выделить типы, характерные для Сирии и Палестины, Ирана, Луристана, Талыша⁸ и др.

Не касаясь здесь вопроса о связи переднеазиатского типа с другими местными формами, следует только сказать, что кинжалы описываемого типа, найденные на Кавказе, специфических форм не имеют. Более того, как правило, легко определяется их происхождение из той или иной ближневосточной области.

В настоящее время на Северном Кавказе и в Закавказье известно 16 кинжалов переднеазиатского типа, относящихся, главным образом, к концу II тысячелетия до н. э.⁹ Большинство их происходит, очевидно, из Ирана и Ассирии.

Кинжал из раскопок А. А. Ивановского четко выделяется из всех остальных кинжалов переднеазиатского типа, найденных на Кавказе. Выпуклый полукруг у основания клинка указывает на безусловную связь с Талышем, где эта особенность украшения кинжалов была чрезвычайно широко распространена. Как правило, талышские кинжалы очень однородны. Некоторое исключение составляют кинжалы из Гасан-Замини и особенно два кинжала из Ага-Евлара¹⁰. Их рукояти не ограничены резко от клинков, как в других талышских образцах, и вместо характерных треугольных имеют узкие ровные клинки, т. е. наиболее

ти бытует в Малой Азии очень долго. Даже в XVIII—XIX вв. оно сохраняется в турецких янычарских ятаганах.

⁵ O. Montelius. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien. Braunschweig, 1900, s. 139; H. Bonnet. Указ. соч., s. 84, fig. 36; The Illustrated London News, Nov. 12, 1927, p. 859, № 4; C. Schaeffer. Stratigraphie comparée., fig. 158. Указ. соч., (Палестина).

⁶ T. Meek. Указ. соч. fig. 1 (2); The British Museum Quarterly VII. London, 1932, pl. XVIII; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, 1941, pl. XXVIII c.

⁷ Bronze age daggers from Nihavend. The British Museum Quarterly. Vol. IV, № 1, London, 1924, p. 4, pl. IVb.

⁸ C. Schaeffer. Указ. соч., fig. 44(4); F. Petrie. Tools and weapons № 30463; T. Meek. Указ. соч., fig. 1(11); The British Museum Quarterly. Vol. IV, London, 1936, pl. XXI; J. Morgan. Mission scientifique en Perse. Paris, 1897, p. 67.

⁹ ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 162, 163; Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 68; Marija Gimbutas. Borodino, Seima and their contemporaries. Proceedings of the Prehistoric Society for 1956, Vol. XXII, p. 149. К кинжалам, перечисленным Е. И. Крупновым, следует прибавить два кинжала из Эчмиадзинского музея и кинжал из Мильской степи. А. А. Мартиросян. Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеуарского периода. Изв. АН Армянской ССР, № 9, Ереван, 1956, стр. 81; И. М. Джафар-Заде. Элементы археологической культуры древней Мугани. Изв. АН Азербайджанской ССР, № 9, Баку, 1946, рис. 6.

¹⁰ C. Schaeffer. Указ. соч., pl. LVIII, fig. 217a. b.

близкие к классическому типу переднеазиатских кинжалов. Однако все они имеют типичные талышские продольные ребра посредине клинка, а у одного из ага-евларских имеется также характерный полукруг у основания клинка. Кинжалы из Гассан-Замини и Ага-Евлара напоминают кинжал из могилы № 23 Кедабекского могильника. Несомненно, что описываемый кедабекский кинжал был доставлен в Северный Азербайджан с Талыша, и, возможно, из местности, близкой к могильнику Ага-Евлар.

Талышские комплексы, содержавшие вышеописанные кинжалы, датируются К. Шеффером XV—XIV вв. до н. э.

Однако Кедабекский могильник, очевидно, не может быть отнесен к такой ранней дате. Как известно, в нем были найдены бронзовые стрелы скифского типа, датируемые VI в. до н. э., а по мнению других исследователей — даже IV в. до н. э.¹¹ Это и дало основание датировать могильник, а также найденный в нем кинжал переднеазиатского типа тем же временем¹². Такая датировка еще более расширяет время бытования на Кавказе кинжалов переднеазиатского типа, которое большинством исследователей определялось XVIII—IX вв. до н. э. Нужно, однако, заметить, что весь Кедабекский могильник в целом как по обряду погребения, так и по инвентарю¹³ производит чрезвычайно однородное впечатление и не является типичным для VI—IV вв. до н. э. — периода, который в настоящее время изучен достаточно хорошо¹⁴.

Так, бронзовые мечи, находившиеся в могилах №№ 26 и 61, относятся к хорошо известному в Восточном Закавказье типу, распространенному в эпоху бронзы¹⁵, но, как правило, в эпоху железа такие мечи почти не встречаются.

Большинство бронзовых кинжалов могильника относится к хорошо известному в Восточном Закавказье типу. Это небольшие кинжалы с заостренным клинком, плоским металлическим стержнем для насадки деревянной рукоятки и прорезным колоколовидным навершием, известные еще по таким ранним памятникам, как Арчадзорские курганы¹⁶. С распространением железного оружия этот тип сменяется кинжалами совершенно аналогичной формы, но с железным клинком¹⁷. В могиле

¹¹ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Тр. ГИМ, вып. XI, 1940, стр. 15.

¹² И. Г. Нариманов (канд. дисс.). Археологические памятники Ганджинского р-на Азербайджана (с древнейших времен до эпохи железа). М., 1955, архив ИА АН СССР, разр. 2, № 1293.

¹³ МАК, VI, стр. 89—140, 167—168.

¹⁴ А. А. Мартirosян. Раскопки в Головино. Ереван, 1954.

¹⁵ ОАК за 1894 г., стр. 17; Я. И. Гуммель. Погребальный курган № 1 около Еленендорфа. Баку, 1931.

¹⁶ ОАК за 1894 г., стр. 17 и сл.; Я. И. Гуммель. Указ. соч.

¹⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 54.

№ 48 в одном комплексе со скифскими стрелами найден кинжал подобной формы, правда, очень небольших размеров. Конечно, наличие такого кинжала еще не может говорить о ранней дате могильника, но большое количество бронзовых кинжалов (23 экземпляра) при полном отсутствии железных является, несомненно, показательным.

Второй тип кинжалов имеет строение ручки, близкое к переднеазиатскому типу, но продольные зажимы закавказских кинжалов, как правило, значительно шире и нередко сливаются в сплошную бронзовую трубку¹⁸. Кинжалы второго типа в Закавказье известны из памятников начала I тысячелетия до н. э.¹⁹. Они не имеют подражания в железе и в поздних памятниках почти не встречаются. Такую же форму рукояти имеют и мечи.

Бронзовые украшения, обнаруженные в могильнике и представленные типами, существовавшими довольно длительное время, сами по себе еще не могут дать исчерпывающего определения даты, но многие из них довольно архаичны. Так, бронзовые прорезные птички, как правило, преобладают в памятниках эпохи средней бронзы — таких, как Ханларский курган № 1, курганы в степи близ Кировабада, клад в Квемо-Сасирети, Самтавро в погребениях XIV—XII вв. до н. э. и др. Бронзовые пронизки в виде трубочки, расширяющейся посередине, с четырьмя волутами с боков, содержащиеся в могиле № 87 у Кара-Булака, очень сходные с кедабекскими, встречались также в памятниках эпохи бронзы — Ханларский курган № 1, курганы близ Зигдифюрского канала, Еленендорфский (Ханларский) курган № 35²⁰. В хорошо датированных памятниках VII—VI вв. до н. э., таких, как например Луговой могильник, они уже сделаны из железа.

В том же Кедабекском могильнике в раскопках Белька²¹ найдены бронзовые вилы, характерные для эпохи ранней и развитой бронзы, но в эпоху железа, как правило, не встречавшиеся.

Широко распространены во времени и другие предметы, найденные в Кедабекском могильнике. Таковы широкие бляхи с выпуклым орнаментом, бронзовые щипчики (кстати, хорошо известные в памятниках раннего железа), подвески в виде прорезных бубенчиков, пересеченных спиралью колец, и др.

¹⁸ МАК, VI, табл. III, № 9, табл. XII, № 15.

¹⁹ ИАК, 16, СПб., 1905. Раскопки Э. Реслера у колонии Георгсфельд на р. Шамхор, стр. 15—18; ГИМ, колл. 41968; Я. И. Гуммель. Указ. соч.; Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. Вестн. Гос. музея Грузии, т. XIX-A и XXI-B, 1957, резюме, т. I.

²⁰ Р. М. Абрамишвили. Указ. соч., табл. I; Я. И. Гуммель. Указ. соч., табл. 7, 9; Nioradze. Der Verwahrfund von Kvemo-Sasireti, s. 91. ESA VII, Helsinki, 1932; Herzfeld. Iran in the ancient East, p. 170.

²¹ Zeitschrift für Ethnologie, 1893, s. 63; Belk. Archäologische Forschungen in Armenien.

Однако ряд особенностей не позволяет отнести описываемый могильник в целом к слишком раннему времени, а заставляет датировать его эпохой раннего железа. Так, очень большой процент украшений составляют массивные бронзовые браслеты с рубчатой поверхностью. Сходные браслеты имеются в материалах из раскопок Э. Реслера в Азербайджане (точное местонахождение неизвестно), хранящихся в Эрмитаже. Эту коллекцию А. А. Мартиросян датировал IX—VIII вв. до н. э.²² Остальные браслеты, главным образом массивные, со сходящимися и несходящимися концами, гладкие или орнаментированные насечками, цельные или с сердоликовой бусиной, зажатой между концами браслета, встречаются от эпохи развитой бронзы и кончая памятниками раннего железа. Но в ранних памятниках массивные браслеты в большом количестве, как правило, не встречаются. Они преобладают лишь в памятниках раннего железного века.

Сурьмяные украшения в Закавказье появляются в эпоху ранней и средней бронзы. Особенно распространяются они в раннеурартский период IX—VIII вв. до н. э. Больше всего сурьмяных изделий встречается в таких памятниках, как Ворнакский могильник и Редкин Лагерь. На Северном Кавказе они широко используются в эпоху каякентско-хорочоевской культуры; в частности, много их найдено в Каякентском и Хорочоевском могильниках. Сходство в форме между сурьмяными бляхами из Кедабекского, Ворнакского и Каякентского могильников было отмечено Е. И. Крупновым²³, что заставляет считать соответствующие могилы этих памятников синхронными.

Среди бус, найденных в Кедабекском могильнике, преобладают сердоликовые, плохо обработанные, неправильной формы бусы, бусы из голубой пасты разных форм, но встречаются и белые, украшенные концентрическими кругами, так называемые бусы «домино» (по указанию Б. А. Куфтина), характерные для ранней железной эпохи.

Характер инвентаря Кедабекского могильника скорее всего говорит об эпохе раннего железа IX—VIII вв. до н. э. Правда, отдельные элементы указывают как будто на более позднюю дату. Таковы, например, браслеты с несомкнутыми концами, оканчивающимися стилизованными звериными головками. Хотя самая форма их известна в Закавказье довольно рано, окончание в виде стилизованных звериных головок получает распространение лишь в VII—VI вв. до н. э., причем в это время они очень хорошо известны в восточной части Северного Кавказа²⁴.

²² А. А. Мартиросян. Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода. Изв. АН Армянской ССР, № 9, 1956, стр. 81.

²³ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Тр. ГИМ, вып. XI, 1949, табл. I, рис. 4—9.

²⁴ Клад у с. Кумбулта. Раскопки Е. И. Крупнова. ГИМ, инв. № 79845; Луговой могильник в б. Грозненской обл. Раскопки Е. И. Крупнова 1956—57 гг. ГИМ, инв. № 95964.

В керамическом инвентаре могильника преобладает хорошо сделанная, нередко на гончарном круге, посуда с гладкой поверхностью и четкими формами. Наряду с ней встречается также лепная и (в меньшем количестве) бело-инкрустированная. Размер статьи не позволяет остановиться на анализе всех типов этой керамики, но следует заметить, что большинство типов ее находит аналогии в таких памятниках Азербайджана (датируемых 1-й четвертью I тысячелетия до н. э.), как Баян, Еленендорф (Ханлар, курган № 65), Дашкесан, Кара-Булак, т. е. согласуется с предложенной датировкой.

Из хорошо датированных памятников Кедабекский могильник скорее всего можно сравнивать с третьей группой курганов Ходжалинского могильного поля, датируемой бусиной с надписью ассирийского царя Ададнирари²⁵. И. И. Мещанинов считал, что бусина эта принадлежала царю, правившему в 763—755 гг. до н. э. Мнение это кажется убедительным, хотя разделяется не всеми исследователями. Так, Герцфельд считает возможным датировать эти курганы и, соответственно, все найденные в них вещи (в частности, прорезные фигурки птиц) XIV в. до н. э.²⁶ К. Х. Кушнарера датирует курганы с каменной насыпью VIII—VI вв. до н. э. Последняя дата кажется несколько заниженной. Конечно, ассирийская бусина могла попасть на территорию Азербайджана значительно позднее времени изготовления, однако памятники VII в. характеризуются гораздо более определенными формами, развитием железа и т. п., что заставляет считать убедительной точку зрения И. И. Мещанинова. Если учесть историческую обстановку VIII в. до н. э., на который приходится наиболее активное проникновение урартийцев в Закавказье, то тем более легко допустить возможность проникновения бусины на Кавказ уже через несколько десятилетий после ее изготовления. Поэтому каменные курганы Ходжалинского могильного поля следует, по-видимому, отнести к раннеурартскому периоду. Того же мнения придерживается Н. В. Минкевич-Мустафаева.

Общий анализ инвентаря дает возможность датировать Кедабекский могильник периодом от IX до VI вв. до н. э. Не задаваясь здесь целью датировать каждую могилу в отдельности, можно выделить как поздние только могилы, которые содержат браслеты со звериными головками и железное оружие (в могилах №№ 2, 42, 48, 60, 62 и 67), а те, которые не имеют никаких поздних признаков, судя по общему характеру инвентаря, должны быть отнесены к ранней группе, содержащей, в частности, кинжалы второго типа IX—VIII вв. до н. э. (в могилах №№ 6, 14, 21—23, 26, 28, 33, 37, 38, 43, 44, 49, 56, 61, 66, 69, 73). К этой ранней группе относится и могила № 23, в которой был найден описываемый кинжал. Могила № 28 Е. И. Крупнов считал одновременной мо-

²⁵ И. И. Мещанинов. Ассирийская бусина из Азербайджана. Изв. О-ва обследования и изучения Азербайджана, № 2, Баку, 1926, стр. 107—111.

²⁶ Herzfeld. Указ. соч., стр. 170.

гиле № 43 и датировал ее V—IV вв. до н. э. Подобная дата кажется слишком заниженной. Прежде всего само сходство с могильником Каякент, отмеченное Е. И. Крупновым, противоречит такой дате. Сравнивая Каякентский могильник с такими хорошо датированными могильниками VII—VI вв., как Исти-Су, Урус-Мартан и др., О. П. Артамонова-Полтавцева приходит к выводу, что этот могильник должен датироваться более ранним временем. Светлоглиняная керамика, отмеченная Е. И. Крупновым, также известна в более раннее время.

Выделяя могилы более ранние, с нашей точки зрения, нельзя не учитывать теснейшую связь, близость формы и выделки керамики, найденной как в этих, так и во всех остальных могилах Кедабекского могильника, в том числе и поздних. Но так как трудно предполагать, что весь могильник может быть датирован VI в. до н. э., приходится допустить, что отдельные формы керамики существовали очень долго, тем более что вообще для Кавказа такая застойность форм неудивительна²⁷.

Итак, кинжал переднеазиатского типа из могилы № 23 Кедабекского могильника следует относить к IX—VIII вв. до н. э. В Северный Азербайджан он попал из Талыша и, при особом отношении к привозному оружию, этот боевой кинжал мог прожить чрезвычайно долго — около 400—500 лет.

Возможно, что при более детальной разработке однородность материала Кедабекского могильника позволит поставить вопрос о несколько более ранней датировке скифских стрел на территории Закавказья.

Кроме того, следует признать, что в Восточном Закавказье железное оружие, видимо, медленнее проникало в быт, чем в Западном, и те формы кинжалов, которые в Самтавро датируются XII—X вв. до н. э., в Восточном Закавказье доживают до урартского времени.

²⁷ А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. Материалы по этнографии, т. IV, 1927, стр. 17.

А. П. СМЕРНОВ

ФИГУРКА БАРАНА ИЗ ГЛЯДЕНОВСКОГО КОСТИЩА

В конце прошлого столетия, в 1896 г., близ дер. Глядены, недалеко от Перми, было открыто городище, часть которого занимало ставшее широко известным Гляденовское костыще. Вопрос о датировке этого памятника имеет свою историю. Высказывались разные точки зрения. В настоящее время дата колеблется в пределах от VI в. до н. э. до V—VI вв. н. э.¹ Часть исследователей отводит этому памятнику значительно меньший отрезок времени — со II в. до н. э. до II в. н. э. А. В. Збруева датирует костыще временем существования городища — концом ананьинской эпохи². О. Н. Бадер и В. А. Оборин, уделившие некоторое внимание Гляденовскому костыщу и гляденовской культуре, датируют памятник II в. до н. э. — III в. н. э.³ О гляденовской культуре говорил в своей диссертации В. Ф. Генинг⁴, но не остановился на датировке самого костыща.

Среди огромного количества различных бытовых и культовых вещей, найденных на этом костыще, вещей в большинстве случаев малохудожественных, выделяется фигурка барана, сделанная из железа и орнаментированная золотыми полосками. В своей последней публикации Гляденовского костыща я отнес эту фигурку (по техническому приему инкрустации золотом) ко времени ананьинской культуры, указав, что прием инкрустации железного кинжала Луговского могильника золотыми пластинками напоминает гляденовского барана⁵.

¹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, М., 1952, стр. 28. Его же. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии. СА, № 3, 1957.

² А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, М., 1952, стр. 263.

³ О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 111.

⁴ В. Ф. Генинг. Пьяноборская культура на Средней Каме. М., 1959.

⁵ А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 93.

Среди культовых вещей Гляденовского костыща и большого числа ананийских и пьяноборских изделий из металла железная фигурка барана резко выделяется как произведение высокого искусства. Для нее характерна реалистическая передача общего облика фигуры и деталей, тогда как подавляющее большинство гляденовских фигур отличается грубостью и условностью.

Фигурка барана едва ли является произведением местных мастеров, с большей долей вероятности ее можно считать импортной.

Это небольшая вещь — длиной 33 мм, высотой 21 мм, толщиной 10,5 мм, с рогами в 17 мм. Голова массивная с круто загнутыми рогами, хвост короткий, передние и задние ноги соединены попарно. Фигурка самостоятельную стоять не может и укреплялась в подставку. Выкована из целого куска железа, детали проработаны при помощи зубила и резца. Золотая инкрустация, сохранившаяся только на некоторых участках морды, головы и спины, состоит из небольших золотых пластинок шириной 1—2 мм, укрепленных в узкие мелкие ложбины, выбранные резцом. Концы пластин забиты в более глубокие (до 0,5 см) ямки в этих ложбинах, хорошо видные в отдельных местах поверхности фигуры. Судя по форме соединенных попарно передних и задних ног, фигурка являлась навершьем.

Вещи подобной техники неоднократно находили на Кавказе, в Средиземноморье и в Малой Азии, где в эпоху конца II — начала I тысячелетия до н. э. полихромия была широко распространена в металлургии. Примером могут служить вещи кобанской культуры, среди которых встречаются различные поясные пряжки и бляхи полихромного стиля. В большинстве случаев это бронзовые изделия, на поверхности

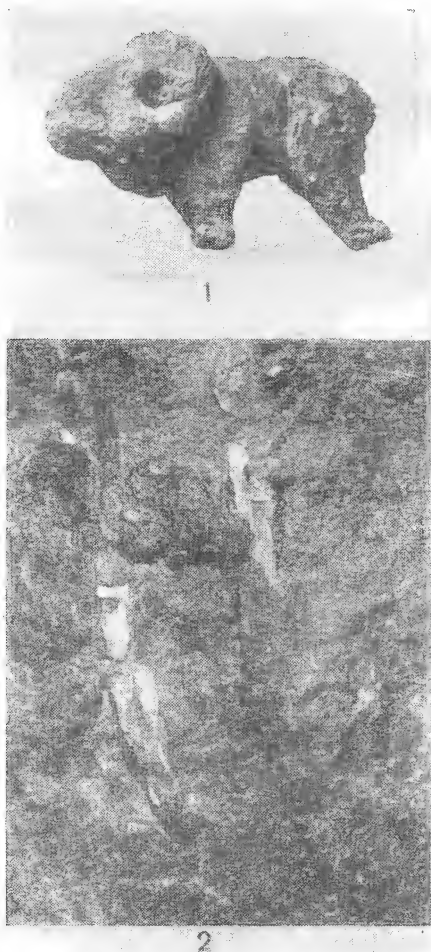

Рис. 1.
1 — железная фигурка барана;
2 — инкрустация золотом на железной фигурке барана (макроснимок)

которых вырезались резцом углубления (выемки) глубиной до 1 мм. Сама выемка тщательно очищалась, на ее поверхности проделывали круглые углубления для закрепления вставок. Затем выемки и круглые углубления заполнялись, по-видимому, еще не совсем остывшей железной пластиной, которая расковывалась, заполняя их. После проковки массу зачищали, отполировывали, что приводило к образованию на лицевой стороне блестящих черных полосок. Наиболее распространены были приемы инкрустации железом и красной массой⁶. Прием инкрустации применялся и в Закавказье, но там он был, по-видимому, несколько иным — бронзовые предметы отливали со специальными желобками, в которые вкладывали железные или бронзовые пластинки, иногда почти не отличимые от металла самого предмета.

Стремление к полихромии приводило к соединению разных по цвету пластин. В качестве материала для инкрустации исследователи отмечают дерево, камень, раковины, пасту и, наконец, (в довольно редких случаях) золото⁷. Примером применения такого способа инкрустации могут служить находки в Арчадзорских курганах, давшие ряд изделий этого типа, а также курган у селения Кара-Булак⁸.

Полихромный стиль изделий на Кавказе восходит и к более раннему времени, примером чего являются находки в курганах Триалети II тысячелетия до н. э. Там в числе предметов полихромного стиля были найдены знаменитый кубок, золотые головки серебряных булавок. Правда, это вещи другой техники, не имеющей ничего общего с приемами кобанских мастеров, но интересен факт наличия того же полихромного стиля. Из числа триалетских вещей ближе всего к кобанским изделиям стоит бронзовое копье с серебряной обоймой первой половины I тысячелетия до н. э.⁹

Приемы инкрустации того же типа, как на гляденовском баране, были широко распространены в эпоху поздней бронзы, например на изделиях из Бессарабского клада, где металлические полосы инкрустации вводились в специально сделанные углубления¹⁰. Такой прием известен в изделиях микенской культуры. В настоящее время достаточно убедительно доказано влияние микенской культуры на сложение форм и орнаментацию изделий Бессарабского клада.

В Прикамье подобной техники изготовления известен кинжал¹¹ Луговского могильника, исследованного А. В. Збруевой. Это акинак скифского типа, с рукоятью, расчлененной по вертикали на три части,

⁶ П. С. Уварова. Могильник Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, стр. 42.

⁷ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 81.

⁸ Там же, стр. 80—81.

⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 94, табл. 93, 94, 97 и 106.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. Тр. ГИМ. Памятники культуры, вып. 1, М., 1949, стр. 9, 13.

¹¹ А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 99.

заканчивающийся брусковидным навершьем. Навершие было орнаментировано инкрустацией, частично сохранившейся и в настоящее время. В качестве материала для инкрустации применена золотая тонкая проволока, образующая в средней части навершья фигуры ромбов. Следы проволоки сохранились на боковых частях навершья, найдены они и на клинке. С лицевой стороны меча в обоймице, охватывающей рукоять под навершьем, расположены три треугольных углубления; как предполагает А. В. Збруева, они были заполнены когда-то цветной пастой, прослеженной в виде массы бледно-желтого цвета. Датировка этого неурядного предмета хорошо определяется началом VI в. до н. э., а может быть, и самым концом VII в. до н. э. Техника инкрустации этого кинжала, выбранная резцом узкая канавка, в которую забивалась проволока под уровень железа, аналогична приемам мастеров кобанской культуры; особенно сближает их наличие эмали на обоймице рукояти акинака. Этот кинжал, по-видимому, был привезен с Кавказа, где изделия скифской культуры нам хорошо известны и по старым и по новым материалам¹².

Инкрустация встречается позднее и у скифов, например бляха, изображающая пантеру, и золотая инкрустированная пряжка из кургана Келермес. Однако по стилю эти вещи, представляющие древнейшие образцы выемчатой эмали, резко отличаются от изделий кобанской культуры. Позднее этот стиль получает широкое распространение в сарматских вещах, чему примером могут служить мигулинская или новочеркасская чаша. Инкрустация известна и на изделиях того же времени из Сибири, однако там она приближается к типу выемчатой эмали¹³. Прямых аналогий гляденовскому барану в этой области мы не встретим.

Изделий с инкрустациями типа гляденовской не знают Средняя Азия, Сибирь и культурные центры Дальнего Востока. Однако если взять навершья в форме животных (независимо от техники их изготовления), то мы увидим, что они распространены весьма широко и встречаются на огромных пространствах Сибири, Китая, Кавказа, Малой Азии, а также на территории Европейской части Советского Союза.

Наиболее древние навершья в форме фигурок животных, напоминающих позу железного барана Гляденовского костыща, известны в Передней Азии, где они найдены в ранних слоях ряда поселений конца III — начала II тысячелетия до н. э.¹⁴. Здесь известны фигуры баранов, быков и козлов; с гляденовской их сближают спаренные ноги, которые закреплялись в основание. Предметы из Передней Азии показывают, что навершья в форме животных имеют значительную древность и со-

¹² Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., стр. 128; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 135.

¹³ Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПб., 1890, рис. 69, 70, 73, 77.

¹⁴ C. Schaeffer. Stratigraphie comparee et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, pp. 170, 179.

храняют свой облик на протяжении довольно длительного времени. Более поздние фигуры того же облика, но бронзовые и без инкрустации, встречены в большом числе на Северном Кавказе в памятниках кобанской культуры, в частности в известном Казбекском кладе, где имеются ряд наверший и большое число головок баранов и отдельных мелких фигурок ¹⁵.

Изучение этнографического материала народов Кавказа, у которых в сравнительно недавнем времени в быту сохранялись изображения баранов и козлов или их голов, показывает, что эти предметы имели самое разнообразное значение вплоть до апотропеев или оберегов ¹⁶. Кроме указанных выше, к числу ранних фигурок барана следует отнести найденную на оз. Севан при раскопках А. Мнацаканяна. Там в связи с понижением уровня воды на озере недалеко от прибрежного села Лчашен были открыты остатки крепости и одновременные курганы, датируемые XI в. до н. э. ¹⁷.

Подобного типа навершья известны и в Южной Сибири. Однако там отсутствует баран и встречаются только горные козлы ¹⁸. Фигура, подобная минусинским, встречена была в Пермской области и издана Аспелином ¹⁹.

Фигура барана в Прикамье необычна. В богатейшем собрании вещей Гляденовского костыща подавляющее количество изображений передает виды диких животных. Из числа домашних животных можно отметить только корову и лошадь. Не встречается баран и в культовой иконографии Прикамья более позднего времени. Культ барана был широко распространен на Кавказе, что явилось следствием широкого разведения на Кавказе мелкого рогатого скота ²⁰. Это обстоятельство точно так же, как и техника инкрустации севанской аналогии, заставляет считать, что гляденовская фигура барана изготовлена где-то на Кавказе в I тысячелетии до н. э.

В появлении в Прикамье вещей с Кавказа нет ничего необычного. Довольно тесные культурные связи Кавказа с Поволжьем установились уже во II тысячелетии до н. э. и получили дальнейшее развитие в эпоху раннего железа ²¹. Они сохранились и позднее, в пьяноборскую эпоху первых веков н. э.

¹⁵ П. Уварова. Указ. соч., табл. XI, XXXV и др.

¹⁶ Б. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34. Пг., 1914, стр. 40.

¹⁷ См. журн. «Огонек». № 27, июнь 1958, стр. 14.

¹⁸ С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М.—Л., 1949, табл. XX, рис. 3, 13, табл. XXII, рис. 5, 6.

¹⁹ Aspelin. Antiquités du Nord finno-ougrien. Helsingfors, 1878.

²⁰ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 103.

²¹ Этот вопрос получил уже достаточно аргументированное освещение в археологической литературе. См. А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 165, 166.

При датировке статуэтки барана должны быть учтены и общий облик, напоминающий изделия Закавказья рубежа I и II тысячелетий до н. э., и самый материал — железо, который употребляется для предметов культа, искусств и украшений только в раннюю эпоху развития железоделательного производства.

Если считать время около X в. до н. э. началом обработки железа на Кавказе²², то эта дата будет верна и для большей части территории Европы²³. Считая время около X—IX вв. до н. э. датой возникновения железоделательной индустрии, широкое освоение железа мы должны будем отнести к периоду несколько более позднему. Б. Н. Граков полагает, что около VII в. до н. э. железо начинает безраздельно господствовать на всей территории Восточной Европы.

Правда, есть области, где употребление орудий из бронзы задержалось до III—II вв. до н. э. В течение I тысячелетия до н. э. из бронзы продолжали еще выделывать некоторые типы орудий (как, например, стрелы), а в Приуралье — кельты и копья. Однако наряду с ними железные орудия распространялись все шире и уже составляли основную массу орудий производства. На Кавказе окончательное освоение железа начинается со скифской эпохи. Эти соображения заставляют датировать фигурку барана не ранее скифского времени, т. е. VII—VI вв. до н. э. Эта дата представляется наиболее вероятной уже потому, что рассматриваемая фигурка свидетельствует о высокой степени знания обработки металла и, в частности, приемов инкрустации, которые на Северном Кавказе появляются также в I тысячелетии до н. э., в первой стадии кобанской культуры, когда стали применяться цветные инкрустации²⁴.

Таким образом, железную инкрустированную фигурку барана следует относить к раннему времени существования Гляденовского костыша, т. е. к VII—VI вв. до н. э.

²² Е. И. Крупнов. Указ. соч., 1957, стр. 92.

²³ Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей на Европейской части территории СССР. СА, № 4, М., 1958, стр. 3.

²⁴ А. А. Иессен, Б. Д. Деген-Ковалевский. Из истории древней металлургии Кавказа. Изв. ГАИМК, вып. 120, М.—Л., 1935, стр. 175.

Н. В. ТРУБНИКОВА

ГОРОДИЩЕ СОКОЛОВАЯ ГОРА ПОД МОСКВОЙ

Городище Соколовая гора находится в Ухтомском р-не Московской обл., примерно в 4 км от пос. Дзержинского, неподалеку от с. Петровского, в местности Петровский лес¹.

Осенью 1955 г. преподаватель 11-й Люберецкой школы Ю. В. Куртов доставил в ГИМ собранные им на городище вещи: костяной кочедык с резной фигуркой животного на конце, костяную, хорошо отполированную иглу, костяные тупики (рис. 1, 1—6), утюжок из камня, обломки керамики, в том числе сетчатой. По характеру находок было ясно, что городище относится к типу дьяковских. Небольшое количество керамики с городища находилось в фондах ГИМ из прежних раскопок, произведенных студентами МГУ перед Великой Отечественной войной².

Городище расположено на горе, в цепи холмов на берегу Москвы-реки, вернее — ее старицы «Кривое озеро». С этой стороны склон городища менее крут и спускается к ней террасами, на которых сохранились следы поселений более позднего времени — XVII в. С севера и запада склоны городищенской горы очень круты.

Площадка городища, ориентированная с севера на юг с отклонением к западу, изрыта ямами, кладонискательскими шурфами. Кроме того, поверхность городища была сильно испорчена во время войны.

¹ Раскопки его проводились силами исторических кружков и учащихся школ. Эти работы, небольшие по масштабу, носили разведочный характер, ставились музеем дважды: в мае 1956 г. и в мае 1959 г. В работах принимали участие сотрудники ГИМ: И. В. Яценко, Н. В. Трубникова, А. В. Гусаркина, В. В. Краснова, Л. В. Грехова, И. И. Гушина.

² ГИМ, инв. № 81122.

В древности с севера и северо-востока городище было укреплено валом и рвом, а может быть — даже двумя. Но в настоящее время эта часть городища настолько испорчена, что говорить определенно об этом трудно. Лучше сохранилась южная часть городища, где лишь у самого края была выкопанная до глубины 60—80 см яма (шурф). Здесь же с трудом различаются следы небольшого, заплывшего землей раскопа, вероятно сделанного студентами МГУ. Повсюду в ямах, в отвалах шурфов и на склоне городища было найдено большое количество обломков керамики. Размер городища 42×54 м.

Раскоп ГИМ был заложен в юго-западной части городища, у его края, рядом с раскопом МГУ, таким образом, что в него входил и упомянутый выше шурф (квадрат 2). Всего было вскрыто 40 кв. м (в 1956 г. — 6 квадратов, в 1959 г. — еще 4). Находки в виде костей животных и обломков керамики начинались непосредственно под дерновым слоем. Культурный слой интенсивно черный, ровный, почти без прослоек.

На всех квадратах начиная с глубины 30—40 см были обнаружены скопления небольших камней. Некоторые из них занимали площадь до 10 кв. м, в одном месте камни были сгруппированы в виде круга.

Камни эти небольшие, 10—15 см, неправильной формы, многие со следами действия огня. На некоторых участках число их доходило до 200—300. Среди камней встречалось много обломков керамики, костей животных, а иногда и мелких угольков. Подобное скопление камней встречалось и на других городищах, обычно в слоях первых веков н. э., например на Троицком городище Московской обл. в раскопках А. Ф. Дубынина, и, по-видимому, может связываться с остатками жилых комплексов, с очагами.

На глубине 90 см на квадратах 7—10, на подстилающем культурный слой песке обозначились 4 пятна диаметром в 30—40 см, возможно являющиеся следами от бревен какой-то постройки. В 4 пунктах на глубине 1 м обозначились ямы; в двух из них при расчистке на глубине 1,4 м было найдено по одному почти полному костяку лошади и отдельные фрагменты сетчатой керамики и угольки.

Культурный слой насыщен обломками глиняной посуды. Среди них имеется гончарная керамика, обломки типичных славянских горшков с линейным и волнистым орнаментом, различные типы лошенной посуды, керамика, типичная для дяковских городищ, в том числе и сетчатая. Но все эти разновременные типы керамики обнаружены вместе на разных глубинах (до 1 м от поверхности) и представляют картину перекланного и много раз нарушенного слоя. Лишь в ямах на глубине 1,2 м от поверхности лежат в нетронутом слое обломки однотипной сетчатой керамики и керамики с заштрихованной поверхностью и ямками, аналогичные найденным на ранних городищах по Оке, например на

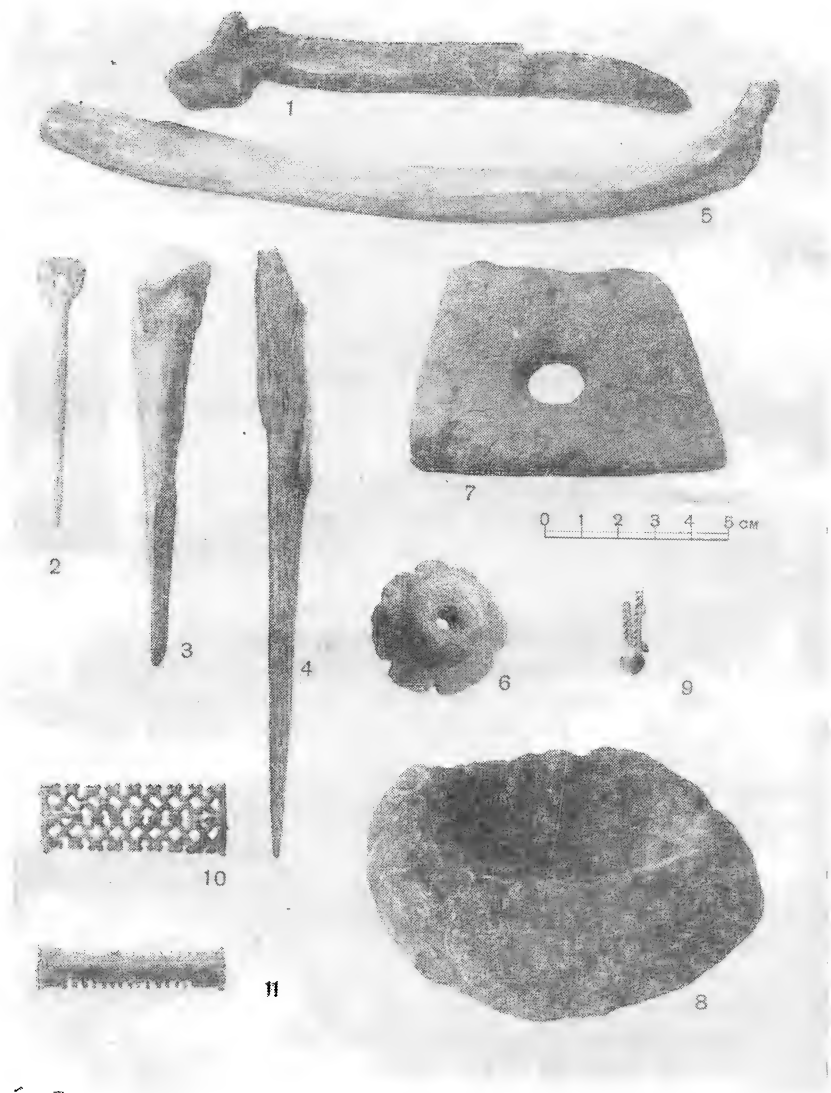

Рис. 1.

Изделия из кости: 1 — кочедык с резной головкой животного; 2 — игла; 3—4 — шилья; 5 — тупик для обработки кожи. Изделия из глины: 6 — грузик, 7 — «рогатый кирпич» (подставка), 8 — чашечка. 9 — 11 — бронзовые украшения одежды

Ловецком селище³ и в нижних слоях в раскопках А. В. Успенской на Подмокловском городище в Серпуховском р-не⁴.

В отношении стратиграфических наблюдений представляет интерес зачистка стенки ямы, вырытой кем-то на западном склоне городища (рис. 2). Эта работа оказалась очень интересной в отношении найденных при зачистке вещей и сделанных при этом стратиграфических наблюдений.

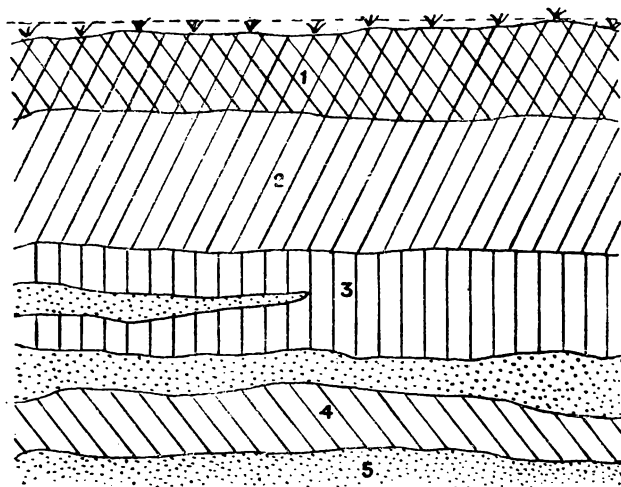

Рис. 2. Профиль раскопа II

1 — культурный слой, черный, 2 — то же, темно-коричневый;
3 — то же, светло-коричневый; 4 — слой без находок;
5 — песок

Следует сказать, что именно в этом месте (на очень крутом склоне) и были обнаружены вещи, доставленные в музей в 1955 г. Зачищенный профиль дал очень четкие, различные по цвету слои с различным содержанием их. Славянская керамика встречалась здесь только в верхних штыках до глубины 40 см, что соответствует верхнему напластованию профиля. Ниже шла дьяковская керамика. Были найдены нож с горбатой спинкой и на верхней границе дьяковского слоя, при стыке с верхним напластованием, железная пряжка.

В нижних напластованиях с глубины 1,20 м и ниже встречалась керамика древнего типа, аналогичная найденной в нижних горизонтах

³ ГИМ, инв. № 42731.

⁴ ГИМ, инв. № 93578.

Рис. 3.

Изделия из железа: 1 — обломок серпа, 2 — нож, 3 — обломок косы-горбуши, 4 — пряжка, 5 — обломок пряжки, 6 — шило. Изделия из камня: 7 — обломок литейной формы, 8 — терочник, 9 — брусок

I-го раскопа (в ямах). Небольшие песчаные прослойки отделяли этот слой от верхних и, возможно, свидетельствуют о существовании на этом месте поселка в эпоху около середины I тысячелетия до н. э., о возникновении городища через какой-то промежуток времени в эпоху около первых веков до н. э. — первых веков н. э. и о существовании поселения в течение долгого времени, может быть, всего I тысячелетия н. э.

Самая нижняя темная прослойка совсем не дала находок. Это селя; тонкая прослойка подзола, аналогичная обычно встречаемым на дюнах серым слоям, чередующимся с песком, свидетельствует, может быть, о существовании здесь в какое-то время леса, впоследствии исчезнувшего. О подобных прослойках подзола писал не раз в своих отчетах о работах на дюнах по Оке В. А. Городцов.

Работы на городище дали многочисленные и интересные находки. К более позднему наслоению, содержащему типичную славянскую гончарную керамику X—XI вв., относятся два шиферных пряслица, обломок небольшой косы-горбуши (рис. 3, 3), различные неопределенные железные пластинки и немногочисленные обломки славянских горшков. Горшки имеют невысокие отогнутые венчики с очень характерными узорами из прямых, волнистых и зубчатых линий, узоров в виде линий с мелкими треугольниками, расположенными вдоль линий в один или два ряда (рис. 5, 6, 7, 8).

Многочисленней и разнообразней представлены находки дьяковского слоя. Очень много лощеной керамики коричневого и серого цветов, иногда с очень хорошим лощением, иногда с небрежным, неполным, когда залощенной оказывается только верхняя часть сосуда.

Формы лощеной керамики однообразны. В большинстве случаев это невысокие и довольно широкие сосуды с прямым венчиком. Состав глиняного теста в большинстве случаев тот же, что и у всей остальной дьяковской посуды, изготовленной из глины со значительной примесью дресвы. Следует отметить, что на городище были обнаружены и гальки, которые могли использоваться при лощении керамики.

Подобная лощеная керамика встречается на всех дьяковских городищах н. э. Она имеется на Огубском городище⁵, на Дьяковском, Барвихинском, Подмокловском и Успенском городищах⁶.

Вся остальная посуда грубо слеплена от руки из глиняного теста с примесью дресвы, очень редко — шамота, обожжена слабо и неравномерно и отличается очень однообразными формами. Это в основном баночные сосуды с маловыпуклыми боками, несколько вытянутых пропорций, иногда встречается слабый выгиб края наружу. Можно насчитать до 14 типов орнаментов на керамике этого времени (рис. 4, 1—6 и рис. 5, 1—6).

Первым и самым распространенным из узоров будет сетчатый (рис. 4, 1-2). Встречаются черепки, орнаментированные крупными,

⁵ Раскопки В. А. Городцова. ГИМ, инв. № 5481/3.

⁶ Раскопки А. В. Успенской. ГИМ, инв. № 93578.

четкими ячейками сетки и с мелким узором этого же типа, с неправильной сеткой. Любопытно, что некоторые сколотые камни (которых довольно много среди находок на городище) дают отпечатки на пластине, сходные с этими узорами. Не исключается возможность нанесения этими камнями некоторых типов сетчатых узоров.

Встречено несколько фрагментов, очень сходных с рогожной керамикой, известной в районах, занятых городецкой культурой (рис. 4, 3).

На дяковских городищах несколько фрагментов рогожной керамики найдены на Каширском городище⁷. Изредка попадались фрагменты с различными бороздчатыми узорами (рис. 4, 4), обычными в более ранних дяковских городищах (например, в Каширском). К раннему периоду существования городища относятся и обломки сосудов с штрихованной поверхностью (рис. 5, 1, 5). Встречаются орнаменты веревочные, шнуровые, гребенчатые, а также узоры из всевозможных ямок, нанесенных то отдельно, то группами. Можно насчитать 10 разновидностей узоров из ямок: круглых, квадратных, овальных, треугольных и других, нанесенных иногда пальцами, иногда — острием (рис. 5, 2). Среди многочисленных костяных орудий имеются экземпляры, дающие при отпечатке на пластине абсолютно тождественные этим орнаментам углубления и, по-видимому, употреблявшиеся для нанесения узоров на посуду.

Все упомянутые выше орнаменты известны по находкам на других дяковских городищах: Барвихинском, Огубском и Дьяковском.

Очень многочисленны и характерны горшки, украшенные по обрезу венчика косыми или прямыми нарезками (рис. 5, 4), иногда защипами, сделанными пальцами. Подобная керамика опять-таки обычна и для других дяковских городищ н. э.

Подводя итог, следует сказать, что керамика городища Соколова гора дает очень длинный хронологический ряд типов. Одни из ее орнаментов встречаются на городищах до н. э. и первых веков н. э. (узоры сетчатый, рогожный, бороздчатые, штриховые) и не обнаружены позднее II—III вв. н. э. Другие (например, гребенчатые, узоры из ямок) доживают на городищах до I—V вв. н. э. (городище Барвихинское и, в какой-то части, — Огубское). И, наконец, лощеная керамика найдена, кроме перечисленных выше городищ, еще и на тульских городищах⁸ и в курганах, исследованных Булычевым⁹. С. А. Изюмова относит эти слои к IV—VII вв. н. э., но отсутствие прослоек между слоями позволяет, как нам кажется, говорить о более долгом бытовании последних типов керамики на городище.

Довольно много было найдено предметов металлических. Из железных: характерные ножки с округлой спинкой, обломок серпа из узкой

⁷ ГИМ, инв. № 61876.

⁸ Раскопки С. А. Изюмовой. ГИМ, инв. № 84158.

⁹ ГИМ, инв. № 25748.

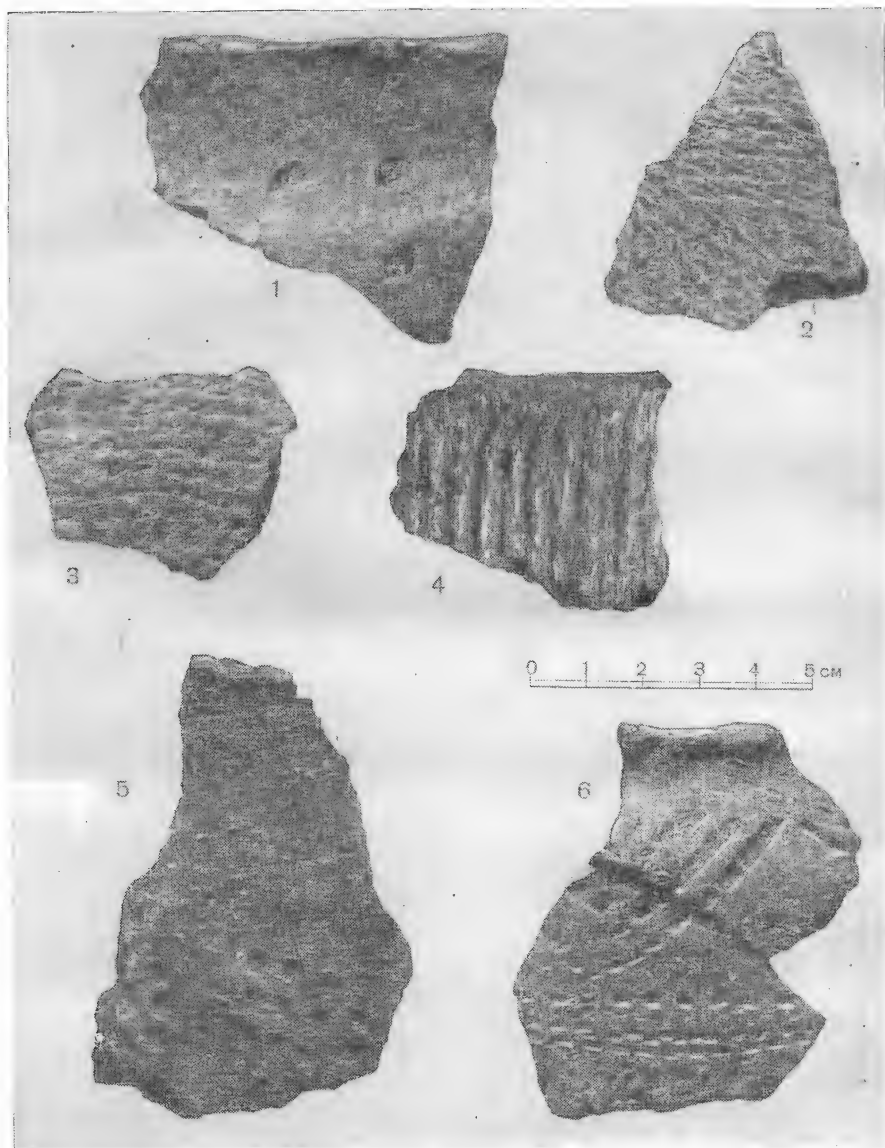

Рис. 4. Обломки глиняных сосудов

1 — с сетчатым узором и ямками, 2 — с сетчатым узором, 3 — с рогожным орнаментом, 4 — покрытый бороздками, 5 — с узором из ямок, 6 — с гребенчатым орнаментом

Рис. 5. Обломки глиняных сосудов

1 — с узором из штрихов, 2 — с зацепками, 3 — с узором из наклонных ямок.
4 — с нарезками по краю, 5 — со штриховкой; 6—8 — обломки сосудов
из славянского слоя

пластинки с маловыраженным изгибом, близкий к серпам из Огубского и Дьяковского городищ; пряжка железная в виде кольца из витого стержня с расплюснутыми концами; шилья. Из бронзовых предметов очень любопытны бляшки ажурные и в виде столбиков, являвшиеся в свое время украшением костюмов (поясов) (рис. 1, 9—11; рис. 3, 1—6).

Из числа каменных поделок, найденных на городище, наиболее интересными представляются: половина литейной формочки с желобком в середине, совершенно сходная с такой же, найденной на Дьяковском городище; обломок другой подобной же поделки; каменные утюжки (некоторые из них очень хорошо отполированы); обломки грузил, пряслиц. Много было встречено обломков плиток и, наконец, каменные терочники — куранты для растирания зерна (рис. 3, 7—9).

В большом количестве обнаружены изделия из кости; из них особенно интересны находки 1955 г., в частности — кочедык с резной головкой животного на конце, иглы с хорошо отполированной поверхностью, тупики, проколки. Много найдено заготовок костяных вещей, костей с заостренными концами и т. п. (рис. 1, 4). Любопытен хорошо отполированный предмет с заостренным концом и втулкой и, наконец, наконечник стрелы.

Из других вещей, найденных на городище, интересны «рогатые кирпичи» — подставки. Имеется несколько обломков большого и один почти целый миниатюрный. Находки «рогатых кирпичей» на дьяковских городищах известны; вообще же круг их распространения очень широк (рис. 1, 7).

Наиболее близкой параллелью «рогатым кирпичам» с Соколовой горы будут подобные предметы с Огубского городища. Близкий к ним маленький «кирпичик» известен с Каширского городища.

Интересна также очень грубо слепленная глиняная чашечка, совершенно аналогичная найденной на Дьяковском городище (рис. 1, 8).

Нельзя не упомянуть также о находке дьяковских грузиков — 2-х целых экземпляров и одного обломка.

Подводя итог, следует сказать, что, несмотря на отдельные, довольно ранние типы вещей и керамических находок, может быть указывающих на возникновение поселка около середины I тысячелетия до н. э., основная масса находок свидетельствует о жизни на городище в более позднее время. Большое количество сетчатой керамики, гребенчатых узоров, имеющих параллели в керамике Дьяковского городища, говорит в пользу существования городища в последние столетия до н. э. и в первые века н. э. Наличие среди находок большого количества лощеной керамики, сосудов с нарезными узорами и других типов вещей, известных по находкам на Огубском и Барвихинском городищах, позволяет утверждать, что поселение существовало в III—IV вв. н. э. и, по-видимому, даже позднее — до VI—VII вв.

Наличие славянской керамики и шиферных пряслиц свидетельствует о жизни на городище в X—XI вв.

В заключение несколько слов хочется сказать о многочисленных костных остатках, найденных на городище. Некоторые кости расколоты, некоторые обожжены. Целые экземпляры были определены В. И. Цалкиным в лаборатории Института археологии АН СССР.

Кроме костей лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, найдены кости лося, бобра, куницы, свидетельствующие о занятии обитателей городища охотой. Любопытно, что такой список костей характерен для городищ дьяковской культуры, например для Огубского и Подмокловского.

Н. П. СОРОКИНА

НАВЕРШЬЕ БОСПОРСКОГО НАДГРОБИЯ С ФИГУРКОЙ СИРЕНЬИ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В собрании Государственного Исторического музея хранится горельефная фантастическая фигура полуженщины-полуптицы (рис. 1). Иконография изображения не оставляет сомнения, что эта фигура является сиреньей. Она была найдена в Керчи в XIX в. и хранится в музее со дня его основания¹. Этот памятник, безусловно представляющий интерес для истории культуры Боспора, не служил еще темой специального исследования. В литературе, касающейся Северного Причерноморья, имеются только отдельные упоминания о нем².

Фигура сиреньи высечена из известняка, покрытого теперь сероватой патиной. Высота скульптуры 0,56 м, длина у основания 0,45 м, ширина 0,13—0,16 м. Фигура сохранилась не полностью, особенно пострадала ее левая часть: отбиты рука, державшая какой-то предмет, конец крыла, когтистая лапа и край фронтонобразного постамента, на котором стоит сирень.

Поверхность скульптуры пористая, на ней имеются сколы и сбои, которыми особенно попорчено лицо. В древности же скульптура выгля-

¹ ГИМ, инв. № 18657, Оп. 1/140. Куплена через Бажанова. Бажанов был близко связан с И. Е. Забелиным, а это наводит на мысль, что скульптура могла быть приобретена последним в Керчи, где И. Е. Забелин был в 60—70-х гг. прошлого века проездом на Тамань для раскопок Б. Близицы и других курганов.

² Имп. Российский Исторический музей. Указатель памятников. М., 1893, стр. 474, № 24; G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, S. 11, № 75-a; O. Waldhauer. Ancient marbles in the Moscow Historical Museum. The Journal of Hellenic Studies. Vol. XLIV, pp. 53-54, fig. 10.

дела иначе: она была раскрашена, и под красочным слоем грубость фактуры в значительной мере скрадывалась. Следы краски различимы на крыльях (белая), на туловище и ногах (розоватая), на правой ноге (черная).

Очень ценно для нас описание К. Кизерицкого, который еще видел исчезнувшую теперь черную краску на глазах и красную на ногах. Наблюдения над остатками красочного покрова дают возможность судить

Рис. 1. Известняковая фигура сирены
(Собрание ГИМ)

о полихромии этой скульптуры. Следует отметить некоторую близость в раскраске описываемой фигуры сирены и известных полихромных сосудов в виде сирены и сфинкса из Фанагории³.

³ Б. В. Фармаковский. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. ХГАИМК, Пг., 1921, вып. 1.

Изображения сирен в греческом искусстве появляются очень рано. Самые древние встречаются на сосудах с геометрической росписью и на различных других памятниках классического, эллинистического, а также и римского времени.

Это крылатое существо, внешний облик которого был заимствован из древневосточного искусства, у греков получило иной смысл. Значению сирены в греческой религии и мифологии посвящена большая литература⁴. Важно подчеркнуть, что представление о сиренах в греческой мифологии тесно переплеталось с представлениями о земном и потустороннем существовании, о жизни и смерти, о душе умершего человека.

Благодаря работам Шредера и особенно Вейкера средиземноморские памятники с изображениями сирен стали широко известны, но памятники из городов Северного Причерноморья с теми же сюжетами еще не суммировались, хотя к настоящему времени их накопилось значительное количество⁵.

⁴ Из различных работ наиболее интересной является книга Шредера (H. Schröder. Die Sirenen nach ihrer Bedeutung und Künstlerischen Darstellung in Altertum. Berlin, 1868), в которой собраны данные о сиренах не только по памятникам изобразительного искусства, но и по произведениям греческих и римских авторов. В 1902 г. Вейкером была написана работа о сиренах, которая остается до сих пор одним из самых фундаментальных исследований этой темы (G. Weicker. Der Seelenvogel in der alten Literatur und Kunst. Leipzig, 1902). Основные сведения о сиренах имеются в ряде энциклопедических словарей (C. Daremberg et Saglia. Dictionnaire des Antiquites..., стр. 1353 и сл.; Pauly-Wissowa. Real-Encyclopedie der klassischen Altertumwissenschaft, III, A; стр. 287 и сл.; W. H. Röscher. Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie) и работах по различным областям культуры и искусства в зарубежной и отчасти в отечественной литературе. Например, C. Friedrich. Sarkophag Studien. Nachrichten d. Gesellschaft der Wissenschaft zu Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. 1895, Hf. 1; M. Ohnefash-Richter. Kypros. Die Bibel und Homer. Berlin, 1893, стр. 301—303; F. H. Marshall. Some archaic gold ornaments with representations of sphinx and sirens. JHS, XXXI, 1911, стр. 263—265; Н. П. Кондаков. Памятник Гарпий из Малой Азии и символика греческого искусства. Одесса, 1873.

⁵ Отсутствие сводки таких памятников еще не позволяет говорить, что этим очень интересным изображениям и их толкованию не отводилось место в литературе. Первым, кто обратил внимание на изображение сирен, найденных в Северном Причерноморье, был Л. Стефани. Его перу принадлежит описание фигур-инкрустаций из слоновой кости, в числе которых были и сирены, из третьей гробницы кургана Б. Близины (Л. Стефани. Объяснение нескольких древностей, найденных при раскопках в 1865 г. в Южной России. ОАК за 1866 г., СПб., 1868, прилож., стр. 10 и сл.). Очень ценные и интересные соображения о сиренах и близких им по значению гарпиях изложены в двух исследованиях Б. В. Фармаковского (Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, 1914, стр. 6 и сл.; его же. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. ЗГАИМК, вып. 1, Пг., 1921, стр. 20 и сл.). Б. В. Фармаковский широко использовал новейшую специальную литературу, благодаря чему научная значимость его работ большая, чем работ Л. Стефани. Сведения о сиренах, основанные главным образом на исследовании Вейкера, имеются в статье С. А. Жебелева и В. К. Мальмберга (С. А. Жебелев, В. К. Мальмберг. Статуэтка-подставка в виде одетой женской фигуры. МАР, № 32, СПб., 1907, стр. 19 и сл.).

Одно из главных значений сирены как хтонического существа, связанного с загробным миром, позволяет понять, почему изображения ее чаще всего встречаются на надгробиях и предметах, связанных с погребальным культом.

На этих памятниках наблюдаются два типа сирен. Первый — это сирены-плакальщицы, которые обычны на афинских надгробиях конца V и IV вв. до н. э., и второй — сирены музицирующие. Сирены второго типа обычно играют на одном из двух видов музыкальных инструментов: флейтах или лирах, а иногда изображаются с кроталами. Музицирующие сирены тоже встречаются на надгробиях афинского некрополя, но реже. Более часты примеры подобного типа сирен в ювелирном искусстве, в частности серьги и подвески нередко имеют их изображения⁶.

Сирена из собрания ГИМ примыкает ко второму, более редкому типу. В этом нас убеждают плектрон и остатки отбитого предмета, находившегося в левой руке сирены. На основании многочисленных аналогий в этом предмете следует видеть лиру.

То значение, которое придавалось в греческом мире сиренам, их связь с представлениями о душах умерших, с погребальным ритуалом и аналогии нашей скульптуре, находимые среди аттических надмогильных памятников, позволяют считать публикуемую скульптуру надгробием.

К какому же этапу развития надгробий Боспора следует отнести изучаемый памятник? Для этого следует обратиться к вопросу о времени изготовления фигуры сирены.

К. Кизерицкий отнес сирену к первым векам н. э., О. Ф. Вальдгаур воздержался от ее датировки. Нам представляется, что дата создания памятника, предложенная К. Кизерицким, нуждается в пересмотре. Иконография сирены на протяжении ряда столетий от VIII—VII вв. до н. э. до первых веков н. э. претерпела значительную эволюцию, хорошо прослеженную Г. Вейкером и принятую впоследствии всеми антиковедами. Поэтому при определении даты нельзя не учитывать особенности изображения в целом и его отдельных деталей. Большие крылья, трапециевидной формы хвост, некоторое доминирование птичьего начала над человеческим, приземистые пропорции тела позволяют отнести данную фигуру к типу сирен, получившему развитие в V—IV вв. до н. э. Помимо общего типа изображения, на это указывают отдельные детали, в частности трактовка крыльев. Они выдержаны в пропорциях, свойственных изображениям крылатых фигур (сирен, эротов, богинь победы и т. д.) V—IV вв. до н. э.; оперение крыла тоже сделано так, как это присуще памятникам V—IV вв. до н. э. В качестве аналогии можно привести изо-

⁶ См. №№ 14—16, 18 списка, приведенные на стр. 94, F. H. Marshall. Catalogue of the jewellery greek, etruscan and roman in the departments of antiques. British Museum. London, 1911, № 2152, 2153.

бражение крыльев у сирен на аттических надгробиях⁷, у найденных в Средиземноморье и Северном Причерноморье золотых миниатюрных фигур сирен — сережек⁸. Характерно также положение согнутой в локте правой руки, которое повторяется и у сирены аттического лекифа начала IV в. до н. э., найденного в Фанагории. В круге памятников того же времени можно указать аналогии прическе сирены. Прическа с выпущенными на грудь локонами наблюдается не только у скульптур V—IV вв. до н. э.⁹, но и у многих кор VI в. до н. э., найденных на афинском акрополе¹⁰.

Своеобразной реминисценцией архаических традиций в скульптуре боспорской сирены является чуть заметная улыбка на ее лице. Слегка поднятые уголки губ сирены в какой-то мере напоминают подобный же прием оживления лица у скульптур конца VI в. до н. э.

Сохранение отдельных архаических черт в боспорском памятнике более позднего времени — явление довольно обычное для искусства Боспора (например, архитектуры, скульптуры, керамики); оно отмечалось неоднократно в литературе¹¹.

Сравнение фигуры сирены боспорского надгробия с подобными же изображениями на аттических дает возможность сузить хронологические рамки и определить время изготовления боспорского надгробия началом IV в. до н. э. По стилю сирена из ГИМ должна быть помещена между изображениями двух музицирующих сирен на одном из аттических надгробий¹² конца V в. до н. э. и сиренами также на аттических надгробиях второй половины IV в. до н. э.¹³ От первых боспорскую сирену отличает более развитой иконографический тип, а от вторых — несколько более архаический стиль изображения всей фигуры в целом и ее отдельных деталей.

Приведенные аналогии из Аттики заставляют связать сирену из собрания ГИМ с кругом памятников именно этого центра¹⁴.

⁷ С. Blümel. Die griechischen Sculpturen des fünften und vierten Tahrhundert. Berlin, 1929, Bd. III, taf. 58.

⁸ См. №№ 14—16, 18 списка на стр. 94; F. H. Marshall. Указ. соч., № 2152, 2163.

⁹ С. Blümel. Указ. соч., табл. 14, 15, 41, 49, 52; Б. В. Фармаковский. Указ. соч., стр. 27.

¹⁰ G. Richter. The sculpture and sculptors of the Greek. New-Haven, 1930. fig... 270—272.

¹¹ В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1949, стр. 82, 83; его же. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 266.

¹² С. Blümel. Указ. соч., табл. 40.

¹³ Там же, табл. 49, 52.

¹⁴ Заслуживает внимания тот факт, что многие другие памятники с изображением сирен, найденные на территории Северного Причерноморья, считаются аттической работой. В числе их следует назвать лекиф в виде сирены из Фанагории (Б. В. Фармаковский датирует его тем же временем, к которому мы относим и сирену из ГИМ), костяные пластинки из саркофага кургана Б. Близицы конца V—IV вв. до н. э. (см. №№ 19—22 списка, приведенного на стр. 94), краснофигурную аттическую амфо-

Надо думать, что эта связь не случайна, а обусловлена теми взаимоотношениями, которые сложились между Боспором и Афинами в самом конце V в. и особенно в IV в. до н. э.¹⁵ Хорошо известно, какого размаха достигает торговля между этими государствами¹⁶. Взаимоотношения не ограничивались только обоюдной торговлей; не менее хорошо известно, что боспорцы посещали Афины¹⁷ и что афинянам, в числе которых, вероятно, бывали и художники, доводилось жить в Пантикапее¹⁸.

На этот период падает наибольшее количество памятников, привезенных из Аттики или возникших на Боспоре под влиянием культуры и искусства Афин. Помимо поступавших из Афин предметов, которые были предназначены обслуживать боспорцев при жизни, имеется целый ряд памятников специального погребального назначения (например, мраморный акретерий надгробия из Фанагории¹⁹, деревянный инкрустированный костяными пластинками саркофаг Змеиног кургана, остатки саркофага из кургана Б. Близницы²⁰), привезенных на Боспор из Аттики. Экономические связи открывали путь к проникновению на Боспор из Афин философских учений, религиозных и погребальных обрядов. Афины оказали влияние на форму боспорских погребальных стел вообще. Известно, что с конца V в. до н. э. входят в моду афинского типа стелы — высокие узкие плиты с завершением в виде карниза и анфемия²¹. Эта форма оставалась ведущей на протяжении IV в. до н. э. Интересно то, что в Афинах к концу V и в IV вв. до н. э. получают большее распространение некоторые особенности погребального обряда, связанные с представлениями о загробном мире и душе человека, и именно к этому времени относится целый ряд аттических надгробий, в рельефные сцены которых вплетаются изображения сирен.

Из известных в Средиземноморье надгробий IV в. до н. э. с подобным сюжетом бо́льшая часть приходится на долю Афинского некро-

пу (см. № 17 того же списка), и, по-видимому, к аттическим изделиям следует отнести золотые серьги в виде сирены, найденные в Аджи-Мушкае и Зеленском кургане (см. №№ 14—16 того же списка).

¹⁵ Т. В. Блаватская. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959.

¹⁶ С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 139 и сл.

¹⁷ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1948, стр. 64 и сл.

¹⁸ В. Д. Блаватский. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 100, 101; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 68; его же. История городов Северного Причерноморья. Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, стр. 108; А. П. Иванова. Художественные изделия из дерева и кости. Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, стр. 428.

¹⁹ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57. 1956, стр. 61, рис. 19.

²⁰ Л. Стефани. Указ. соч., стр. 6 и сл.; G. Weicker. Указ. соч., стр. 79.

²¹ М. И. Максимова, М. А. Наливкина. Скульптура. Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, стр. 309.

поля²². Поэтому нам представляется, что надгробие с изображением сирены из Пантикапея могло быть изготовлено под влиянием философско-религиозного осмысления потустороннего бытия, имевшего место в это время в Афинах. Вполне допустимо предположение, что эта скульптура сирены могла служить надгробием афинянину, умершему в Пантикапее.

Если принять эту точку зрения, то памятник приобретает особый интерес, поскольку надгробий, в которых было бы определено афинское происхождение погребенного, до сих пор не найдено. В то же время имеются факты, свидетельствующие о посещении и даже продолжительном пребывании афинян в столице Боспора — Пантикапее²³.

Рассматриваемое надгробие стоит особняком среди боспорских надмогильных памятников IV в. до н. э. Определяя фигуру сирены как надгробие, необходимо оговорить, что точнее ее считать не за самое надгробие, а за венчающую его часть.

Основным типом боспорского надгробия конца V—IV в. до н. э. была стела в виде вытянутого параллелепипеда, имевшего гладкое или украшенное в верхней части розетками поле. Такие надгробия чаще всего увенчивались анфемиями, иногда фронтонами и изредка — гранатовым яблоком. Некоторые стелы такого типа имели съемные навершья. К ним и следует отнести публикуемую фигуру сирены. Это подтверждается хорошо обработанной нижней стороной базы, совпадением размеров нижней плоскости базы сирены и верхней плоскости некоторых надгробий того же времени, оформлением передней стороны базы в виде пологого фронтона, что перекликается с подобным же архитектурным завершением многих надгробий, и, наконец, обработкой только в общих чертах задней стороны фигуры сирены. Последнее характерно для целого ряда анфемиев боспорских надгробий.

Общность приемов, которая наблюдается в обработке этого памятника и пантикапейских стел, близость в размерах и материале делают очевидной принадлежность сирены к изделиям, вышедшим из мастерских пантикапейских скульпторов.

Как указывалось выше, изображения сирен встречаются и на других памятниках, найденных в Северном Причерноморье (рис. 2). В при-

²² В указ. соч. Н. Schröder'a приведен список 19 известных ему надгробий с изображением сирен. Из них одно из Смирны, одно — с острова Мармара, две сирены на памятниках римского времени. Шредер тоже обратил внимание, что в основном изображение сирен характерно для Аттики. Из 43 надгробий IV в. до н. э., суммированных в работе Вейкера (стр. 172—174), почти все приходятся на Аттику. В Италии надгробий с сиренами не встречается, но известны их изображения на капителях какого-то погребального сооружения конца IV—III вв. до н. э., раскопанного на территории Тарентского некрополя (H. Klumbach. Tarentiner Grabkunst. 1937, табл. 28, 223, 212, 214). Надгробий из Малой Азии интересующего нас типа и времени тоже неизвестно (G. Weiske. Указ. соч., стр. 175).

²³ В. Д. Блаватский. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 100, 101.

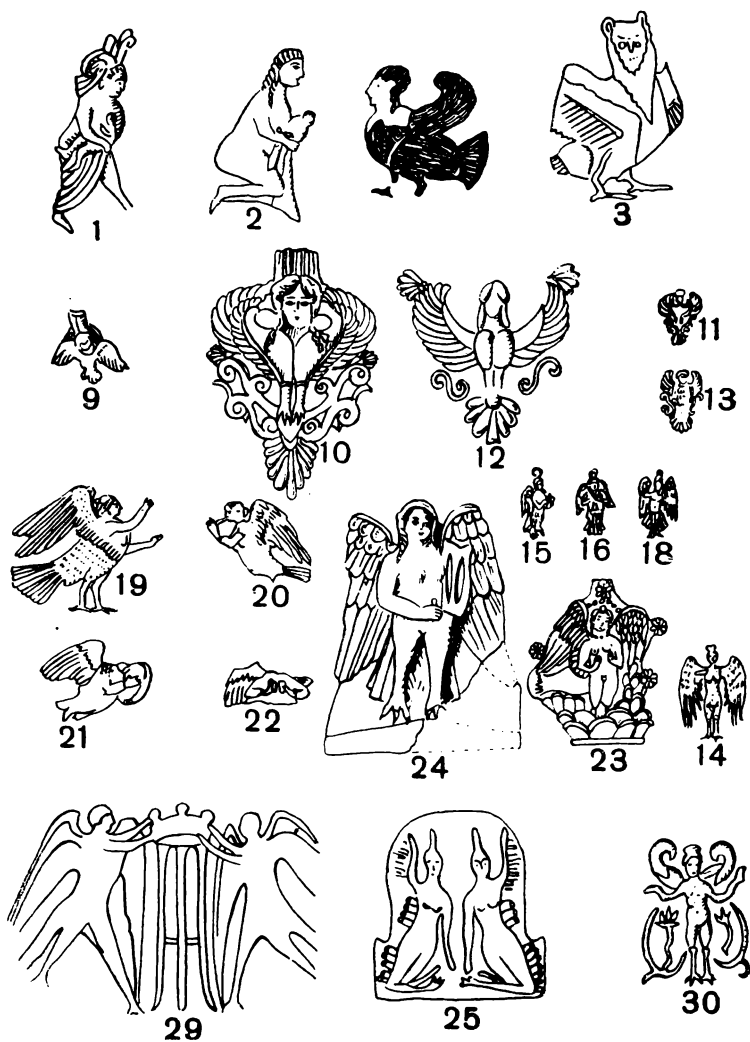

Рис 2. Изображение сирен на различных памятниках, найденных в Северном Причерноморье

водимом списке собрано свыше 30 таких памятников²⁴; анализ этого материала позволяет сделать некоторые небезынтересные выводы.

№	Наименование памятника	Место находки	Где издан	Датировка памятника
1	Алебастровая ваза накратийской работы со скульптурами гарпий	Ольвия	Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, 34, табл. V, VI.	Середина VI в. до н. э.
2	То же	То же	То же	То же
3	Коринфский бомбили с изображением богородатой сирены	»	В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 260	VI в. до н. э.
4	Чернофигурный амфориск с изображением с каждой стороны по сирене	Ольвия Раскопки 1914 г.	ОАК за 1913—1915 гг., стр. 30, рис. 25	IV в. до н. э.
5	Изображения фигур сирен на клазоменской гидрии	Таманский полуостров	В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 260; его же. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947, рис. 22	VI в. до н. э.
6	Обломок чернофигурного сосуда с изображением сирены	Пантикапей, раскопки 1946 г.	Не издан. Собр. ГМИИ им. Пушкина	VI в. до н. э.
7	Обломок архитектурной терракоты с изображением сирены (?)	Пантикапей. Случайная находка на Митриате	Не издан. Собр. КАМ. К-4240.	VI в. до н. э.
8	Бронзовое изображение сирены, сидящей на руке у женщины — подставки под зеркало	Около Херсона	ЗООИД, т. XIX, 1896, фиг. 1. Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, 34, СПб., 1914, табл. X, 1. С. А. Жебелев. Статуэтка-подставка в виде одетой женской фигуры. МАР, № 32, 1907, табл. I; ОАК за 1896 г., стр. 82, рис. 337; G. Weicker. Указ. соч., стр. 132.	VI в. до н. э.

²⁴ На рис. 2 приведены некоторые из этих памятников. Их нумерация соответствует списку.

№	Наименование памятника	Место находки	Где издан	Датировка памятника
9	Бронзовое изображение сирены у основания ручки сосуда	Курган «Бабы»	ОАК за 1897 г., стр. 134, рис. 256	V в. до н. э.
10	Бронзовое рельефное изображение сирены у основания ручки сосуда	Нимфей	Альбом к ОАК за 1877 г., табл. III, 4; G. Weicker. Указ. соч., стр. 132, № 11	V—IV вв. до н. э.
11	Бронзовое рельефное изображение сирены у основания ручки сосуда	Неизвестно	ДБК, табл. X, IV, 3; G. Weicker. Указ. соч., стр. 133, № 4	IV в. до н. э.
12	Бронзовое рельефное изображение сирены у основания ручки сосуда	Крым; ближе неизвестно	Не издано. Одесский археологический музей. Инв. № 45197	V—IV вв. до н. э.
13	Бронзовое изображение сирены у основания ручки гидрии	Курган Куль-Оба	ДБК X, IV, 7; G. Weicker. Указ. соч., стр. 133, № 13	IV в. до н. э.
14	Золотая подвеска в виде фигурки сирены	Таманский п-ов; Зеленой курган, раскопки 1912 г.	ОАК за 1912 г. СПб., 1916, стр. 49; ИАК, 60. СПб., 1916, стр. 29, рис. 14; Archäologischer Anzeiger. 1913, рис. 9	IV в. до н. э.
15	Золотая подвеска к серьге в виде фигурки сирены (играет на лире)	Керчь, Аджи-Мушкой. Раскопки Г. Карейши 1940 г.	ДБК, табл. VII, 15	IV в. до н. э.
16	То же (играет на двойной флейте)	То же	ДБК, табл. VII, 16	То же
17	Изображение сирены на краснофигурной амфоре	Крым	G. Weicker. Указ. соч., fig. 87.	IV в. до н. э.
18	Золотая подвеска в виде фигурки сирены	Ольвия	ДБК, табл. VII, 14	IV в. до н. э.
19, 20, 21, 22	Костяные пластинки-аппликации от деревянного саркофага с изображением музицирующих сирен	Таманский п-ов, третья каменная гробница Большой Близицы	Альбом к ОАК за 1866 г., табл. 1, 28, 29, 30, 31; G. Weicker. Указ. соч., стр. 79.	конец V—IV в. до н. э.

№	Наименование памятника	Место находки	Где издан	Датировка памятника
23	Фигурный лекиф с изображением сирены	Фанагория, раскопки 1870 г.	Альбом к ОАК за 1870 г., табл. 1, 6. Б. В. Фармаковский. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. ЗГАИМК, вып. 1, Пг., 1921, стр. 20 и сл., табл. II	394—370 гг. до н. э.
24	Фигура сирены от надгробия	Пантикапей. Находка до 1893 г.	Собр. ГИМ, инв. № 18657. Указатель памятников Историч. музея 1893 г., стр. 474, № 24; O. Waldhaueг. Указ. соч., стр. 53—54, фиг. 10	Начало IV в. до н. э.
25	Обломок гераклейского антефiksa с изображением сирены. Под этим номером на рис. 2 дана реконструкция антефiksa, сделанная на основании нижеуказанных обломков	Пантикапей.	Не издан. КАМ. П-41 72 кв. 7. К 2586	IV—III вв. до н. э.
26	То же	То же	Не издан. КАМ. П-41 56 К 2596	IV—III вв. до н. э.
27	То же	То же	Собрание Феодосийского музея. Без инвентарного номера. Находка 1898 г.	IV—III вв. до н. э.
28	То же	Пантикапей. Раскопки 1957 г.	Не издан. Собрание ГМИИ, инв. № 3607	IV—III вв. до н. э.
29	Изображение двух сирен на «акварельной» боспорской пелике	Крымский л-ов	Альбом к отчету за 1874 г., табл. II, 7.	IV—III вв. до н. э.
30	Изображение сирены на глиняной пластинке	Пантикапей.	Не опубликовано. Собрание КАМ К-4194	I—II вв. н. э.
31	То же	Херсонес, раскопки 1946 г.	Н. В. Пятышева. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 3, рис. на стр. 213	I—II вв. н. э.

№	Наименование памятника	Место находки	Где издан	Датировка памятника
32	Гипсовый налеп от саркофага в виде фигуры сирены	Пантикапей	ДБК, табл. LXXVI, 8	I—II вв. н. э.
33	Изображение сирены на надгробии	Фанагория или Кепы.	Не опубликован. Собрание Темрюкского музея	I—II вв. н. э.

Образ сирены, созданный греческой мифологией и религией, был понятен и имел смысл, конечно, только для населения греческих городов, и поэтому не случайно изображения сирен на различных вещах (сосудах, зеркалах, ювелирных изделиях, надгробиях и т. д.) найдены главным образом на территории Боспора и Ольвии. За пределами ближайших округ Ольвии и боспорских городов изображения сирен пока не встретились. Только отдельные сосуды и одно зеркало были обнаружены в богатых курганных погребениях скифской знати, находившейся под влиянием эллинской культуры (курганы Куль-Оба, Бабь, около Херсона), благодаря их близкому соседству с греческими городами.

В основном предметы с изображениями сирен сосредоточиваются в ионийских центрах Северного Причерноморья. В дорическом Херсонесе подобные изображения IV—III вв. до н. э. совсем не попадались. Известно только одно изображение сирены на пластинке из Херсонеса, относящейся к I—II вв. н. э.²⁵ На ней представлена сирена архаизирующего типа, почти аналогичная найденной в последние годы на г. Митридат в Керчи.

Если сравнить количество предметов с изображениями сирен, найденных в Ольвии и на Боспоре, то приходится отметить, что на Боспоре образ сирены как демона смерти и апотропея был более популярен. Ее изображение прослеживается там от VI в. до н. э. вплоть до первых веков н. э.; ольвийские же сирены III в. до н. э. — первых веков н. э. нам пока неизвестны. Нет там также надгробий, на которых были бы высечены фигуры сирен.

Наиболее ранние предметы из Северного Причерноморья с представленными на них сиренами относятся к VI в. до н. э., но их наибольшее количество падает на V—IV вв. до н. э. В эпоху эллинизма подобных изображений совсем мало. Имеются изображения сирен I—II вв., но они тоже насчитываются единицами.

Приводя данные о том, в какой период изображения сирен полу-

²⁵ В статье Н. В. Пятышевой (Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 3, стр. 213 и сл.) имеется воспроизведение сирены на этой пластинке. Однако автор, введенный в заблуждение фрагментарностью памятника, реконструирует изображение не как сирену, а как змееногую богиню.

чили большее или меньшее распространение, надо иметь в виду, что эти изображения имели определенный религиозный смысл, и поэтому такая сводка важна для истории развития религиозных представлений, имевших место у обитателей северопричерноморских городов.

В раннее время наблюдается тип сирен, имеющий общее с ликийским (например, сирены на алебастровых накратийских вазах — №№ 1—2 — перекликаются с фигурами сирен на памятнике Гарпий в Ксанфе). Известен тип бородатой сирены, представленный изображением на коринфском арибале (№ 3), но превалирующим типом был восточногреческо-халкидский. Варианты этого типа сирен с характерным изображением фигуры без рук, а только снабженной крыльями, имеется на различных бронзовых сосудах (№№ 9—11, 13) и зеркалах (№№ 8, 12).

В конце V в. до н. э. его сменяет выработанный в Аттике тип сирен, который остается ведущим и в последующее время. К этому типу следует отнести сирену надгробного памятника из Пантикапея, собрания ГИМ (№ 24), ряд сирен на предметах ювелирного (№№ 14—16, 18) и прикладного (№№ 17, 19—22, 23) искусства.

В сиренах на памятниках римского времени из Северного Причерноморья можно видеть своеобразное возрождение некоторых иконографических черт сирен VI—IV вв. до н. э. Сирены I—II вв. н. э. имеют крылья, форма которых восходит к восточногреческо-халкидскому типу. Архаизирующее направление в искусстве первых веков н. э. отмечает также К. Кизерицкий и на примере надгробных стел доказывает возрождение отдельных элементов (например, фигурные мотивы герм, птиц, сирен, голов медуз, введенные в орнаменты анфемиев), которые восходят еще к IV в. до н. э.²⁶

Значение сирен на приведенных выше разнообразных памятниках Северного Причерноморья было различное: большое место отводилось сирене как апотропею. К таким изображениям надо отнести сирены на бронзовых сосудах, гидриях и ситечках, на которых фигуры сирен помещались у основания ручек (№№ 9—13). Сирены-апотропеи очень характерны для круга изделий восточногреческого и халкидского производства, найденных на территории Северного Причерноморья. Сосуды с изображением сирен в значении апотропеев были найдены и вне городов Боспора и Ольвии, но в ближайших к ним районах. Это вполне понятно — у скифов, так же как и у греков, была сильно развита магия и вера в силу оберегов. Поэтому сосуды с магическими изображениями находили сбыт и в среде местных племен, обитавших вблизи греческих городов.

Значение апотропея имели также гипсовые налепы в виде сирен на боспорских деревянных саркофагах I—II вв. н. э. Здесь сирены в числе прочих изображений, имевших тот же смысл, были призваны отгонять злых духов от покойных.

²⁶ G. Kieseritzky und C. Watzinger. Указ. соч., стр. 22.

Иной, бесспорно связанный с представлениями о загробном мире, характер придавался сиренам-плакальщицам и музицирующим сиренам, которые получили распространение в Северном Причерноморье в IV в. до н. э. Сирены, имеющие такое значение, изображены на пантикапейском надгробии из собрания ГИМ и на ряде ювелирных изделий в виде подвесок серег из Пантикапея, Синдики и Ольвии (№№ 14—16, 18, 24). К ним надо присоединить еще фигурный лекиф в виде сирены с кроталами в руках, найденный в окрестности Фанагории (№ 23).

Большой интерес представляют обломки антефиксов гераклейского производства с рельефными фигурами сирен, найденные в Пантикапее (№№ 25—28). В эти изображения могло быть вложено другое, более необычное, значение сирен.

На антефиках представлены две сирены в высоких головных уборах, с высоко поднятыми правыми руками, держащими предмет, напоминающий факел. Изображения сирен в архитектуре встречаются, но довольно редко, и все известные нам примеры связаны только с территорией Средиземноморья. Об акротерии в виде сирены упоминает Диодор²⁷; известны изображения сирен на композитных капителях одного из зданий конца IV—III вв. до н. э., открытого при раскопках Тарентского некрополя²⁸, на этрусских антефиках VI в. до н. э.²⁹ и некоторых других итальянских памятниках эллинистического времени³⁰.

На антефиках из Пантикапея сирены, представленные не с музыкальными инструментами или в позах плакальщиц, как это характерно для памятников погребального значения, а с атрибутами в виде факелов, заставляют исключить возможность использования этих антефиксов для какого-то здания некрополя, подобного тарентскому. Очень интересен рассказ, переданный Страбоном, о святилище сирен около Неаполя, в котором совершались посвященные им празднества, сопровождавшиеся гимнастическими состязаниями, в числе которых было бегание взапуски с факелами. Может быть, пантикапейские антефики с сиренами, в руках которых находится по факелу, предназначались для украшения культового сооружения, близкого по значению неаполитанскому?

Сирены, найденные в Северном Причерноморье, почти все относятся к предметам, изготовленным в различных центрах Средиземноморья, сначала в восточнореческих или халкидских, позднее — в Афинах и Гераклее. Поэтому большой интерес приобретают те немногие экземпляры, которые были изготовлены в городах Боспора и среди них — сирена пантикапейского надгробия.

²⁷ Diodor. XVII, 115.

²⁸ H. Klumbach. Указ. соч., табл. 28, 223, 212, 214.

²⁹ A. Arvid. Architectural terracottas from etrusco-italic tempels. Leipzig, 1940, S. 94; G. Giglioli. L'art etrusca. Milano, 1935, стр. 34.

³⁰ G. Weicker. Указ. соч., стр. 183.

И. В. ЯЦЕНКО

О ДВУХ ЖЕРТВЕННИКАХ-ЭСХАРАХ В КУРГАНАХ ПОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРОВСКО-БУГСКОГО ЛИМАНА

В обряде тризны боспорских курганов очень интересным представляется обычай сооружения специальных жертвенников-эсхар для совершения жертвоприношений умершему и хтоническим богам во время погребения¹. До последнего времени ничего не было известно о существовании подобных жертвенников в более западных районах Причерноморья и именно в местностях, расположенных близ Ольвии. Однако в настоящее время на побережье Днепровско-Бугского лимана можно указать на два таких жертвенника. Один из них найден в 1955 г. в кургане № 1², находящемся около с. Днепровского Очаковского р-на Николаевской обл., расположенного в 8 км к югу от Ольвии. Вторая эсхара происходит из кургана № 3 Белозерского могильника Херсонской обл.³

Раскопки кургана № 1 у с. Днепровского не получили до сих пор отражения в печати, и поэтому, прежде чем говорить о жертвеннике, следует сказать несколько слов об этом кургане и о том, что удалось в нем открыть.

Курган имел высоту около 0,5 м, диаметр его 10 м. Поверхность кургана была покрыта степной растительностью. В насыпи из земли желто-коричневого цвета и на уровне древнего горизонта были найдены обломки керамики, главным образом амфор, и очень небольшое коли-

¹ Е. Г. Кастанаян. Обряд тризны в боспорских курганах. СА, XIV, 1950, стр. 124, с илл.

² Раскопки отряда Ольвийской экспедиции АН УССР, проводившиеся под руководством Л. М. Славина.

³ Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьями р. Ингульца и началом Днепровского лимана. Тр. VIII археологич. съезда в Москве в 1890 г., т. III, М., 1897, стр. 75.

чество костей животных. В северо-восточном и северо-западном секторах кургана оказалось много камней, лежавших разбросанными на разных уровнях, и среди них мраморный обломок архитектурной детали. Назначение этих камней остается невыясненным. Скорее всего они представляют остатки материала, привезенного для сооружения жертвенника и каменного заклада катакомбы, имевшихся в этом кургане.

Насыпь покрывала могильное сооружение и жертвенник (рис. 1). Могила, имевшая широтную ориентировку с легким отклонением северо-запад — юго-восток, была устроена в южной части кургана. Она состояла из входной ямы и вырытой в ее северной стенке подбойной катакомбы.

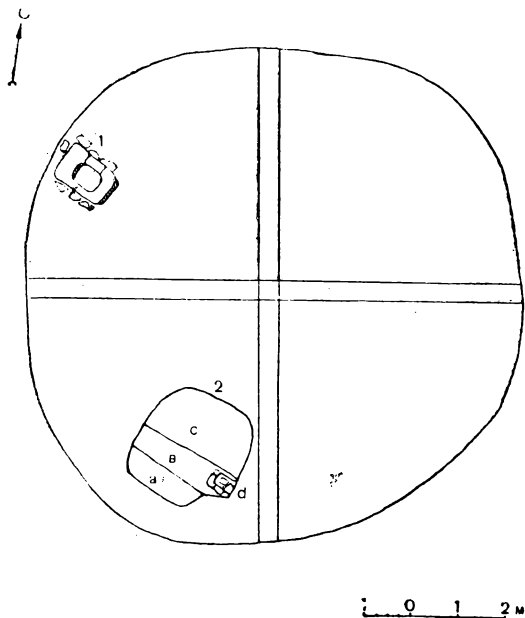

Рис. 1. План кургана № 1 у с. Днепровского
1 — жертвенник, 2 — могильное сооружение;
а — ступенька, б — дно могилы, с — катакомба,
д — остатки каменного заклада

Входная яма у южной стены на глубине 1 м от поверхности древнего горизонта имела ступеньку шириной 0,55 м, высотой 0,32 м. Длина входной ямы на уровне ступеньки составляла 1,85 м, на уровне дна — 2,50 м. Ее общая ширина — 1,20 м. Размеры катакомбы 2,50 × 1,20 м, дно ее ниже дна входной ямы на 0,12 м. Катакомба от последней отделялась каменным закладом, остатки которого сохранились в восточном конце входной ямы.

Катакомба оказалась совершенно разграбленной. Кости погребенного были сосредоточены в западной половине ее и находились на разных уровнях среди кусков леса обвалившегося свода катакомбы и черной затекшей земли.

Можно почти с уверенностью утверждать, что костяк лежал головой на восток, так как верхние части скелета, откиннутые из восточной половины (череп, лопатки), лежали выше нижних частей скелета уже на обрушенном лесу. Кроме двух осколков чернолакового сосуда, никаких вещей в катакомбе найдено не было.

В поле кургана на уровне древнего горизонта к северо-западу от катакомбы был открыт каменный жертвенник (рис. 1 и 2). От центра кургана он находился к северо-западу на расстоянии 4,25 м. Ориенти-

рован жертвенник так же, как и катакомба, в широтном направлении с отклонением на юго-восток и северо-запад. Основу жертвенника составлял большой четырехугольный камень с отверстием такой же формы в средней части. Наибольшая длина камня 1,38 м, наибольшая ширина — 85 см; размер отверстия 33×38 см. Наибольшая толщина камня в западной части 20 см, в восточной — 10 см. С юга и севера он был обложен дополнительным рядом из более мелких камней, грубо обработанных, неправильной формы, но подобранных и подогнанных так, что их внешняя сторона должна была составлять ровную плоскость. Наилучшим образом эта кладка сохранилась в южной части. Общий размер жертвенника с кладкой составляет 1,38×1,20 м. Около жертвенника найдены обломки глиняной посуды (30 обломков стенок амфор, один обломок венчика амфоры и обломки мисочки с горизонтальной ручкой у венчика).

Все находки обломков керамики как из насыпи, так и из катакомбы и у жертвенника являются очень фрагментарными, не дают представления о формах сосудов и не позволяют поэтому точно определить время сооружения кургана. Хороший лак двух обломков, по-видимому от килика, найденных в насыпи, акkuratные чернолаковые полосочки на одном из осколков, обнаруженных в катакомбе, как будто могут быть от сосудов V в. до н. э. Обломок чернолакового сосуда, находившийся у жертвенника, имеет коричневатый лак и, вероятно, может быть отнесен к IV в. до н. э. Обломки амфор еще менее выразительны. Курган скорее всего может быть датирован V—IV вв. до н. э.

Подбойная катакомбная могила раскопанного кургана близка к могилам IV—III вв. до н. э. Марицинского могильника⁴ и могилам Ольвийского некрополя⁵. Подбойные могилы с широтной ориентировкой и катакомбой, устроенной в северной стене входной ямы, являются

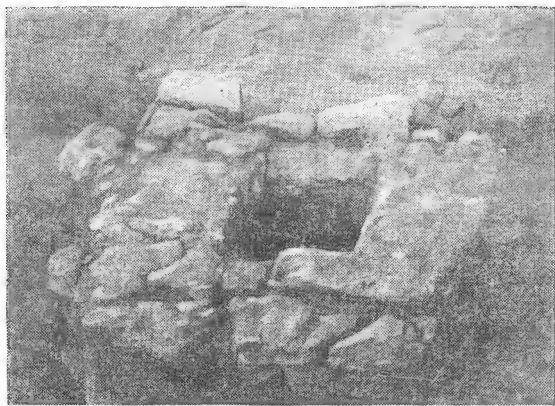

Рис. 2. Каменный жертвенник под курганом № 1 у с. Днепровского

⁴ М. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Praehistorische Zeitschrift. Leipzig, 1913, Bd. V, H. 1/2, S. 1, fig. 38, 40, 47.

⁵ ОАК за 1913—1915, стр. 26, рис. 26—27, 30.

одним из широко распространенных типов могил в степной Скифии, где они появляются в VI в. до н. э. Такие могилы встречаются в так называемых рядовых могильниках (Никопольский могильник, Белозерский могильник)⁶. Этот же тип лежит в основе ряда вариантов погребальных сооружений и больших степных так называемых царских курганов IV—III вв. до н. э.

Однако нахождение в раскопанной могиле каменного заклада сближает ее в первую очередь с могилами Ольвийского некрополя⁷, а положение погребенного головой на восток — с погребениями Марицинского могильника.

Таким образом, сохранившиеся данные о погребальном обряде не дают оснований для точного определения этнической принадлежности погребенного в кургане № 1, т. е. нельзя сказать, имело ли здесь место захоронение грека или скифа. По-видимому, в ряде случаев и не следует пытаться определенно решать этот вопрос, так как культура населения окрестностей Бугского лимана имела смешанный характер: в ней сочетались черты скифской и греческой культур⁸. Очень возможно, что и здесь население также было смешанным⁹.

Второй жертвенник, как уже говорилось, был найден в кургане Белозерского могильника, раскопанного Г. Л. Скадовским. В северо-западной полé этого кургана находился столбик, сложенный из камней. Г. Л. Скадовский при описании раскопок кургана на 5 штыке так говорит об этом сооружении: «Камни 3 и 4 слоя продолжают. Они сложены в виде столбика с четырехугольной верхушкой, имеющей длину с Ю. на С. 1 аршин 4 вершка, в ширину с В. на З. — 1 аршин. С северной стороны между камней горлышко амфоры, а под камнями в беспорядке разбросаны кости неизвестного животного, черные черепки, осколки амфоры и древесный уголь»¹⁰. Теперь, после находки каменного жертвенника в кургане № 1 у с. Днепровского и при сопоставлении с жертвенниками, известными на территории Боспорского царства, можно предполагать, что в кургане № 3 Белозерского могильника также был устроен каменный алтарь-эсхара. Курган № 3 Белозерского могильника может быть датирован IV—III вв. до н. э. по найденному в его могиле чернолаковому канфару¹¹.

В кургане № 3, как и в большинстве могил Белозерского кладби-

⁶ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА, XVIII, М., 1953, стр. 118.

⁷ ОАК, 1913—1915, стр. 26 и сл., рис. 26—27, 30.

⁸ Ф. М. Штительман. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. МИА, 50, М., 1956, стр. 255 и сл.

⁹ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, 50, стр. 239 и сл.

¹⁰ Г. Л. Скадовский. Указ. соч., стр. 112.

¹¹ Там же, стр. 98, рис. 39.

ща, был погребен скиф, принадлежавший к племени скифов-земледельцев¹².

На территории Северного Причерноморья жертвенники близкой формы встречаются с довольно раннего времени. Из Прикубанья известны три жертвенника, найденных в курганах VI—V вв. до н. э. Один из них происходит из 1-го Келермесского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1904 г.¹³ В этом кургане в центре могильной ямы была помещена большая известняковая плита с четырехугольным отверстием посередине. Такой же обломок найден был и в другом Келермесском кургане, раскопанном Шульцем¹⁴. В знаменитом кургане у Ульского аула¹⁵ также была обнаружена каменная плита с отверстием посередине. Размеры жертвенника близки к размерам алтаря, найденного в кургане № 1 у с. Днепровского: длина плиты 1,42 м, ширина 0,98 м, толщина 0,22 м, размеры отверстия плиты — 0,53×0,40 м.

K IV—III вв. до н. э. принадлежат жертвенники, найденные в боспорских курганах и могильниках. Жертвенник Васюринского кургана¹⁶ и один из жертвенников Большой Близницы¹⁷ представляют собой плиты с круглыми отверстиями. Второй жертвенник из Близницы имеет вид обычного греческого алтаря, нижний камень его был украшен карнизом, на котором сохранились следы красной и голубой красок. Жертвенники эти находились в полах курганов на уровне древнего горизонта. В богатых курганах алтари-эсхары совершенно определенно связаны с обрядом пышной тризны по погребенному с кровавыми жертвоприношениями¹⁸.

Интересен также жертвенник, открытый Веребрюсовым в 1880 г. в поле одного кургана на окраине Керчи¹⁹. Здесь была найдена квадратная плита со сквозным четырехугольным отверстием, положенная на перевернутую горлом вниз и срезанную посередине амфору. В заполнении амфоры — пепел. Это одна из наиболее поздних находок жертвенников-эсхар на территории Северного Причерноморья. Курган, исследованный Веребрюсовым, датируется II в. н. э. Найденный жертвенник также без всяких сомнений связывается с обрядом тризны.

По-видимому, несколько иное значение имели жертвенники из более ранних курганов Прикубанья (келермесские, курган у Ульского

¹² Б. Н. Граков. Каменное городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 169—170.

¹³ ОАК, 1904, стр. 86—87.

¹⁴ ОАК, 1903, стр. 168; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 313.

¹⁵ ОАК, 1898, стр. 30.

¹⁶ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 4.

¹⁷ Там же, стр. 12, табл. X, рис. 1.

¹⁸ Там же, стр. 12 и сл.; Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 124 и сл.

¹⁹ Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 130.

аула). В них жертвенники найдены в могилах (Келермесский курган) или в устроенном в насыпи шатре (курган у Ульского аула) вместе с погребальным инвентарем. Такое положение жертвенников скорее может свидетельствовать о том, что они составляли часть погребального инвентаря, подобно тому как в инвентарь погребений савроматских женщин входили переносные алтарики — каменные блюда²⁰.

Нахождение в районе побережья Днепровско-Бугского лимана жертвенников в полах курганов и на уровне древнего горизонта сближает их по обрядовому значению с жертвенниками боспорских курганов. Они были устроены неподалеку от могилы для совершения жертвоприношений во время тризны, происходившей до насыпки кургана. Нахождение среди камней алтаря из Белозерского могильника древесного угля, костей животных свидетельствует о сожжении на нем приносимых в жертву животных или мясной пищи. Эсхара же из кургана № 1 у с. Днепровского предназначалась для жертвоприношений в виде возлияний вина. Жертвенники боспорских курганов после тризны были засыпаны при возведении насыпи курганов.

Положение жертвенника в кургане № 1 около с. Днепровского у самой полы небольшого кургана, плохая его сохранность и то, что из черепков, собранных около жертвенника, не удалось восстановить ни одного более или менее целого сосуда, позволяют сделать еще одно предположение относительно его назначения. По всей вероятности, этот алтарь некоторое время был открытым и служил местом для систематических жертвоприношений умершим, как это можно наблюдать в ряде древнегреческих некрополей²¹.

Алтари-эсхары являются древними атрибутами культа мертвых у греков, и их часто находят в греческих некрополях различных эпох от эгейского периода до римского времени. Найденные в курганах № 1 у с. Днепровского и № 3 Белозерского могильника жертвенники свидетельствуют о том, что греческий обычай сооружения алтарей-эсхар у могил существовал также у эллинизированного населения в районе Бугского лимана и проник к скифам-земледельцам, жившим по берегам нижнего течения Днепра.

²⁰ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 109—110.

²¹ David M. Robinson. Excavation at Olynthus. Oxford, 1942, Part XI, pp. 190—191.

И. И. ГУЩИНА

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ САРМАТСКОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

В жизни греческих городов Северного Причерноморья с самого момента их возникновения большую роль играли местные племена, особенно усилившиеся в первые века н. э. К этому времени в степях Северного Причерноморья происходят существенные изменения. Ко II в. до н. э. относится массовое передвижение кочевых сарматских племен из восточных районов на запад, где они становятся непосредственными соседями Боспорского царства с азиатской стороны. Сарматы вступают в тесные экономические и политические взаимоотношения с Боспором; часть сарматов вместе с другими местными племенами Прикубанья попадает и на территорию боспорских городов, в том числе Пантикапея.

В результате тесных взаимоотношений населения греческих городов с сарматами культура первых веков приобретает новые черты. Процесс этот настолько силен, что дает исследователям право называть период с I в. до н. э. по IV в. н. э. в истории Боспорского царства сарматским периодом¹.

О роли сарматских племен в жизни Пантикапея свидетельствуют письменные и эпиграфические источники, а также археологический материал большого Пантикапейского могильника. В погребальном обряде и инвентаре этого могильника с конца II в. до н. э. наблюдается много нового. Среди разнообразных погребальных сооружений могильника появляются определенного типа подбойные могилы, количество которых увеличивается в первые века н. э. Факт появления подбойных гробниц в могильнике только со II в. до н. э. и широкое распространение их в первые века н. э., а также многие детали их устройства

¹ В. Д. Блаватский. Античная культура в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 58.

(узость подбоя; ступенька, ведущая в подбойную камеру; частые случаи деревянного заклада подбойной камеры; случаи южной и северной ориентировки погребенных в подбоях) позволяют связать этот тип погребальных сооружений с сарматскими подбойными сооружениями, распространенными начиная с IV в. до н. э. на территории Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и позднее — Прикубанья. В первые века н. э. в Пантикапейском могильнике появляются и другие детали, связанные с сарматским и местным погребальными обрядами: например, в погребениях обнаруживают напутственную пищу в виде частей туши барана, что совершенно не свойственно греческому погребальному обряду. Нельзя говорить о полном перенесении сарматского погребального обряда в Пантикапейский могильник; здесь продолжают прочно сохраняться старые погребальные традиции, но об отдельных чертах обряда, принесенных сюда сарматским населением, говорить, безусловно, можно. Выделение чисто сарматских черт в погребальном обряде и инвентаре могильника затрудняется тем, что сарматы проникают в Пантикапей вместе с другими, в том числе меотскими, племенами.

С I в. до н. э. меняется характер инвентаря пантикапейских погребений, и по нему, в частности по керамике, можно проследить происходившие изменения этнического состава жителей города.

В погребениях первых веков н. э. количество простой сероглиняной керамики значительно увеличивается. Характеристике такой керамики посвящен ряд работ, в которых ее широко распространение в первые века нашей эры объясняется притоком в Пантикапей местного негреческого населения².

Среди довольно большого количества местной керамики Пантикапея можно выделить типы, близкие по форме и качеству изготовления сосудам сарматского населения Прикубанья, Нижнего Поволжья и Подонья (рис. 1). Для этого мы используем материал Пантикапейского могильника I—IV вв. н. э. из раскопок В. В. Шкорпила и некоторых других исследователей, а также случайные находки, хранящиеся в ГИМ, Гос. Эрмитаже и Керченском музее³.

Независимо от техники выделки, фактуры и орнамента выделим на основе различия форм несколько типов пантикапейской керамики, близкой к сарматским образцам.

1. *Гончарные кувшины с высоким горлом, иногда немного расширяющимся в верхней части, и биконическим туловом* (рис. 1, 1). По форме они сближаются с биконическими сосудами, встречающимися среди сарматской керамики Нижнего Поволжья и Подонья в I—II вв. н. э. (рис. 1, 2). Пантикапейские кувшины этой формы имеют одну

² И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА, 33, М., 1954, стр. 86.

³ Для аналогий привлекается материал из сарматских погребений Нижнего Поволжья, хранящийся в ГИМ и Саратовском музее и в большинстве опубликованный (МИА, 60, М., 1959).

огличительную особенность — их ручки выполнены в виде стилизованной фигуры животного (кабана)⁴. Эти сосуды опубликованы в статье К. М. Скалон⁴ и не требуют детальной характеристики. Относятся такие сосуды к I в. до н. э. — II в. н. э.

II. *Кувшины с узким горлом, плавно переходящим в тулово, расширяющееся книзу* (рис. 1, 3). Такая форма имеет аналогии среди сарматской керамики II—III вв. н. э. (рис. 1, 4). Пантикапейские сосуды также снабжены ручкой в виде схематически выполненной фигурки кабана⁵. Ручки такого типа встречаются еще на целом ряде сосудов пантикапейской керамики, но определенно античных форм, тоже относящихся к I—II вв. н. э. Они представляют изогнутое тулово животного (чаще всего кабана); передняя часть его вытянута, на месте глаз и нозей сделаны налепы. Ручки эти чаще всего укреплены на 4-х ногах, иногда ноги сдвоены. Обычай делать ручку, изображающую животное, имел, по-видимому, ритуальный характер и встречался среди сарматских племен Нижнего Поволжья и, главным образом, Прикубанья. Сочетание в пантикапейских сосудах сарматских форм и стилизованных ручек подтверждает, что этот обычай был перенесен на Боспор сарматами. Но лишь сам обычай, потому что животное здесь изображено другое. Сосуды с такими ручками изготовлялись не только для сарматского населения Пантикапея, но и для греческого, судя по сосуду прекрасного качества, покрытому тонким слоем черного лака с греческими буквами — граффити. Форма его напоминает греческую пелику⁶. В дальнейшем на сосудах III—IV вв. н. э. мотив ручек в виде животных развивается по линии большей стилизации. Только отдельные детали, например отросток в верхней части ручки, указывают на то, что мастер хотел изобразить животное. На некоторых сосудах этого типа ручки имеют полый канал и используются для слива (рис. 1, 5)⁷. Эти сосуды по своей форме и типу ручек близки образцам сарматской керамики Нижнего Поволжья (рис. 1, 6) и Прикубанья⁸ и датируются III—IV вв. н. э.

III. *Гончарные одноручные кувшины с высоким горлом и шаровидным туловом*. Поверхность хорошо лощенная, серого цвета. Дно плоское без подставки, ручки витые или ленточные. По тулову нанесен орнамент в виде концентрических полос и треугольников между ними (рис. 1, 7). Сосуды эти, относящиеся к III—IV вв. н. э.⁹, по форме

⁴ К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Тр. отд. ист. первобытн. культуры. Гос. Эрмитаж, т. I, стр. 189 и сл.; табл. VII, рис. 2; табл. V, рис. 1—2.

⁵ Там же, табл. IV, 2; табл. VIII, 2.

⁶ Там же, табл. IV, 1.

⁷ Такого типа сосуд из Пантикапея опубликован в указ. ст. И. Т. Кругликовой, табл. III, рис. 39.

⁸ Усть-Лабинский могильник, курган 32. Раскопки Н. И. Веселовского; ГИМ, инв. № 48478.

⁹ ГИМ, № 17352. Датируются по аналогии с фанагорийскими сосудами и сосуду из Тиритаки — МИА, 25, 1951, стр. 116.

близки античным красноглиняным и сероглиняным сосудам, встречающимся в большом количестве среди массового материала Пантикапея и других греческих городов. С другой стороны, они напоминают и сарматские лепные кувшины III—IV вв. и более раннего времени из погребальных памятников Нижнего Поволжья¹⁰ (рис. 1, 8). Отсутствие годставки, серое лощение и орнамент роднят их с последними. Орнамент, выполненный в виде треугольников или перекрещивающихся тонких полос, образующих сеточку, характерен для сарматской керамики Нижнего Поволжья и Прикубанья. Выполнен он здесь или лощеными, или нарезными полосами. Такой узор из пролощенных полос часто встречается на сосудах указанной формы, а также на лепных сосудах других форм.

IV. *Лепные кувшины* представлены лишь несколькими сосудами, датирующимися III—IV вв. н. э.¹¹ (рис. 1, 9). Небольшие по размеру, с довольно высоким горлом, плавно переходящим в округлые, немного выпуклые стенки; дно плоское, ручка небольшая, круглая в сечении; орнамент, украшающий тулово, или нарезной, или нанесенный лощеными полосками, состоит из параллельных линий, между которыми нанесены точки или треугольники. По форме и орнаменту эти сосуды близки к лепным сарматским кувшинам¹² (рис. 1, 10).

V. *Сосуды без ручек хорошей выделки, гончарные и лепные, с лощеной поверхностью.* Горло вытянутое с немного расходящимися вверх стенками, тулово округлое (рис. 1, 11), или расширяющееся книзу, или биконическое (рис. 1, 13, 15)¹³. Такие формы характерны для типичной сарматской керамики Нижнего Поволжья и Прикубанья (рис. 1, 12, 14, 16) и датируются III—IV вв. н. э.

VI. *Небольшой лепной сосуд с невысоким, поставленным немного наклонно бортиком и округлым туловом с круглым дном* (рис. 1, 17)¹⁴. Стенки тонкие, хорошей выделки, поверхность серо-желтого цвета, лощеная. Такой же формы круглодонные сосуды встречаются в сарматских погребениях Нижнего Поволжья прохоровского времени и в погребениях II—III вв. н. э. (рис. 1, 18). Близкий к ним сосуд из Пантикапея тоже, очевидно, следует датировать II—III вв.

VII. *Очень маленькие лепные «миниатюрные сосуды»* (рис. 1, 19, 21)¹⁵. Размеры их от 0,55 м до 0,08 м. Они ставились в могилы, видимо, с ритуальной целью. Датируются III—IV вв. н. э. По форме они напоминают лепные сарматские сосуды Подонья и Прикубанья (рис. 1, 20, 22).

¹⁰ И. В. Силицын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, 60, 1959, стр. 116, рис. 37/18.

¹¹ ГИМ, инв. № 23916. Гос. Эрмитаж, инв. № 1820/904. ГИМ, инв. № 9309—314.

¹² И. В. Силицын. Указ. соч., стр. 86, рис. 23/6.

¹³ ГИМ, инв. №№ 17357, 43935, 22280.

¹⁴ ГИМ, инв. № 34405.

¹⁵ Гос. Эрмитаж, инв. № 1820/36, 464.

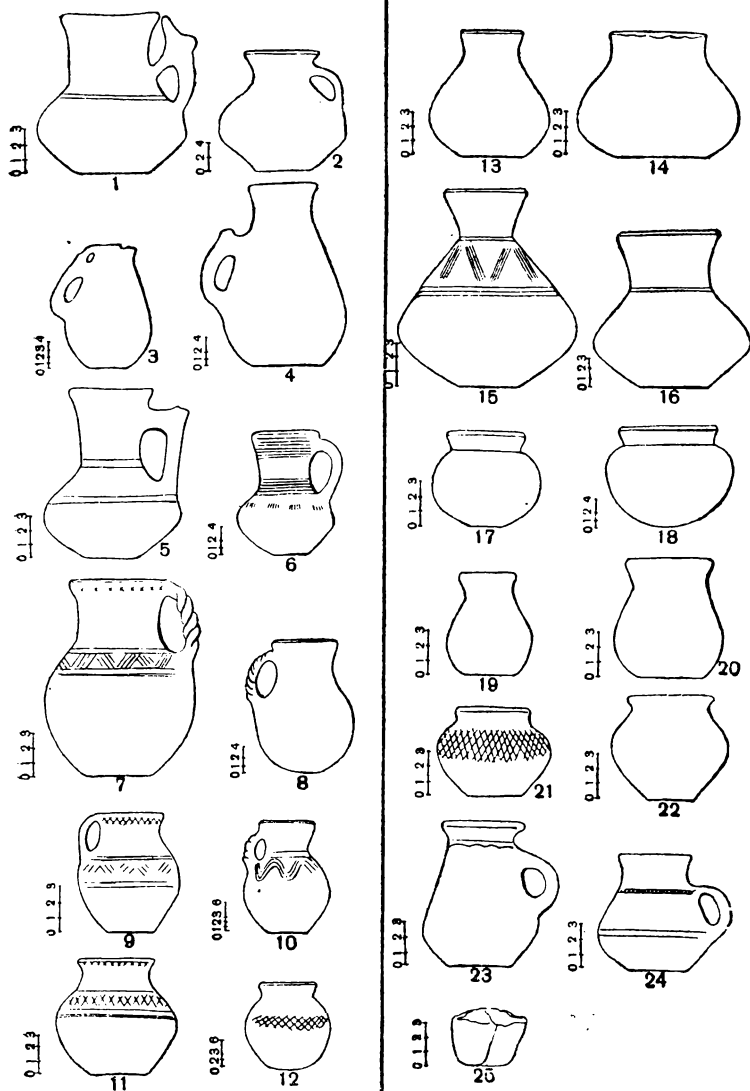

Рис. 1. Глиняные сосуды

1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25 — из Пантикапея; 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24 — из погребений Нижнего Поволжья и Прикубанья

VIII. *Небольшие четырехгранные чашечки ритуального назначения* (рис. 1, 25). Они интересны в том отношении, что такого типа сосуды встречаются только в сарматских погребениях Нижнего Поволжья и являются характерной принадлежностью сарматского инвентаря¹⁶.

IX. *Одноручные биконические кубки* III—IV вв. н. э. (рис. 1, 23). Эти кубки не типичны для сарматского инвентаря, но имеют непосредственное сходство с керамикой Прикубанья (рис. 24). Все они гончарной выделки, хорошего качества, поверхность лощеная, иногда с орнаментом, аналогичным узорам на сероглиняных кувшинах.

Таким образом, на основе анализа форм керамики, встречающейся в пантикапейских погребениях I—IV вв. н. э., можно сделать вывод о некотором сарматском влиянии¹⁷. В I—II вв. н. э. оно выражается в заимствовании греческими мастерами от сарматов некоторых форм кувшинов и обычаем делать ручки сосудов в виде стилизованных фигурок животных. В III—IV вв. н. э. сходство пантикапейской керамики с сарматской увеличивается. Для некоторых форм ее характерно сочетание античных и сарматских черт, которые очень тесно переплетаются. Встречаются группы сосудов, совершенно аналогичные сарматским первых веков н. э. из Нижнего Поволжья, Прикубанья, Подонья. Увеличение количества форм, близких сарматским в III—IV вв. н. э., соответствует росту количества лепной керамики, встречающейся в городских слоях данного времени¹⁸. Сходство форм гончарной керамики с сарматскими позволяет говорить об изготовлении пантикапейскими мастерами керамики по сарматским образцам для местного, а также и для греческого населения.

Лепная керамика, аналогичная сарматской, могла выделяться ручным способом сарматами, жившими в городе. Такие формы сосудов, как указанные четырехгранные ритуальные сосудики, типичные для сарматских погребений, могли быть принесены только самими сарматами (так же, как и черты сарматского погребального ритуала) при непосредственном переселении сарматов в города Северного Причерноморья, в частности в Пантикапей.

¹⁶ И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях реки Иловли. Уч. зап. Саратовского гос. ун-та, вып. XXXIX, стр. 222 и 137.

¹⁷ На публикуемой таблице (рис. 1) представлены сарматские сосуды из Сталинградской обл.: 2 — с. Политотдельское (кург. 5, погр. 4), 6, 8, 18 — II Бережновский могильник (кург. 61 и кург. 4, погр. 4, кург. 58); 10 — I Бережновский могильник (кург. 27); 14 — с. Н. Баскунчак (кург. 3); Саратовской обл.: 16, 20 — с. Харьковка (гр. III, кург. 13 и 4), 22 — р. Б. Караман; 4 — Астраханской обл. Бичкин-Будук (кург. 18); 12 — Оренбургской обл. пос. Благословенский (гр. IV, кург. 4); 24 — Краснодарского края ст. Ладожская (склеп, раск. 1944).

¹⁸ И. Т. Кругликова. Указ. соч., стр. 86.

Н. В. ПЯТЫШЕВА

ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ФАНАГОРИИ В 1939 г.

Экспедиция 1939 г. ставила своей задачей систематическое продолжение работ по исследованию северо-западной территории Фанагорийского городища, начатых Государственным Историческим музеем в 1936—1937 гг., а также окончательное раскрытие некоторых архитектурных объектов, оставшихся не вполне исследованными в 1936—1937 гг.

Экспедиция проводилась силами Государственного Исторического музея: начальник — Н. В. Пятышева, научные сотрудники — Е. В. Веймарн и Ю. С. Крушкoл, фотограф — Н. Д. Воскресенский, студенты-практиканты с исторического факультета МГУ — Г. Э. Бауэр и В. Штейнбах.

Раскоп 1939 г., непосредственно примыкающий с юго-востока к раскопу 1936—1937 гг., был разбит на пять квадратов (XVIII—XXII) площадью 5×5 м каждый (рис. 1) ¹.

Стратиграфия раскопа насчитывает одиннадцать слоев, соответствующих 11-ти строительным периодам, из которых нижние относятся к IV—III вв. до н. э., а верхние — к IX—XII вв. н. э. ² Слои, за исключением наиболее раннего (IV—III вв. до н. э.), оказались нарушенными вследствие постоянной выборки строительного материала как в древнее, так и в новое время. Поэтому в распределении слоев пришлось ориентироваться главным образом по горизонту одновременных архитектурных

¹ Нумерация квадратов ведется с 1936 г.

² На квадратах XIX, XX, XXII непосредственно под дерновым слоем оказались остатки строений хутора Боровика, находившегося здесь в середине XIX в. (К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870). Именно под фундаментами хуторских строений уцелели от расхищения архитектурные остатки средневекового времени.

остатков и по сопровождавшему их массовому керамическому материалу.

В результате раскопок 1936 г. установлены следующие датировки слоев: 1 (верхний) слой — IX—XII вв.; 2 слой — VII—VIII вв. (по-видимому, в средневековом строительстве на этом месте был перерыв в течение примерно ста лет, когда этот участок был заброшен); 3 слой — VI—VII вв.; 4 слой — V—VI вв.; 5 слой — IV—V вв.; 6 слой — II—III вв.; 7 слой — I—II вв.; 8 слой — I в. до н. э. — I в. н. э.; 9 слой — II—I вв. до н. э.; 10 слой — III—II вв. до н. э.; 11 слой — IV — III вв. до н. э.³

Первый слой (глубина от 0,05 до 0,45 м от современной поверхности, толщина слоя — 0,30—0,40 м). На границе XIX, XX, XXII квадратов расчищена каменная кладка стены (№ 2)⁴ из небрежно уложенного в «елочку» бута на глине. Длина — 2,80 м, ширина 0,55 м, высота 0,35—0,40 м. В этом же слое выявлена небольшая часть вымостки (№ 6) из небрежно уложенного в глине бута и черепков. Размеры ее 0,9 × 0,59 м. Среди керамического средневекового материала первого древнего слоя встречается славянская керамика IX—X вв. из черной глины и в меньшем количестве черепки XI—XII вв. с волнисто-линейным орнаментом; много обломков крупно- и мелкорифленой керамики, черепков оранжевой и желто-оранжевой глины с волнистым орнаментом; попадались черепки сосудов черной глины с коричневой облицовкой и волнистым орнаментом. Встречались черепки черной и серой глины с лощением, некоторые — с орнаментом в виде пересекающихся линий, идущих концентрическими поясками по тулову сосуда.

Второй слой (залегает ниже первого слоя на 0,75 м и прослеживается лишь на квадрате XXII, где он был защищен от позднейших разрушений постройками хутора). Здесь найдены относившиеся к одному помещению (кухне или дворику) следующие объекты: 1) небольшие части вымосток (№№ 30 и 31) из плохо утрамбованных в глине бутовых камней; 2) остатки сырцового очага⁵ (под и части стенок); 3) круглая выемка (вероятно, для пифоса) диаметром 1,05 м, глубиной 0,15 м; 4) каменная округлая крышка пифоса с вырезанным на ней крестообразным знаком.

Грунт слоя — гуммированный суглинок и глина с прослойками песка — неоднороден ни по консистенции, ни по составу находок. В нем встречаются черепки античной краснолаковой и чернолаковой посуды

³ Найденные при раскопках монеты, определение которых сделано ст. научн. сотр. отдела нумизматики ГИМ Ю. С. Крушкoл, подтверждают нашу датировку; см. ее статью «Монеты Фанагорийского городища», СА, вып. XV, М., 1951, стр. 263.

⁴ Нумерация архитектурных объектов экспедиции 1939 г. ведется с № 1. Кладка № 1 относится к остаткам хутора Боровика.

⁵ Это третий очаг, обнаруженный на участке «А» городища. Техника, форма и размер их почти стандартны, несмотря на разницу во времени. См. отчет В. Д. Блаватского о раскопках 1936/37 гг. Тр. ГИМ, вып. XVI, М., 1941, стр. 10 и 22.

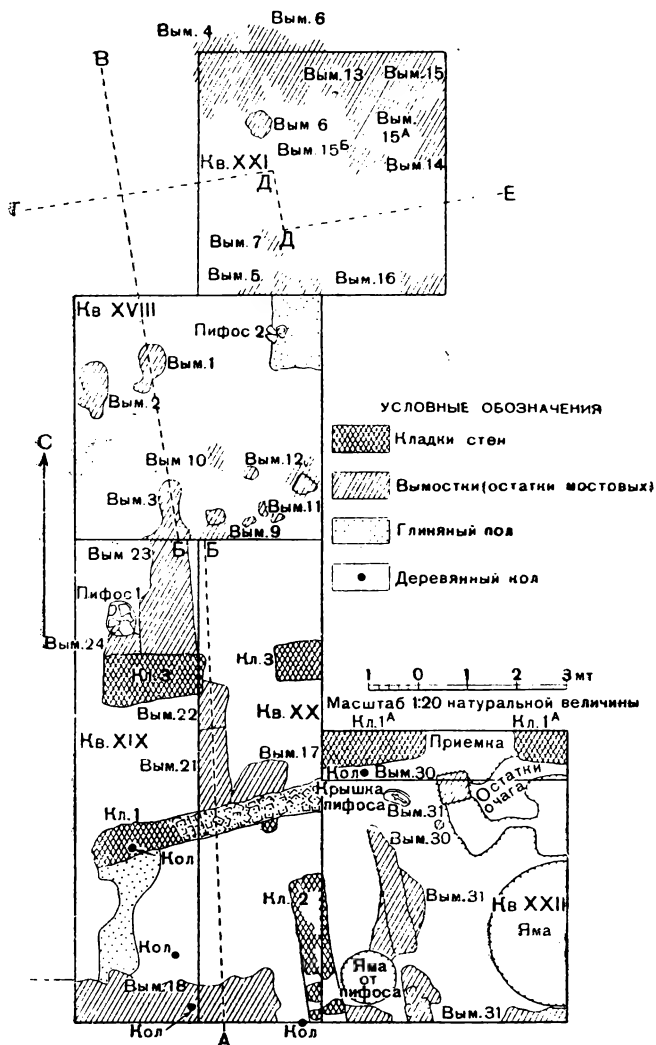

Рис. 2. Обломки терракот и посуды из раскопок 1939 г.

- 1 — задняя часть обнаженной фигуры. 2 — передняя часть статуэтки воина.
 3 — обломок статуэтки Кибелы, 4 — обломок маски бородатого Диониса.
 5 — обломок гермы, 6 — черепок чернолакового сосуда с граффити.
 «Дионису», 7 — горло амфоры с надписью: «Македо».

(например, горло чернолакового сосудика с граффити «Дионису» (рис. 2, 6), амфорные ручки с родосскими клеймами, обломки керамических статуэток гермы (высотой 8 см) и сидящей Кибелы (рис. 2, 3, 5). Характерным материалом слоя является керамика реберчатая с зеленова-го-желтым ангобом по красной и желтой глине и рифленая концентри-ческими кругами. Здесь же найдены горло черноглиняного лощеного кувшина с ручкой и елочным орнаментом, облицовка рукоятки ножа в виде костяной пластинки с тремя отверстиями и орнаментом из зубчи-ков и насечек. Много черепков черноглиняной лощеной посуды.

Третий слой (глубина от поверхности южного борта раскопа — 2 м). К нему относятся: 1) каменная вымостка № 18 на квадратах XIX, XX, площадью $5 \times 1,30$ м, состоящая большей частью из равной величины камней, размером 20×30 см, плотно пригнанных друг к дру-гу. Местами вымостка состоит из бутовых камней неравной величины с вкрапленными среди них большими и средними черепками толсто-стенных сосудов и черепицы; 2) черепичные вымостки меньшего разме-ра, составлявшие пол какого-то помещения или двора, и небольшой кусок вымостки из мелкого камня вперемешку с обломками толсто-стенных сосудов и черепицы; 3) зольная мусорная яма глубиной 0,84 м, шириной 1,15 м, заполненная землей с обломками грубой закопченной ке-рамики красной и оранжевой глины и костями животных (главным обра-зом бараны и коровьи кости). Слой определяется временем VI—VII вв., несмотря на находку в нем обломков терракотовых статуэток — перед-ней части фигуры воина в панцире и плаще и тыльной части обнажен-ной гротескной статуэтки мужской фигуры (рис. 2, 1, 2). Статуэтки хорошей работы и относятся ко времени не позднее I—II вв. н. э. В этом же слое найден обломок беломраморной капители пилястры с овами, размер его $25 \times 13 \times 11$ см (рис. 3, 1), и обломок плоской черепицы со стержнем, на который надевалась коньковая черепица (рис. 3, 2).

Четвертый слой (глубина от современной поверхности южного бор-та 2,45 м). К архитектурным остаткам 4-го слоя относятся: два отрезка стены плохой бутовой кладки на глине (стена № 3—3 А на квадратах XIX—XX), отдельно сохранившиеся участки (самый большой размер 0,85×0,60 м), составлявшие части одной большой вымостки (№ 22) из черепицы с бутом. В вымостке, принадлежавшей, по-видимому, дворику, оказалось гнездо с поддонной частью пифоса. Стена, вымостка и пифос относились к одному жилому комплексу.

Под вымосткой оказалась субструкция, состоящая из слоя песка (толщиной 0,30 м) и глины (толщиной 0,70 м). Так как под этой суб-струкцией выявлены следы сильного разрушительного пожара, уничто-жившего более ранние сооружения, то, очевидно, целью ее устройства была нивелировка поверхности того строительного периода, к которому она относилась. В слое найдены обломки рифленой и реберчатой посуды, плоские кирпичи с желобчатой поверхностью и кремовым ангобом, све-тильник местной работы из темно-бурой глины (рис. 3, 6), дисковидное

Рис. 3. Архитектурные детали и бытовые вещи из раскопок 1939 г.

1 — капитель пилястры, 2 — черепица с шипом, 3 — обломок глиняного антефикса, 4 — обломок красноглиняного блюда с изображением креста, 5 — глиняное грузило, 6 — раннесредневековый светильник местной работы

глиняное грузило, вогнутое с одной стороны, на которой насечками нанесено изображение схематической, по-видимому женской, фигуры (рис. 3, 5) ⁶.

Судя по массовым керамическим находкам и светильнику, а также по топографическому уровню архитектурных остатков, слой относится к У—VI вв. н. э.

Пятый слой (глубина 2,85 м от южного борта раскопа). К архитектурным остаткам слоя относятся: 1) двухслойная вымостка (№№ 23—24) из черепков и мелкого бута, плотно и ровно уложенных в глиняной подушке толщиной 0,05—0,07 м. Размер вымостки 2,5 × 0,7 м; 2) остатки сильно разрушенного пола из полуобожженного кирпича-сырца (на XVIII квадрате), непосредственно над которым найдена нижняя часть большого пифоса с поддоном.

Среди находок слоя имеется ромбовидный кусочек красновато-розового камня от мозаики пола, обломок керамической плитки толщиной 1,5 см с рельефным изображением креста и черепок краснолакового блюда — также с изображением креста (рис. 3, 5). Наряду с этими раннесредневековыми вещами пятый слой содержал массу обломков поздне-античной краснолаковой посуды и римского стекла.

По снятии первых пяти слоев раскопки на квадратах XIX, XX, XXII были прекращены, с тем чтобы на следующий год обследовать каждый из них на значительно большей площади. Уровни этих слоев хорошо прослеживаются в разрезе и представляют большой интерес в смысле планировки средневекового поселения, существовавшего в течение нескольких столетий (рис. 4). Характерно также общее повышение топографического уровня позднейших слоев городища. Но рельеф местности, образующий наклон к морю в направлении к северу, оставался без изменений, и большинство мостовых, дворов и улиц также образуют некую покатость к морю.

Шестой слой ⁷. Из архитектурных остатков в этом слое выявлены: бутовая вымостка (№ 29) на квадрате XVIII площадью 1,15 × 0,60 м с барьером из стоячих камней по западному краю вымостки. На квадратах XVIII и XXI — части черепичных вымосток. На квадрате XXI — отрезок стены (кладка № 6) из необработанных камней на глине; длина 1,10 м, ширина 0,52 м, высота 0,75 м; лежит непосредственно над слоем жаровни.

В грунте слоя много обломков сырцового кирпича, черепков привозной краснолаковой посуды и местной из оранжевой, красной и желтой

⁶ В ст. Н. А. Онайко «О фанагорийских грузилах» (МИА, вып. 57, М., 1958) грузило ошибочно отнесено к находкам 1936—1937 гг. Стр. 159, рис. 3, 3.

⁷ Глубины начиная с шестого слоя и ниже измеряются как от главной базовой линии, проходящей через наиболее высокую точку раскопа — южный борт, так и от восточного борта квадратов XVIII и XXI. Разница между этими двумя измерениями вследствие общего понижения рельефа местности к морю, в особенности от холма наосной земли над развалинами хутора, составляла для шестого слоя 1,65 м.

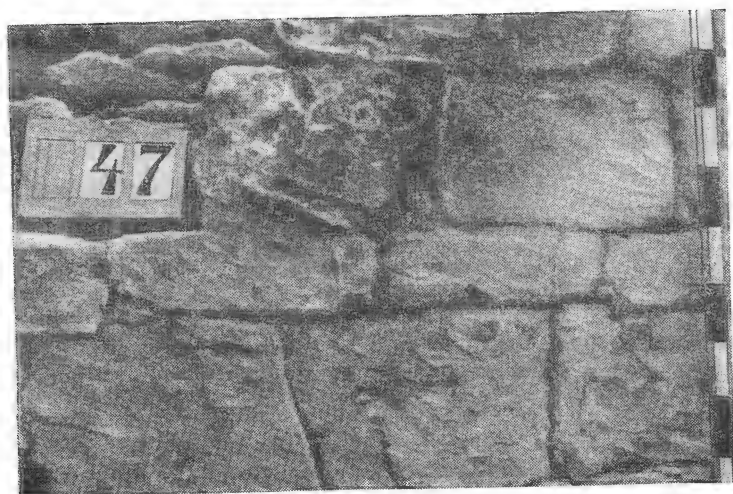
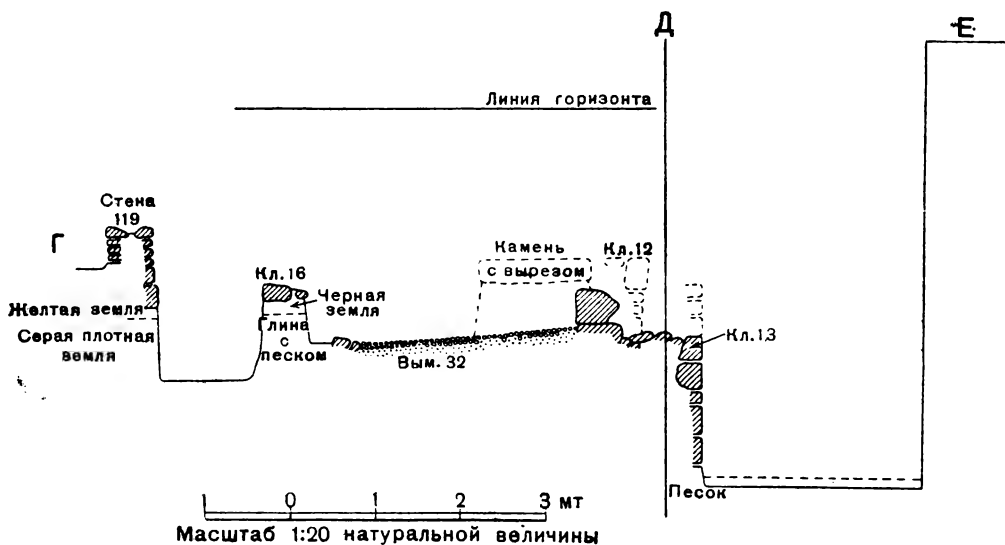

Рис. 4. Квадрат XXI, раскопки 1939 г. (вверху — разрез по линии Г — Д — Е, внизу — фас стены № 13)

глины, чаще всего — это обломки закопченных кастрюль с бортиком, приспособленным для закрывания крышкой. Много черепков посуды сарматского типа из плохо отмученной черной и серой глины.

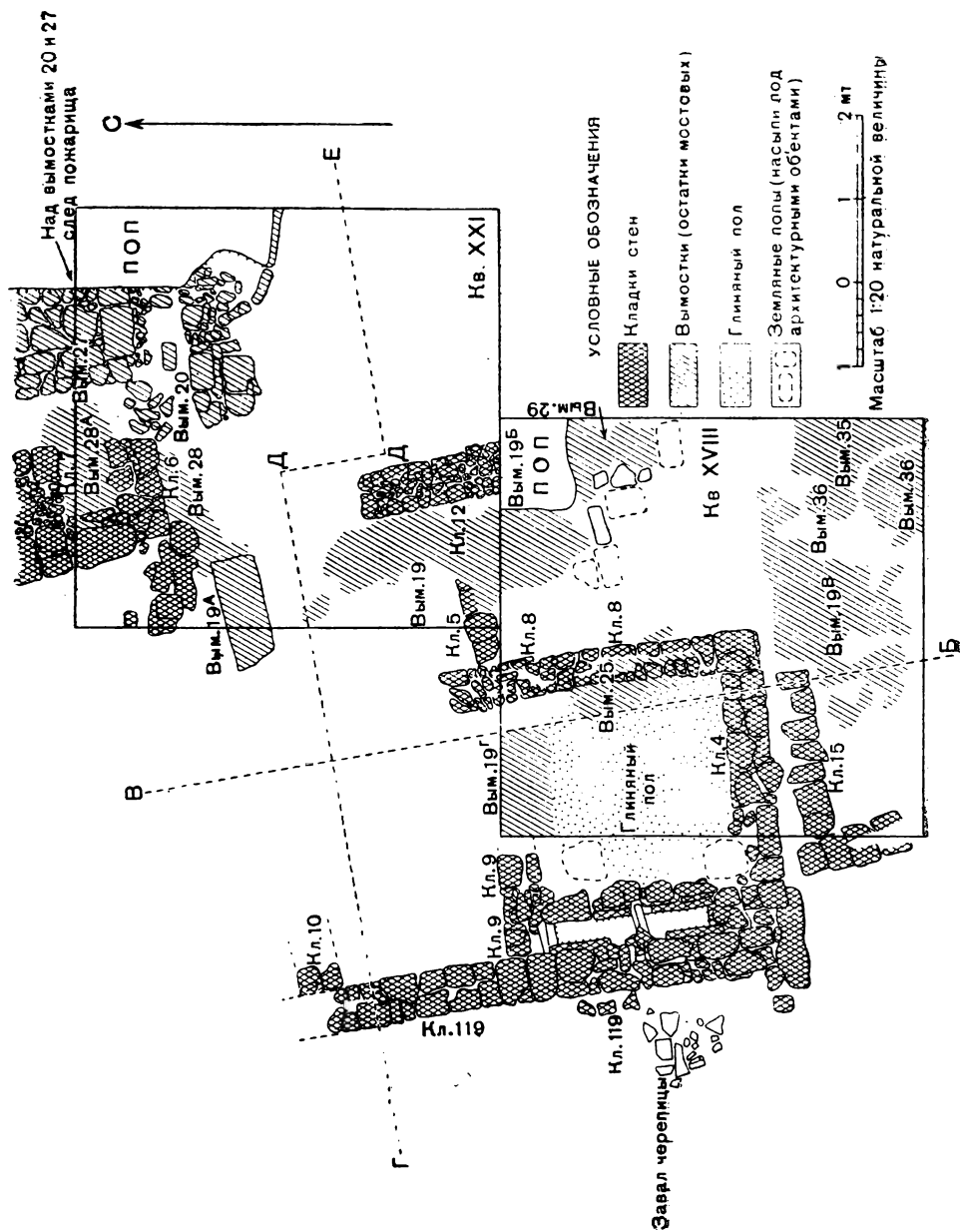
Здесь же найдены обломанная терракотовая игрушка в виде птички, по-видимому свистулька, и верхняя часть желтоглиняной узкогорлой амфоры II—III вв. н. э. с реберчатой ручкой и с надписью по горлу красной краской греческими буквами (рис. 2, 7) «Македо». Значительно чаще, чем в верхних слоях, попадаются монеты.

Седьмой слой (на глубине 2,05—2,15 м от восточного борта квадрата). Топографический горизонт седьмого строительного периода выявлен раскопками ГИМ в 1939 г. наиболее отчетливо. К седьмому слою относится один из самых значительных архитектурных памятников на северо-западном участке Фанагорийского городища — так называемое «римское» здание с цемянковыми полами, обнаруженное в 1936—1937 гг.⁸ и окончательно доследованное раскопками 1939 г. Это большое жилое здание с четырьмя помещениями (одно из которых имело какое-то производственное назначение) выходило на мощеную улицу или площадь.

В здании оказалось два яруса, относящихся к разным периодам. Наиболее ранний строительный период представлен лишь незначительными остатками стен, послуживших фундаментом при последующих переделках. Западная наружная стена здания (по нумерации 1937 г. стена № 119) сохранилась в длину на 8,20 м, при ширине 0,52 м и высоте (наибольшей) 0,7 м. На расстоянии 1,85 м от ее южного конца в стене имеется сквозная выемка шириной 0,20 м, выстланная большими кусками черепицы, проходящей под камнями подошвы стены. Такая же плоская черепица и калиптеры подходят с наружной и внутренней сторон к выемке, образуя род водостока (рис. 5).

В глинобитном полу помещения, в стене которого оказалась сквозная выемка, обнаружилось углубление в виде прямоугольного корытца с отвесными стенками: длина его 2 м, ширина 0,28 м, глубина 0,20 м. Корытце очень тщательно выложено ровными каменными плитами длиной 0,75 м, толщиной 0,20 м. Дно представляет сплошную плиту с двусторонним наклоном к своему центру как бы для собирания стекающей жидкости. Камень, образующий стену южного конца корытца, завален. У северного конца лежит каменная плита с двумя круглыми выемками глубиной 0,40 м (рис. 5). Как раз на середину корытца приходится упомянутая выше выемка в стене, выложенная черепицами (рис. 5). Весьма вероятно, что все приспособление имело какое-то производственное назначение, пока что неразгаданное. Водостоком оно служить не могло, так как оба конца его замкнуты. Корытце было сплошь засыпано створками раковин мидии, масса которых покрывала также пол помещения в северо-западном углу. Среди раковин оказался маленький

⁸ Отчет В. Д. Блаватского. Тр. ГИМ, вып. XVI, стр. 14.

желтоглиняный кувшинчик. На полу найдены куски стеной штукатурки красного и желтого цвета, черепки краснолаковой керамики (один с рельефным орнаментом), два куса мраморного лютерия, много бронзовых монет. Тут же несколько штук рыболовных грузил.

К северо-востоку от этого здания, в одном горизонте с ним на глубине 2,25 м, вскрыт небольшой кусок уходящей под нераскопанный борт вымостки (№ 27), размером 35×1 м. Это прочное сооружение из каменных плит ($0,40 \times 0,25 \times 0,20$ м), под которыми имеется подстилка из утрамбованных в глине черепков. Кусок этой же мостовой был обнаружен в раскопках 1936 г.

В результате дальнейших исследований в этом месте может выявиться картина прекрасной уличной мостовой первых вв. н. э. К этой же мостовой относится и полукруг из поставленных на ребро пяти камней, возможно служивший оградой гермы, и каменная дорожка длиной 1,1 м, очевидно подводившая к входу в здание с цемянковыми полами.

Сооружения седьмого строительного периода погибли в большом пожаре, следы которого толстым слоем (в 0,35—0,4 м) покрывают все архитектурные остатки. Слой пожарища прослеживается на всей площади раскопа. В грунте слоя найдено несколько бронзовых монет, ручки и ножки эллинистических амфор (среди них ранняя родосская ручка с клеймом IV—II вв. до н. э.), бронзовые гвозди с широкими шляпками и четырехгранным стержнем, боспорская черепица с клеймами Спартока и Перисада, много грузил, два обломка зернотерки.

Восьмой слой (на глубине 2,55—2,7 м от восточного борта XVIII квадрата). К этому слою относится нижний, более ранний ярус здания с цемянковыми полами, погибшего, по-видимому, в пожаре и восстановленного на старом фундаменте. В результате такой надстройки пол здания оказался поднятым на 0,5 м, а само помещение несколько уменьшилось.

Ранний ярус здания с цемянковыми полами корреспондирует с остатками помещения, открытого в 1937 г., стоявшего на развалинах большого эллинистического здания, стена которого (№ 28) также открыта в 1936—1937 гг. Верхнее здание сложено из материала нижнего, погибшего в пожаре, при котором рухнула крыша⁹. Такую же картину пожара с рухнувшей крышей мы наблюдаем и в раскопках 1939 г.

К северу от стен здания восьмого слоя оказалось еще одно помещение, северную границу которого определяла открытая стена № 10, перпендикулярная к стене № 119 (1937 г.) с внутренней стороны.

К этому же слою относятся каменные вымостки №№ 34, 35 и 36 на XVIII квадрате (размер наибольшей из них (№ 34) $1,1 \times 1,1$ м) и черепичные вымостки (№№ 28 и 28а), составлявшие одно целое и по своим качествам являвшиеся лучшими из черепичных вымосток на раскопан-

⁹ Н. В. Пятыева. Архитектурные остатки Фанагорийского городища по раскопкам 1936—1937 гг. Архив 2-го археологич. отд. ГИМ.

ном в этом году участке. Общие размеры их: длина 4,05 м, ширина 2,15 м.

Рядом с вымостками лежал большой хорошо обработанный каменный блок с дугообразной выемкой на одном конце. Длина его 1,6 м, ширина 0,47 м (рис. 5).

Массовый материал слоя не позднее рубежа н. э.

Девятый слой (на глубине 3,1—3,15 м от восточного борта квадрата). К слою относятся: 1) обрывки стен №№ 17 и 19 на XVIII квадрате, от которых сохранилось лишь по нескольку камней; 2) стена № 16, состоящая из камней размером (в среднем) 0,5 × 0,25 м и мелкого бута, заполнявшего промежутки между камнями. Сохранился только подошвенный ряд стены протяжением с севера на юг 4,28 м, шириной 0,35 м; 3) черепичная вымостка № 33, размером 0,7 × 0,6 м.

Датирующим материалом слоя служат обломки днищ эллинистических амфор, фрагменты мегарских чаш II в. до н. э., чернолаковых сосудов III—II вв. до н. э., куски боспорской черепицы с клеймами и т. п.

Десятый слой (глубина 3,6—3,7 м от восточного борта квадрата). К слою относятся: 1) стена № 11 на XVIII квадрате, от которой обнаружены только четыре камня первого ряда кладки из правильных, хорошо пригнанных друг к другу плит; 2) каменная вымостка № 37 перед стеной № 11; непосредственно на камнях вымостки лежали большие плоские черепицы и калиптеры, многие почти целые. Расположение и сохранность черепиц позволяют видеть здесь завал крыши, но вследствие слишком незначительных размеров вскрытой в отчетном году площади сказать об этом определенно нельзя; 3) участок черепично-галечной вымостки № 32, состоящей из мелкой морской гальки в цемянковом растворе; в некоторых местах сверху на гальке лежит мелкая битая черепица, очень плотно утрамбованная. Вымостка (1,7 × 2,4 м) представляет собой часть хорошо утрамбованного ровного пола; непосредственно над вымосткой в грунте — масса мелких угольков, очень много обломков черепицы и бута. Там же оказался фрагмент терракоты, изображающей бородатого Диониса «индийского» типа (рис. 2, 4). Среди найденных в слое клейм интересно родосское IV в. до н. э. на двустольной ручке. Время слоя — III—II вв. до н. э.

Одиннадцатый слой. Наиболее ранним архитектурным сооружением в раскопе 1939 г. оказались остатки стены № 13, выявленной в этом слое на XXI квадрате. Обнаружен лишь небольшой кусок стены, представляющей образец монументальной архитектуры, сохранившийся в высоту на 5 рядов камней. Длина стены 2,5 м, ширина 1,6 м, высота 1,2 м, три нижних ряда ее являлись кладкой фундамента и находились под землей. От надземных рядов сохранились два. Облицовочные камни (размером 0,95 × 0,7 × 0,3 м и 0,75 × 0,6 × 0,27 м) уложены по способу «кардон на ребро, плита на образец», насухо и хорошо пригнаны друг к другу. Внутренняя часть стены заполнена крупным и средним бутом. Южный

конец ее уходит под нераскопанный борт XVIII квадрата, а подошва кладки лежит на глубине 4,8 м от южного борта квадрата. Так как фундамент стены находился в песчаном грунте, то для укрепления последнего была сделана специальная субструкция из черепков в глине. Толщина субструкции 0,30—0,35 м.

На уровне подошвы субструкции по всей площади в XXI квадрате начала просачиваться морская вода. На глубине 5,15 м от южного борта квадрата оказался материк — сплошной слой морских раковин и светло-серой глины с прослойками песка. Над ними черный морской песок.

Находки в грунте на уровне фундамента стены № 13 и ее субструкции представляют собой обильный керамический материал: много фрагментов чернолаковой посуды V—IV вв. до н. э., амфор того же времени, фрагмент светильника с открытым вместилищем IV в. до н. э. В слое нет материала позднее III в. до н. э. Время существования здания со стенами № 13 приходится, таким образом, на IV—III вв. до н. э.

Подошва стены № 13 лежит ниже подошвы стены № 28 (открытой в 1936—1937 гг.) на 0,40—0,50 м и параллельно к ней на расстоянии около 10 м.

Таким образом, стена № 13, судя по найденному около нее и под ней материалу и по своему уровню, старше стены № 28 (III—II вв. до н. э.) и одновременна галечному полу в виде дорожки под стеной № 28. Керамический материал у галечного пола и у стены № 13 вполне идентичен (IV—III вв. до н. э.)¹⁰.

Дата этих сооружений — IV—III вв. до н. э. — выяснена раскопками с полным основанием и дает право внести поправку в опубликованные ранее датировки этих объектов¹¹.

Стена № 13 (раскопки 1939 г., ГИМ) и более поздняя по времени стена № 28 (раскопки 1936—1937 гг.) относились к монументальным архитектурным сооружениям. Назначение этих сооружений пока еще не ясно, но, судя по огромному количеству находок обломков культовых терракот эллинистического времени и черепков сосудов с граффити (как в раскопках 1939 г., так и в предшествующих), а также по капитальности стен, можно видеть в них остатки зданий культового характера, существовавших одно на месте другого с конца IV до начала I в. до н. э.

¹⁰ Обоснование датировки галечной вымостки IV—III вв. до н. э. — см. ст. Н. В. Пятышевой «Полы и вымостки из раскопок Фанагории в 1936 г.». Архив 2-го археологич. отд. ГИМ.

¹¹ В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 6 и сл.; его же. О строительном деле Фанагории. Докл. и сообщ. истфака МГУ, вып. 9, 1950, стр. 44; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, М., 1958, стр. 20.

Д. Л. ТАЛИС

К. ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ КЕРАМИКИ IX—X вв. ИЗ ХЕРСОНЕСА

Вторая половина IX в. и X в. — период наивысшего расцвета средневекового Херсона (как стал называться в эту эпоху античный Херсонес). В его внешнеторговых связях первое место принадлежало связям с малоазийскими городами, прежде всего со столицей Византии — Константинополем.

Ярким и выразительным показателем усиления заморской торговли Херсона в IX—X вв. является найденная здесь керамика из византийских центров. В малоазийском экспорте керамики IX—X вв. преобладала поливная керамика, но наряду с ней ввозилась и расписная полихромная посуда.

Поливная керамика с рельефными штампованными украшениями, преобладавшая среди остальных находок византийской поливной керамики IX—X вв. в Херсонесе, недавно описана А. Л. Якобсоном. Им же опубликована и расписная керамика из Херсонеса¹. Но помимо рельефной штампованной керамики в Херсоне были найдены, хотя и в меньших количествах, фрагменты поливных сосудов иной техники, которые не нашли отражения в названной работе. Представляется, однако, целесообразным охарактеризовать все виды поливной керамики.

Кроме того, поливную керамику, найденную в Херсонесе, предпочтительнее классифицировать, исходя из классификации поливной керамики тех центров, откуда эта продукция экспортировалась, т. е. прежде всего городов северного побережья Малой Азии, а также других византийских городов. Поэтому херсонесскую поливную керамику нужно

¹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, М.—Л., 1959, стр. 332—359.

систематизировать применительно к существующей классификации поливной керамики прежде всего из Константинополя, как основного центра производства белоглиняной поливной посуды, хотя эта классификация и не может пока считаться вполне удовлетворительной.

В основе предлагаемой классификации поливной керамики IX—X вв. из Херсонеса лежит классификация византийской поливной керамики этого же времени главным образом из Константинополя, а также Коринфа, разработанная Стивенсоном, Морганом, отчасти Райсом².

Следует указать, что и характеристику рельефной и расписной керамики, данную А. Л. Якобсоном, можно дополнить некоторыми соображениями, которые, как кажется, позволят в ряде случаев уточнить датировки отдельных видов изделий.

Размеры статьи не позволяют опубликовать все фрагменты поливных изделий; мы вынуждены ограничиться лишь сжатой характеристикой каждой из групп рассматриваемой керамики.

Импортное происхождение белоглиняной поливной керамики Херсона IX—X вв. выявляется совершенно определенно, поскольку все безусловно местные изделия выполнены из глины, дающей при обжиге желтый, красный и зеленый цвета (разумеется, со всей сопутствующей гаммой). К этому же выводу приводит и анализ форм.

В основу классификации исследуемого материала положен не хронологический принцип, а различие в технике воспроизведения изображений и орнамента, а уже внутри групп, характеризующихся этими различиями, будут выделяться, когда это возможно, хронологические серии.

На основе указанного принципа классификации можно выделить семь групп раннесредневековой поливной и расписной керамики из Херсонеса, представляющих собой: I. сосуды лепестковидной техники; II. сосуды с врезным орнаментом; III. сосуды с рельефными штампованными украшениями; IV. сосуды с зелено-коричневой росписью; V. неорнаментированную поливную посуду; VI. сосуды с коричневыми мазками; VII. полихромную расписную керамику.

Группа I СОСУДЫ ЛЕПЕСТКОВИДНОЙ ТЕХНИКИ

Имеется несколько небольших фрагментов³. Один из наиболее сохранившихся (ГИМ, инв. № 304) дает представление о небольшой

² R. Stevenson. The pottery. В издании: The great Palace of the Byzantine Emperors. London, 1947 (далее: R. Stevenson). Ch. Morgan. The byzantine pottery (=Corinth, XI). Cambridge—Massachusetts, 1942 (далее: Ch. Morgan). D. T. Rice. Byzantine glazed pottery. Oxford, 1930 (далее: D. Rice).

³ Гос. Херсонесский музей (далее: ГХМ) 2683/9—12; ГИМ, инв. № 304, 32091, Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 132, рис. 84, сверху слева.

чашке с плоским дном и крутыми стенками рис. (1, 1). Глина тщательно отмучена и промешана, с примесью песка белого и розового цвета. По наружной поверхности стенок сосудов идут в горизонтальном направлении ленты, составленные из продолговатых, лепестковидных комков глины, нижний конец которых вдавлен в стенку сосуда, верхний конец свободен. Ленты лепестков покрыты поочередно поливой желтого и коричневого цвета⁴.

Ближайшие аналогии сосудам этой техники мы находим в Византии — в Константинополе, Эфесе, Коринфе⁵, где они датируются IX—X вв. Имеются, однако, две предпосылки для еще большего уточнения датировки.

Как показал Райс, сосуды этой техники являются одним из немногих видов поливных изделий, который можно связать непосредственно с керамикой такой же лепестковидной техники римской эпохи. В Италии VIII—IX вв. бытовала посуда описанной техники, причем некоторые экземпляры ее, что весьма характерно, имели лишь капли поливы, подобно тому, как это наблюдается на наиболее ранних поливных сосудах в Константинополе⁶. Следует поэтому полагать, что керамика с лепестковидными украшениями представляет собой один из начальных этапов производства поливной посуды как в Византии, так и в Италии, возникшего под непосредственным воздействием еще римских форм. Манера рельефного украшения внешних стенок сосудов абсолютно чужда художественным приемам более поздних византийских поливных изделий, для которых совершенно не характерно рельефное украшение стенок сосудов. Интересно, что последнее встречается лишь в Коринфе, где было весьма сильное западное, италийское влияние⁷.

Вторая предпосылка для уточнения датировки основывается на наличии фрагментов сосудов описываемой группы, изготовленных из розовой глины. Раскопки в Константинополе и Коринфе рассеяли долго существовавшее заблуждение, будто бы самые ранние византийские поливные изделия выполнены из белой глины⁸. Наоборот, оказалось, что самая ранняя поливная посуда выполнена из бледно-красной и розовой глины⁹, лишь постепенно, с течением времени заменявшейся белой глиной. В Константинополе белоглиняная посуда вытеснила свою пред-

⁴ О технике производства поливных сосудов см.: A. L. Hetherington. Chinese ceramic glazes. Los Angeles, 1948, стр. 1—23. А. Л. Якобсон. Поздне-средневековый Херсонес. МИА, 17. М.—Л., 1950, стр. 114—116. Там же этнографические параллели.

⁵ D. Rice. Табл. X, а, в, с, стр. 20—21. Ch. Morgan. Стр. 52, рис. 35.

⁶ H. Wallis. The art of the precursors. 1901, стр. 5—6, рис. 14—16, 18, 21; W. Bode. Die Anfänge der Maiolikakunst in Toskana. Berlin, 1911, стр. 5. R. Stevenson, стр. 58.

⁷ Ch. Morgan, табл. I—II.

⁸ Например, D. Rice, стр. 6.

⁹ R. Stevenson, стр. 34—35; Ch. Morgan, стр. 36.

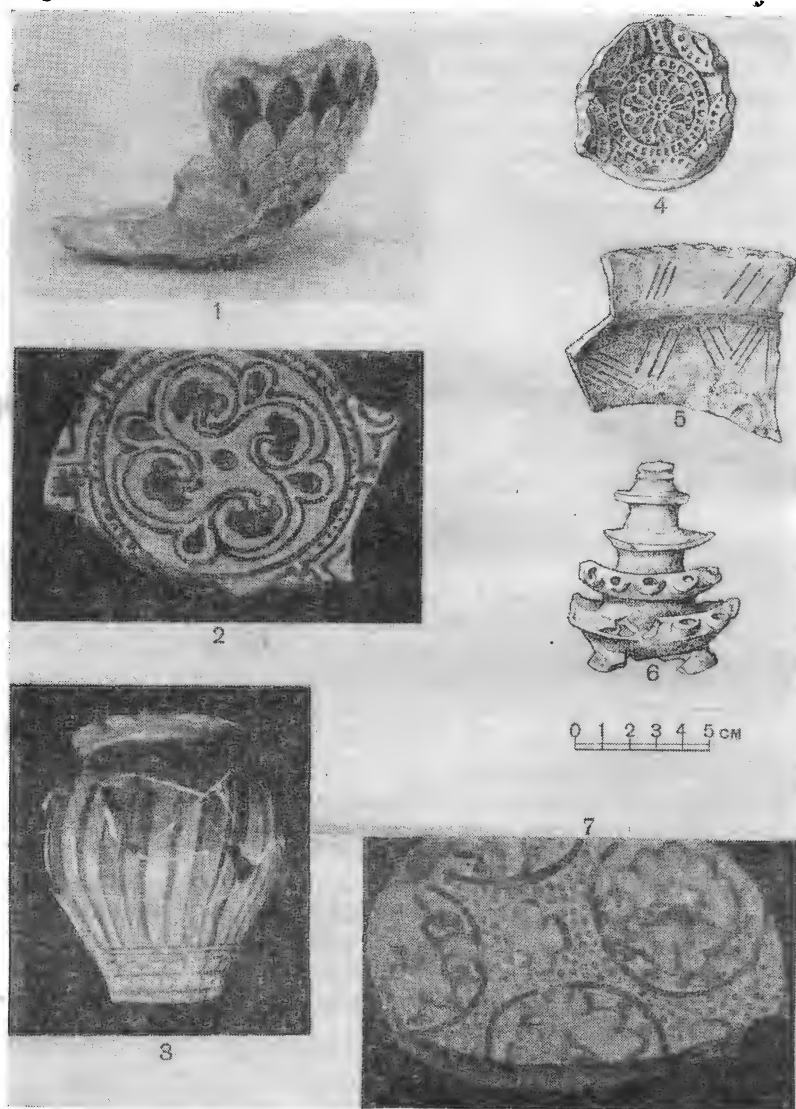

Рис. 1. Византийская керамика из Херсонеса

1 — фрагмент сосуда лепестковидной техники, 2, 7 — фрагменты расписных полихромных сосудов, 3 — кувшин с зелено-коричневой росписью, 4 — фрагмент блюда с рельефным украшением, 5 — фрагмент блюда с украшением, исполненным врезной линией, 6 — люстрон

шественницу к концу IX в.¹⁰, и только через полтора столетия, со второй половины XI в., красноглиняная керамика опять заняла господствующее место среди поливной посуды.

Принимая во внимание, что сосуды лепестковидной техники в середине X в. были вытеснены керамикой с иного рода украшениями, и прежде всего штампованными и с подглазурными мазками¹¹, керамика первой группы, очевидно, завозилась в Херсон во второй половине IX — первой половине X вв.

Г р у п п а II

СОСУДЫ С ВРЕЗНЫМ ОРНАМЕНТОМ

Представлены незначительным количеством небольших по размеру черепков белой и розовой глины. Фрагменты являются исключительно частями тарелок и блюд на низком и широком кольцевом поддоне.

Узор весьма небрежно выполнен при помощи процарапывания острым инструментом поверхности сосуда и представляет собой завитки, штрихи, сочетания криволинейных отрезков либо волнистых линий.

Сосуды покрывались поливой желтого цвета различных оттенков либо желто-зеленой поливой с преобладанием желтого цвета.

Сосуды, аналогичные керамике этой группы (по технике исполнения украшений, форме сосудов, цвету поливы), мы находим в византийских городах¹².

Эту группу можно подразделить на две хронологические серии. Первая характеризуется более простой формой бортика с утолщающимся краем и одним полуваликом, с украшением врезной линией в виде штрихов или криволинейных отрезков¹³ (рис. 1, 5; рис. 2, 2, 3). При раскопках Большого дворца в Константинополе подобная керамика находилась в слое, датируемом монетами середины IX в.¹⁴.

Вторая серия характеризуется бортиком в виде двух полуваликов на выпуклой плоскости и большей частью окрашена поливой желто-зеленого цвета. Фрагментам этой серии присущи врезные украшения в виде волнистых или зигзагообразных линий, помещенные обычно между двумя полуваликами. У некоторых бортиков верхняя кромка имеет волнообразный профиль¹⁵ (рис. 2, 1; рис. 4, 7).

Фрагменты блюд и тарелок этой серии имеют многочисленные аналогии опять-таки в Византии и особенно в материалах из раскопок

¹⁰ R. Stevenson, стр. 58—59.

¹¹ Там же, стр. 59; Ch. Morgan, стр. 51—52.

¹² R. Stevenson, табл. 21, 8, 14, 15; табл. 26, 14, 15; табл. 22, 10, 11; Ch. Morgan, стр. 53.

¹³ ГХМ, 22/32 2214/36, 2683/36.

¹⁴ G. Martiny. The buildings. В изд.: The Great Palace of the Byzantine Emperors. London; 1947, стр. 3—31.

¹⁵ ГХМ, 23/32, 39/32, 395/32, 914/32, 916/36. Помещения VII, VIII, X и XI, II слой раскопок 1941—1948 гг.

Большого дворца¹⁶, где они найдены в слое, датированном монетами второй половины IX в.

Принцип украшения поливных изделий орнаментом или изображениями, выполненными врезной линией до покрытия поливой, известен не только в Византии, но и, не говоря уже о китайской поливной керамике эпохи Тан (VII—X вв.)¹⁷, на Ближнем Востоке, в частности в Персии, начиная с IX в.¹⁸ Однако сосуды рассматриваемой группы, кроме техники нанесения узора, весьма отличаются от восточных своей формой и характером узоров.

Обе серии сосудов второй группы являются византийскими изделиями второй половины IX в., представляющими дальнейшее развитие самых ранних византийских образцов поливной керамики, появившейся, как это выявлено нумизматическим материалом из раскопок Большого дворца, еще во второй половине VIII в.¹⁹

Группа III СОСУДЫ С РЕЛЬЕФНЫМИ ШТАМПОВАННЫМИ УКРАШЕНИЯМИ

В отличие от первых двух групп керамика третьей группы представлена несравненно большим количеством фрагментов белой и розовой глины, являющихся частями тарелок и блюд, опирающихся на широкий кольцеобразный поддон. Рисунок выполнен на внутренней поверхности дна при помощи глиняного или деревянного штампа²⁰, дающего рельефный отпечаток. Затем сосуды покрывались поливой: чаще всего желтой или в смеси желтого и зеленого цвета, значительно реже — одной зеленой.

Рисунки бывают орнаментального и изобразительного характера. Среди орнаментальных наиболее распространены кресты и крестообразные узоры (рис. 4, 6, 8, 12), а также розетки в различных вариациях²¹ (рис. 4, 7, 15). На фрагментах с изображениями представлены птицы и животные²² (рис. 3, 1—6). Встречаются, хотя и редко, изображения человека: всадник на лошади (рис. 4, 11), сидящая фигурка²³. Многие

¹⁶ D. Rice, табл. X, d, e; R. Stevenson, табл. 15, 26; 16, 8; 21, 18; Ch. Morgan, табл. V, 8; IX.

¹⁷ F. Sarre und E. Herzfeld. *Archäologische Reise in Euphrat—und Tigris—Gebiete* (далее: RET), Bd. VI, стр. 19 и сл.; F. Sarre. *Keramik von Samarra*. Berlin, 1925 (далее: KS), стр. 66 и сл.; A. Survey of Persian Art. A. U. Pope. Vol. I—VI, London, N.-Y., 1938—1939 (далее: SPA), Vol. V, табл. 583—589.

¹⁸ Замечание Зарре, будто бы подобная техника среди керамики Самарры не встречается (RET, VI, стр. 19), является ошибочным и исправлено им же в KS, стр. 71, прим. 1.

¹⁹ R. Stevenson, стр. 94 и сл.

²⁰ D. Rice, стр. 25.

²¹ ГХМ, 2417/37; 834/31; 194/11; 3456/10.

²² ГХМ, 1763/09; 1851/09; 5159, 7332.

²³ ГХМ, 2683, 3093/40. Опубликовано А. Л. Якобсоном. См. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1940 г. МИА, 34, М.—Л., 1953, стр. 124, рис. 17а.

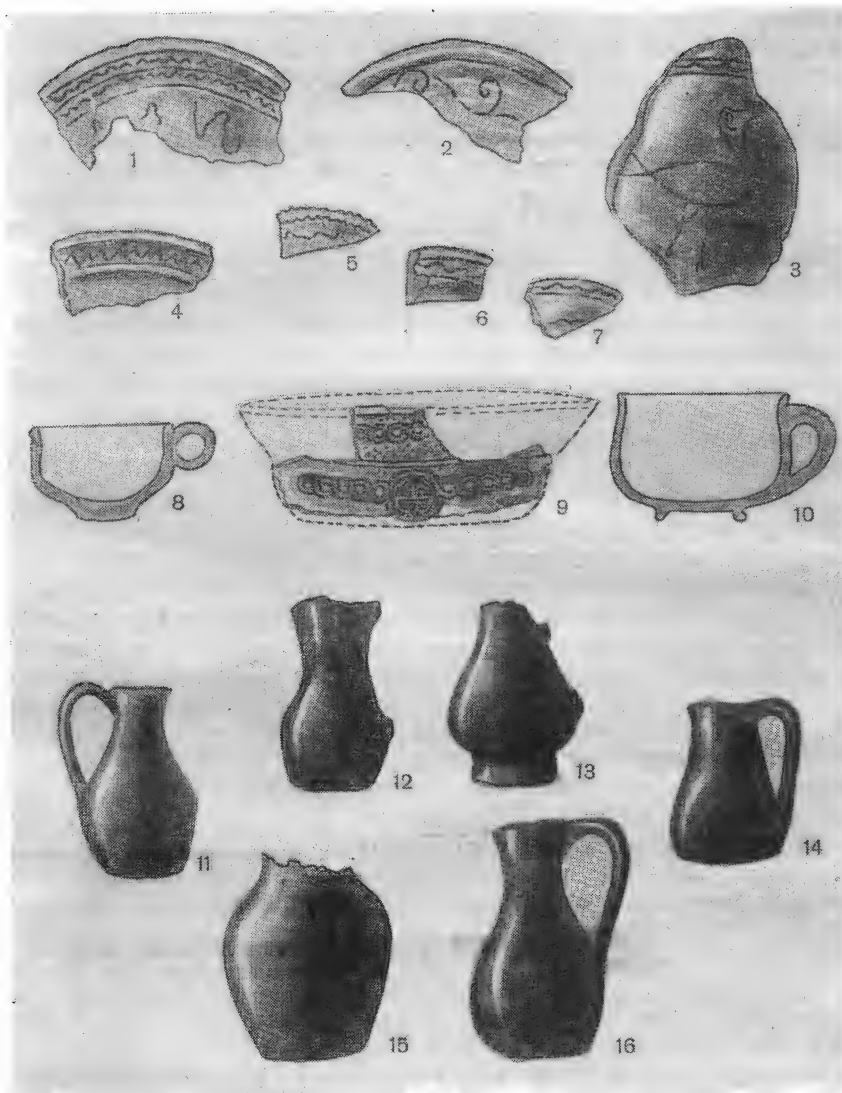

Рис. 2. Византийская керамика из Херсонеса

1—7 — фрагменты блюд с украшениями, исполненными врезной линией,
 8 — чашка с полихромной росписью, 9—10 — фрагменты чашек с полихромной
 росписью, 11, 15 — кувшины с подглазурными коричневыми мазками, 12—14, 16 —
 поливные неорнаментированные кувшины

изображения выполнены весьма условно и схематично, в столь низком рельефе, что вообще с трудом поддаются расшифровке. Лучше и тщательнее сделаны орнаментальные узоры; среди изображений всего искусней выполнены птицы (рис. 4, 5; рис. 3, 6).

Поливные изделия подобной штампованной техники имеются как в Византии, так и на Ближнем Востоке (Сирия, Персия). Однако наиболее близки херсонесским изделия из Византии²⁴, абсолютно идентичные нашим по форме, цвету поливы, расположению на сосудах штампованных медальонов. Совпадает точнейшим образом не только весь репертуар сюжетов, но и трактовка изображений как в целом, так и в деталях²⁵.

Иное положение при сравнении с Востоком. Сирийская и персидская керамика этой техники, кроме приема украшения сосудов штампованными изображениями и орнаментом, имеет весьма мало общего с херсонесской. Скорее наоборот, следует отметить резкие различия в расположении украшений на сосудах, в тематике и композиции орнаментов и изображений²⁶, в частности в отсутствии медальонов на восточной керамике²⁷.

Из Херсонеса нам известны лишь два фрагмента с рельефным изображением (барсов) восточного характера²⁸, которые можно считать импортом из Персии или из областей, культурно с нею связанных.

Поливную керамику III группы можно разделить на три хронологические серии, основываясь главным образом на преобладающем количестве фрагментов, аналогичных нашим, в том или ином датированном слое раскопок Большого дворца.

²⁴ Материал довольно полно издан, много цветных иллюстраций. См. O. Wulff *Altchristliche und Mittelalterliche Bildwerke*. Bd. III, Berlin, 1911, табл. XVIII, XIX, XX; J. Ebersolt. *Catalogue des poteries byzantines et anatoliennes du Musée de Constantinople*. Constantinople, 1910 (далее: Ebersolt, *Catalogue*), рис. 33; H. Wallis. *Byzantine Ceramic Art*. London, 1907 (далее: Wallis, *BCA*), табл. I—V; M. Pézard. *La céramique archaïque de l'Islame et ses origines*. Paris, 1290, табл. CXLIV; D. Rice. табл. XI.

²⁵ ГХМ, 1763/09, 7332, 7528. Ср. R. Stevenson, табл. XVII, 10; Wallis, *BCA*, табл. I, 2; III, 5; R. Drawkinsa. J. Droop. *Byzantine pottery from Sparta. The Annual of the British School of Athens*, XVII, 1910—1911 (далее: BSA), табл. XVII, 48. ГХМ, 7528, 25717; ГИМ, инв. № 33484; Ср. Ch. Morgan, табл. 33, С. Н.; R. Stevenson, табл. 22, 16; Wallis, *BCA*, табл. I, 2.

²⁶ KS, табл. IX, 7, 8, 11, 14; табл. VII, 11; M. Pézard, табл. X, 3 (из Суз); табл. XI, 3; SPA, V, табл. 590—594, 598 А, 599.

²⁷ Среди поливной керамики Самарры сосуды со штампованными медальонами, но расположенными на внешней поверхности стенок есть. Они найдены не в самом городе, а в его окрестностях (Ганаур — Ghanâûr), их красноглиняное тесто резко отличается от беловато-серого и беловато-розового теста самаррских изделий IX—X вв., и эти сосуды датируются издателем (KS, стр. 4, 102) XII—XIV вв. Зарре отмечает, что эти медальоны, особенно с изображениями зверей, несут явные следы византийского воздействия. К датировке Зарре присоединился и Райс (D. Rice, стр. 95).

²⁸ Один из фрагментов издан ОАК, 1896, рис. 578.

К первой серии принадлежат блюда и тарелки со штампованными изображениями креста и розетками; датируются серединой IX в.²⁹

Вторую серию составляют сосуды с рисунками усложненных крестовидных форм, животных и птиц; относятся ко второй половине IX в. Эта же датировка подкрепляется материалами из Коринфа³⁰.

На блюдах и тарелках III серии широко представлены рельефные штампованные изображения животных и птиц, но что главным образом отличает ее от двух предыдущих, — это появление украшений в виде нескольких медальонов, окружающих центральный, и рисунки человеческих фигур (рис. 1, 4; рис. 4, 11). Относятся к X — первой четверти XI в.³¹

Среди всех экземпляров поливной и рельефной керамики, найденной в Херсоне, фрагментов третьей серии наибольшее количество.

Таким образом, импорт сосудов этой группы в середине и второй половине IX в. крайне незначительный, в X в. сильно расширяется. Центры производства керамики этой группы были расположены скорее всего в районах Босфорского пролива (область Никеи и Никомидии) или в самом Константинополе, где была найдена глина, тождественная глине сосудов этой группы³².

Группа IV СОСУДЫ С ЗЕЛЕНО-КОРИЧНЕВОЙ РОСПИСЬЮ

Эта группа представлена керамикой с росписью в виде зеленых и коричневых полос и штрихов (рис. 1, 3; рис. 4, 10, 16). Имеющиеся фрагменты являются частями блюд и тарелок, встречаются, однако, и обломки кувшинов.

Сосуды этой группы рассмотрены А. Л. Якобсоном (как группа I второго типа) в исследовании, посвященном позднесредневековой поливной керамике Херсона³³, где он их датирует второй половиной XI—XII вв. Однако материал из раскопок Коринфа, где, как и в Херсоне, белоглиняная керамика была сплошь привозной, позволяет отодвинуть нижнюю границу этой датировки к последней четверти X в. Белоглиняные фрагменты с чередующимися полосами коричневой и зеленой поливы были найдены там в слое, датируемом монетами Иоанна Цимисхия, а уже в конце X в. стала производиться местная коринфская красноглиняная поливная посуда с такого же рода росписью³⁴.

²⁹ ГХМ, 642/31, 643/31, 1914/11. R. Stevenson, стр. 37—38, табл. 16, 20А; табл. 17, 1, 2, 3, 4.

³⁰ ГХМ, 645/31; ГИМ, инв. № 33484, 33485; R. Stevenson, стр. 40—41, табл. 17, 5, 6, 7; Ch. Morgan, табл. IV, в, рис. 33, G; D. Rice, табл. XI, d; Wallis, BCA; табл. IV, 7.

³¹ ГХМ, 3093/40, 2683/37, 2417/37, 27/37; R. Stevenson, стр. 59, табл. 22, 14, 9; Ch. Morgan, стр. 46—49; D. Rice, табл. XI, а, е; Wallis, BCA, табл. I.

³² D. Rice, стр. 28.

³³ МИА, 17, стр. 218—219, табл. XXXV.

³⁴ Ch. Morgan, стр. 71 и сл.; табл. XVIII, а—е.

В Константинополе такая же роспись встречается на посуде, происходящей из слоя начала XI в.³⁵, но стратиграфическая ситуация, в которой были найдены некоторые из рассмотренных фрагментов в самом Херсонесе, позволяет их отнести ко времени не позднее конца X в.³⁶.

Группа V НЕОРНАМЕНТИРОВАННАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Как показывает название, в эту группу входят сосуды, лишенные каких-либо украшений, кроме покрытия поливой. Таких фрагментов в Херсонесе было найдено наибольшее количество по сравнению с классифицированными выше, но в силу отсутствия орнамента они труднее всего поддаются атрибуции как хронологической, так и локальной. Все же некоторые наблюдения могут быть сделаны.

Белое или розовое тесто, иногда с сильной примесью песка, качество и цвет поливы с преобладанием желтого, форма сосудов теснейшим образом связывают их с белоглиняной керамикой предыдущих трех групп, что и определяет суммарную датировку керамики этой группы: вторая половина IX — начало XI в. Вполне понятно, что в центрах, производивших поливную керамику, снабженную теми или иными украшениями, еще в больших количествах изготавливали простую, неорнаментированную поливную посуду. Такое соображение обосновывается соотношением этих двух видов керамики не только в Херсонесе или Коринфе, где она была привозной, но и непосредственно в центрах производства поливной керамики, как например в Константинополе, Самарре³⁷.

Среди неорнаментированной поливной керамики относительно большое количество сосудов служило не только столовой посудой, но использовалось для других хозяйственных надобностей. В этой группе сравнительно много кувшинов (рис. 2, 12, 14, 16), употреблявшихся для содержания в них жидкостей, и особенно интересных сосудов — так называемых нагревательных блюд (рис. 4, 13). Последние представляют собой глубокие тарелки с двумя ручками, на высокой полый перфорированной стойке, в которую закладывались угли, согревавшие или не дававшие остывать содержимому тарелки³⁸.

Нагревательные блюда, совершенно тождественные нашим, в числе других сосудов этой группы были найдены в Константинополе и Коринфе³⁹.

³⁵ R. Stevenson, табл. 25, а.

³⁶ Помещение XXI а, II слой раскопок 1931 г.; помещение XII раскопок 1932 г., II слой.

³⁷ Ch. Morgan, стр. 54 и сл.; D. Rice, стр. 21—23; R. Stevenson, стр. 42; KS, стр. 101—103.

³⁸ Раскопки 1931 г., II слой, цистерна Б; см. Г. Д. Белов. Отчет 1931 г. МИА, 4, стр. 209, рис. 9.

³⁹ Ch. Morgan, рис. 24, а, 25; табл. XIX; R. Stevenson, табл. 21, 17; 22, 10, 7, 14; 24, 7, 17.

Рис. 3. Византийская керамика из Херсонеса
1-6 — фрагменты блюд с рельефными украшениями

Особо следует отметить люстры (светильники), составленные из нескольких плоских чаш, расположенных одна над другой на общем стержне ⁴⁰ (рис. 1, 6). Такого же рода люстры бытовали несколько позднее в Киевской Руси.

Группа VI СОСУДЫ С КОРИЧНЕВЫМИ МАЗКАМИ

Эта группа представлена поливной керамикой, украшенной коричневыми, красно-коричневыми и красно-бурыми слегка рельефными полосами и пятнами. Рельефность достигалась подглазурным нанесением полос ангоба. Полосы и пятна разбросаны по поверхности без какого-либо видимого порядка ⁴¹ (рис. 4, 9).

Декоративный прием, присущий этой группе керамики, самостоятельно употреблялся очень редко. Чаще всего он встречается в сочетании с узором, выполненным врезной или штампованной техникой (II и III группы); формы сосудов также сходны с формами II и III групп. Отличием VI группы от указанных является лишь наличие кувшинов грушевидной формы либо с сильно выпуклыми боками и узкогорлых (рис. 2, 11, 15). Сосуды с такого же рода приемами украшения и аналогичных форм широко представлены в публикациях о раскопках византийских городов, где они датируются, так же как и в Херсонесе, второй половиной IX — первой четвертью (или несколько позже) XI в. ⁴²

Более точно датировать можно лишь некоторые формы изделий. Так, нагревательные блюда, аналогичные нашим, найденные в Коринфе, имели крышки с украшением, выполненным лепестковидной техникой ⁴³. Поэтому можно думать, что нагревательные блюда бытовали в первой половине X в. Эта датировка подтверждается находками таких же блюд в Константинополе при раскопках Большого дворца, в слое с монетами второй половины IX — начала X в. ⁴⁴

Возможно также выдвинуть предположение о том, что керамика с подглазурными коричневыми мазками появилась не ранее X в., основываясь на тождественности форм блюд VI группы блюдам второй серии II группы, а также на том, что именно эта техника, наряду со штампованной, вытеснила в X в., как показывает монетный материал из Коринфа и Константинополя, старую, лепестковидную.

⁴⁰ ГХМ, 549, 3784/10, 197/10.

⁴¹ ГХМ, 1796/09, 1285/13; помещение 8а, раскопки 1937 г., II слой. Помещение 2Г раскопок того же года. II слой. Помещения 8, 10, 11, 16, II слой раскопок 1941—1948 гг. Одно блюдо издано — см. А. Л. Якобсон. Отчет 1941—1948 гг. МИА, 34, стр. 223, рис. 75, г.

⁴² D. Rice, табл. X, в; Ch. Morgan, табл. IX; R. Stevenson, табл. 22, 7, 9, 10, 14.

⁴³ Ch. Morgan, стр. 40.

⁴⁴ R. Stevenson, стр. 38—41.

Рис. 4. Византийская керамика из Херсонеса

1—4 — фрагменты блюд с полихромной росписью, 5—8, 11, 12, 15 — то же с рельефными украшениями, 9 — фрагмент блюда с подглазурными коричневыми мазками, 10 — профиль блюда с зелено-коричневой росписью, 13 — нагревательное блюдо, 14, 18 — чашки с полихромной росписью, 16 — блюдо с зелено-коричневой росписью, 17 — фрагмент расписного блюда с изображением лица

Формы сосудов рассматриваемой группы такие же, как и в предыдущих группах, и наличие точных параллелей им в Византии не оставляет сомнения в том, что эти сосуды импортировались из Византии и, вероятнее всего, из ее столицы.

Группа VII ПОЛИХРОМНАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА

Сосудов этого типа было найдено в Херсоне очень мало. Они представлены фрагментами блюд, тарелок и чашек исключительно белой глины.

Рисунок, нанесенный непосредственно на поверхность сосуда при помощи кисти коричневой или черной краской, представляет собой главным образом геометрические и в большей или меньшей степени стилизованные растительные узоры (рис. 1, 2, 7; рис. 2, 9; рис. 4, 1—4). Изобразительные мотивы единичны. Имеется фрагмент с изображением лица в фас (рис. 4, 17), а также с плохо сохранившимся рисунком птицы.

Поскольку фон рисунков оставляли незакрашенным, его зачастую оживляли точками, кружками и овалами, исполненными густой и плотной красной краской, так что они в слабом рельефе возвышались на поверхности⁴⁵ (рис. 1, 7; рис. 2, 9; рис. 4, 17).

Абсолютная тождественность херсонесской керамики этой группы (по форме, технике, общему стилю и тематике рисунков, манере оживления фона красными точками) керамике, найденной в Константинополе и иных малоазийских центрах, не оставляет сомнения в ее импорте из Византии⁴⁶.

Следует отметить, что поливные сосуды с полихромной росписью имеются в Сирии, Месопотамии и Персии. Но, кроме формального сходства в самой технике, у них мало общего с херсонесскими. Не говоря уже о различиях в форме сосудов, не совпадает ни стиль рисунков, ни набор господствующих сюжетов, ни палитра, на Востоке более многообразная⁴⁷.

Все сосуды VII группы в стилистическом отношении образуют единое целое, составляют одну хронологическую серию. Датировка ее определяется следующими фактами.

Описанные фрагменты вовсе не представляют начального этапа возникновения и развития полихромной керамики. Изделия первого, самого раннего вида совпадают с изучаемыми по форме, технике, стилю украшений и содержанию орнаментальных мотивов, но резко отлича-

⁴⁵ ГХМ, 1046/31, 108/11, 25/32, 31/32, 34/32, 35/32. II слой помещения 7а, раскопок 1937 г.; II слой помещений 21, 7 раскопок 1941—1948 гг.

⁴⁶ R. Stevenson, табл. 16, 17, 22, 24; Ch. Morgan, табл. XIII—XV, рис. 47, 48, 177; D. Rice, табл. VI; BSA, табл. XVIII, 61, 62.

⁴⁷ SPA, V, табл. 564.

ются более многообразной палитрой, включающей оранжевый, желтый, зеленый, коричневый, ярко-красный цвета.

Эта ранняя полихромная керамика имеется в Константинополе, но особенно хорошо датируется по материалам раскопок в Преславе (Болгария), уточненным письменными свидетельствами концом IX — 60 гг. X в.⁴⁸ Важно отметить, что в Коринфе, где расписная керамика была импортной, ее наиболее ранний вид так же, как и в Херсоне, не представлен, а посуда, аналогичная рассматриваемой херсонесской, находилась в слое, датируемом не ранее времени Константина VII Багрянородного, т. е. не ранее конца первой половины X в.⁴⁹ Аналогичный нашему материал из раскопок Большого дворца датируется монетами Иоанна Цимисхия, т. е. третьей четвертью X в.⁵⁰ Очевидно, изготовление полихромной расписной керамики второго вида началось в середине X в. С этого времени и начался импорт такой керамики в Херсон, продолжавшийся и в течение первой половины XI в.

Полихромная посуда, найденная в местностях, значительно отдаленных друг от друга, обладает тождественными признаками, что говорит о немногих или даже об одном центре производства. В литературе было высказано мнение, что полихромная керамика изготавливалась в районе Никомидии и Никеи⁵¹.

Подведем итоги. Бытовавшая в конце раннего средневековья в Херсоне поливная и расписная керамика экспортировалась из Византии. Все основные типы техники, употреблявшиеся для украшения константинопольской художественной керамики, представлены на херсонесских сосудах, но далеко не в одинаковых количествах, что находит себе объяснение в причинах хронологического порядка.

Импорт поливной посуды в Херсон, в середине и второй половине IX в. крайне незначительный, резко усиливается в X в., особенно во второй половине.

Хронологические границы импорта различных групп поливной керамики, равно как и локализация экспортирующего района, в известной степени уточняются и при рассмотрении цвета глины сосудов путем сопоставления с глиной сосудов из соответствующих датированных слоев раскопок Большого дворца в Константинополе⁵².

Во второй половине VIII — первой половине IX в. в Константинополе преобладает керамика из красной глины. В Херсоне ее нет. Импорт отсутствовал. Во второй половине IX — первой половине X в. в Константинополе господствует белоглиняная посуда, но имеется в незначитель-

⁴⁸ D. Rice, табл. III, 1, 5; IV, V; A. Grabar. *Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique*. Paris, 1928, стр. 9 и сл.

⁴⁹ Ch. Morgan, стр. 65—67.

⁵⁰ R. Stevenson, стр. 42—44.

⁵¹ D. Rice, стр. 29; A. Butler. *Islamic pottery*. London, 1926, стр. 165, 166.

⁵² R. Stevenson, стр. 58—59.

ных количествах и светло-красная. Среди поливных изделий, найденных в Херсоне и относящихся к этому времени (группы I, II, III), преобладают белоглиняные фрагменты, но в незначительном количестве имеются и светло-красные. И, наконец, среди расписной керамики, датируемой второй половиной X — началом XI в., как и в Константинополе, красноглиняных фрагментов нет.

Опираясь на анализ археологического материала вывод о том, что поливная керамика экспортировалась в Херсон в основном из Константинополя и прилегающих к проливу областей Мраморного моря и Южного Причерноморья, согласуется с данными письменных источников об экономических связях Херсона в середине X в. Портами, наиболее посещавшимися херсонскими кораблями, были, кроме Константинополя, порты фем Армениак, Пафлагонии, Буккелариев и Оптиматов⁵³, т. е. тех областей, которые являлись, как это показано, наиболее вероятными центрами производства поливной посуды, найденной в средневековом Херсонесе.

С другой стороны, единичные фрагменты поливных изделий, принадлежавших к персидскому или сиро-месопотамскому кругу, явно свидетельствуют о незначительности, случайности экономических связей Херсона в IX—X вв. с районами, где производилась керамика ближневосточного и персидского облика.

Господствующее направление экономических связей, которое отчасти может быть прослежено на основании анализа поливной керамики, полностью соответствует той политической ситуации, какая сложилась в бассейне Черного моря в X в.

⁵³ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Ed. G. Morávcsik. Budapest, 1949. cap. 53, стр. 286.

Н. Г. НЕДОШИВИНА

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ РАДИМИЧЕЙ И ВЯТИЧЕЙ

Вопрос о связях двух древнерусских племен — вятичей и радимичей — поставлен здесь не случайно. Еще летопись объединяет эти племена, говоря о едином их происхождении. Связь радимичей и вятичей особенно отчетливо проявляется при изучении их украшений, в частности височных колец и гривен¹.

На родство радимичских и вятичских височных колец указывали еще А. А. Спицын и В. И. Сизов². Так, В. И. Сизов ставил вопрос об их происхождении и эволюции. Он рассматривал также некоторые формы височных колец, которые отклоняются от классических типов радимичских и вятичских височных подвесок. Ряд форм семилучевых и семилопастных колец разобран Б. А. Рыбаковым³.

В данной работе делается попытка несколько по-новому рассмотреть уже ранее известные формы лучевых колец, а также и те, на которые не обращалось до сих пор должного внимания, но которые чрезвычайно важны для понимания вопроса о связях радимичей и вятичей.

Для нас наиболее интересными являются формы височных колец, непохожие на классические типы семилучевых и семилопастных. Некоторые из них относятся к более раннему времени (IX в.), чем радимичские и вятичские височные кольца, другие же совпадают с временем

¹ Близость радимичей и вятичей отмечалась и ранее: А. В. Арциховский, *Курганы вятичей*. М., 1930, стр. 56 и 69; Б. А. Рыбакоу, *Радзімічы. Працы сэкцыі археолёгіі*, т. III, Минск, 1932, стр. 91, 89.

² А. А. Спицын, *Расселение древнерусских племен по археологическим данным*. Журн. Министерства народного просвещения, 1899, август; В. И. Сизов, *О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно т. н. московского типа*. Археологич. изв. и заметки. М., 1895, № 6.

³ Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*. М., 1948, стр. 103—110.

бытования семилучевых радимичских колец, отличаясь от последних либо по форме, либо по орнаменту.

Следует отметить также тот факт, что все эти типы височных колец не синхронны вятическим семилопастным кольцам и отличаются от них по форме, однако необычайно сходны по орнаменту, что позволяет говорить о преемственной связи между ними.

Наиболее ранней является группа лучевых височных колец, в которую прежде всего входят подвески Зарайского клада⁴, датируемого Б. А. Рыбаковым IX в. Они встречаются на всей территории Руси, независимо от племенных границ⁵.

В Зарайском кладе представлено два типа височных колец: 1) пятилучевые с тремя шариками на конце каждого луча, с выпуклой дугой и ложной зернью на щитке (рис. 1, 1) и 2) семилучевые, с одним шариком на конце каждого луча и с выпуклой дугой на щитке. Интересна одна деталь: концы дужки около щитка расширяются и на них видны углубления⁶ (рис. 1, 2).

В эту же раннюю группу входят семилучевые височные кольца Полтавского клада, датируемого также IX в.⁷ Типологически височные кольца Полтавского клада близки семилучевым кольцам Зарайского клада. Их объединяют выпуклая дуга на щитке, орнаментация его, а также расширения у концов дужки⁸.

К этой же группе можно отнести височные кольца, найденные недавно на Новотроицком городище⁹. Одно из них — семилучевое — необычайно напоминает семилучевые Зарайского клада (рис. 1, 5). Другое — пятилучевое — несколько иной формы (рис. 1, 4), но выпуклая дуга и ложная зернь на щитке позволяют объединить его с височными кольцами этой ранней группы. Единая дата новотроицких и зарайских височных колец лишь подтверждает правильность типологического их объединения в одну группу. Наконец к этой же группе следует еще от-

⁴ ГИМ, инв. № 54746.

⁵ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., 1948, стр. 109—110.

⁶ Эти расширения в более поздних вятических семилопастных височных кольцах развиваются в колечки по краям щитка.

⁷ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., 1948, стр. 109—110; Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., Изд. АН СССР, 1954.

⁸ Судя по описанию Н. Макаренко в статье «Находка 1905 г. в Полтаве» (Тр. Полтавской уч. арх. комисс., вып. V. Полтава, 1908), щитки у полтавских колец украшены орнаментом из восьми зубцов. Здесь важен именно весь комплекс указанных признаков, а не одна только выпуклая дуга, которую отмечает Б. А. Рыбаков, потому что, как будет показано ниже, семилучевые с выпуклой дугой также принадлежат радимичам, как и гладкие семилучевые.

⁹ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, М.—Л., 1958, стр. 97, рис. 63 и стр. 29, рис. 13.

¹⁰ И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, № 4, М., 1958, стр. 44.

нести семилучевое кольцо VIII—IX вв. с городища Хотомель (Брестская обл., Давид-Городокский р-н)¹⁰ (рис. 1, 3).

Таким образом, все описанные выше височные кольца, объединяемые едиными признаками и общей датой, составляют одну группу. Они встречаются на всей территории Руси от Киева до Зарайска и являются, как будет показано ниже, прототипом радимичских и вятичских височных колец.

Среди семилучевых височных колец радимичей выделяется один тип (рис. 1, б). По форме эти украшения идентичны обычным радимичским, но отличаются от последних выпуклой дугой на щитке. Эта деталь позволяет считать данный тип результатом дальнейшего развития формы височных колец IX в., к числу которых относится и хотомельский экземпляр.

Семилучевые височные кольца с выпуклой дугой уже являются характерными для племени радимичей. Так, они обнаружены три раза и все три раза на территории племени радимичей в комплексе с другими, типичными для радимичей украшениями: в одном из курганов Сумской обл.¹¹, в курганном могильнике близ дер. Проскурня Гомельской обл.¹² и у с. Сукромля Ершичского р-на Смоленской обл.¹³.

Время бытования семилучевых колец с выпуклой дугой относится к X—XI вв.¹⁴ Они существовали у радимичей одновременно с классическими радимичскими кольцами, и только выпуклая дуга на щитке напоминает о том, что эти украшения, а вслед за ними и обычные семилучевые височные кольца радимичей, по-видимому, произошли от ранней группы колец IX в.

У радимичей был распространен еще один тип височных колец, который условно может быть назван «деснинским»¹⁵ (рис. 1, 7). Эти височные кольца, по-видимому, произошли от колец типа пятилучевых Зарайского клада. Три шарика на концах каждого луча, как у зарайских колец, но несколько расплывшиеся, позволяют говорить о преемственной связи между этими типами.

Приношу глубокую благодарность Ю. В. Кухаренко, разрешившему мне воспользоваться его неопубликованным материалом.

¹¹ Раскопки И. С. Абрамова. В кургане найдено одно целое кольцо и три обломка семилучевых колец с выпуклой дугой. Хранятся в Гос. Эрмитаже (836/34—39).

¹² Раскопки Е. Р. Романова. В погребении 2 кургана 1 найдено пять экземпляров височных колец данного типа. Хранятся в Гос. Эрмитаже (805/60—69).

¹³ С. М. Соколовский собрал у кладовискателей, разрывших у с. Сукромля курганную группу, 57 височных колец и лунниц; среди первых было много (точное количество неизвестно) семилучевых колец с выпуклой дугой. А. Ляўданскі. *Археалёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Працы сэкцыі археалёгіі*, т. III, Менск, 1932, стр. 16, табл. V, рис. 3 и 7 и стр. 19.

¹⁴ В Сумской обл. они найдены с призматическими бусами печеночного цвета. *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* Тр. ГИМ, вып. 33, М., 1959, стр. 203. Прилож. V, № 3. Кроме того, в д. Проскурня, в том же кургане 1, но в другом погребении найдены обычные семилучевые радимичей X—XI вв.

¹⁵ Кольца этого типа особенно часто встречаются в бассейне р. Десны. Б. А. Рыбаков. *Указ. соч.*, 1948, стр. 109.

Попытаемся доказать принадлежность деснинских височных колец племени радимичей. Лучшее всего это предположение подтверждается тем, что большая их часть найдена на земле радимичей и часто с материалом, характерным для этого племени.

Так, восемь височных колец деснинского типа обнаружены вместе с цилиндрическими позолоченными и посеребренными бусами (XI — начало XII вв.) С. М. Соколовским в кургане № 2 у с. Дербуж Ершичского р-на Смоленской обл.¹⁶. Одно кольцо данного типа найдено вместе с характерной для радимичей пластинчатой гривной в кургане № 7 у с. Кузьмичи Смоленской обл.¹⁷.

Из курганный группы у с. Сукромля Ершичского р-на Смоленской обл. наряду с другими радимичскими украшениями происходит много (точное количество неизвестно) височных колец деснинского типа¹⁸. Одно такое кольцо найдено при раскопках курганов у с. Попова гора Брянской обл. вместе с обычными семилучевыми височными кольцами радимичей¹⁹. Один экземпляр происходит из Могилевской обл.²⁰. Ряд колец деснинского типа встретился в разных пунктах — от г. Трубчевска до Вщижа на р. Десне²¹.

За пределами радимичской земли известны два случая находок украшений этого типа. Одно кольцо найдено в Саркеле²², три — у д. Сельцо Октябрьского р-на Калининской обл.²³, где они производят впечатление чужого, заносного материала, так как все остальные вещи в этих курганах кривичские.

Таким образом, почти все известные нам височные кольца деснинского типа находились на радимичской территории, что уже является доказательством принадлежности их радимичам.

Височные кольца деснинского типа являются, как считает Б. А. Рыбаков²⁴, одним из прототипов вятичских семилопастных, если не всех, то, во всяком случае, одной какой-то части. Это предположение подтверждается также находкой в кургане у с. Спас-Тушино Московской обл. детского пятилопастного колечка²⁵, у которого форма лопастей, а также их орнаментация необычайно напоминают деснинские височные

¹⁶ А. Ляўданскі. Указ. соч., стр. 11 и стр. 16, табл. V.

¹⁷ Там же, стр. 24.

¹⁸ Там же, стр. 19.

¹⁹ Черниговский историч. музей. Колл. оп. № 86.

²⁰ Гос. Эрмитаж, 805/151—181; это или Проскурня, или Новый Быхов, или урочище Каменка.

²¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., 1948, стр. 109.

²² М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа. МИА, 62, М.—Л., 1958, стр. 70, рис. 48.

²³ Раскопки К. А. Горбачева. ГИМ, инв. № 78607.

²⁴ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., 1948, стр. 108.

²⁵ ГИМ, инв. № 42436.

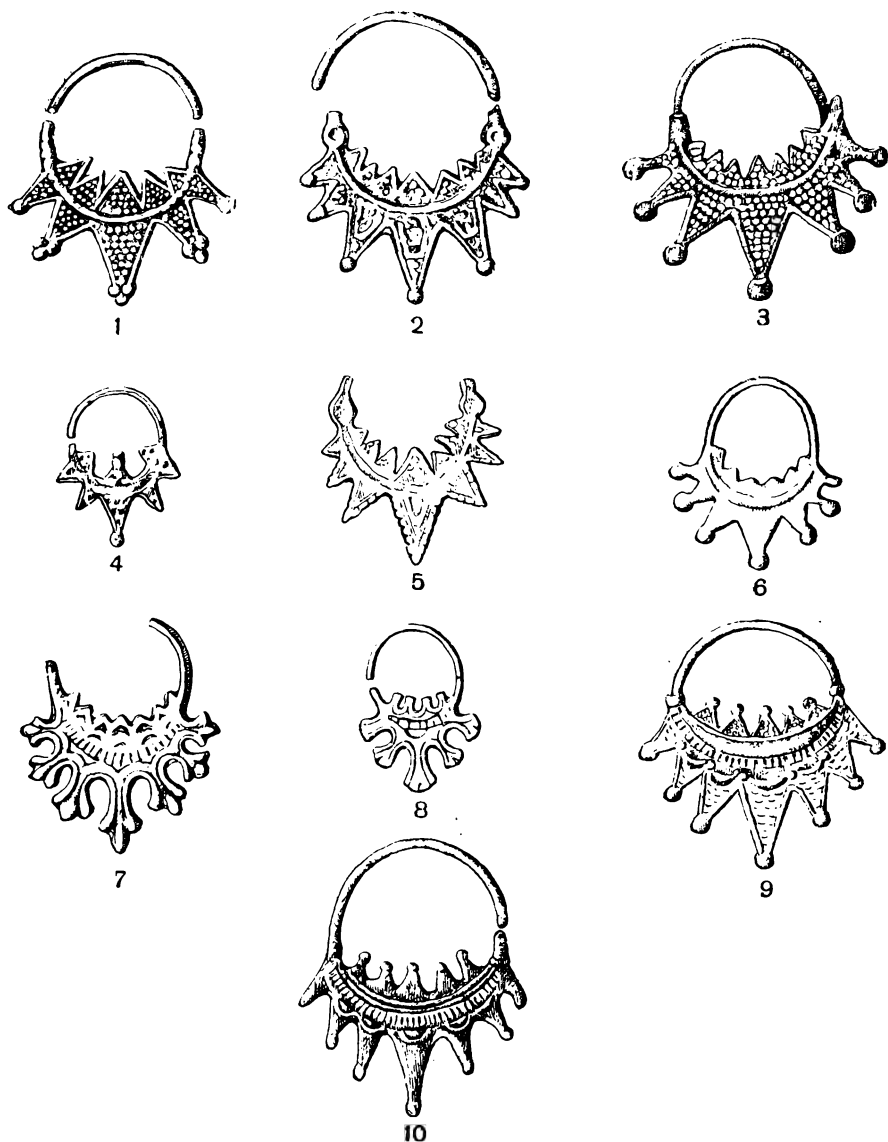

Рис 1. Височные кольца IX—XI вв.

1, 2 — Зарайский клад. 3 — Хотомель. 4, 5 — Новотроицкое городище, 6 — Рославль, 7 — Сельцо, 8 — Тушино, 9 — Супруты, 10 — Крюковско-Кужновский могильник

кольца²⁶ (рис. 1, 8). Уже один этот небольшой факт позволяет сделать предположение о близости радимичей и вятичей.

Наиболее важной и интересной для разрешения вопроса о связях вятичей и радимичей является группа семилучевых височных колец, которые несколько отличаются от радимичских (рис. 1, 9—10). У некоторых колец этой группы лучи расплылись и по очертанию близки лопастям вятичских височных колец; на верхних зубцах у них имеются шарики, которые на отдельных экземплярах почти превратились в вятичские городки; щитки этих колец обычно орнаментированы, причем орнамент их близок к узору вятичских колец.

В эту группу входят кольца из кургана у с. Кубаево Юрьев-Польского р-на Владимирской обл.²⁷, из городища у с. Супруты Одоевского р-на Тульской обл.²⁸, из одного погребения Крюковско-Кужновского могильника Моршанского р-на Тамбовской обл.²⁹, из гочевских курганов Курской обл.³⁰ и др.

В двух последних случаях мы имеем дело, по-видимому, с вариантами радимичских височных колец. Так, в гочевских курганах они встречены вместе с другими вещами, характерными для радимичей (например, с пластинчатой гривной).

Радимичам также, по-видимому, принадлежат и височные кольца из Крюковско-Кужновского могильника. В этом чисто финском могильнике погребение № 507 — славянское (оно отличается не только по вещам, но и своей западной ориентировкой). Здесь вместе с семилучевыми височными кольцами описываемой группы найдены характерные только для радимичей язычковые подвески. Височные кольца в этом могильнике датируются прямоугольной, ажурной, шумящей подвеской X—XI вв.³¹

Гочевские височные кольца, найденные вместе с позолоченными и посеребренными бусами, датируются XI — началом XII в.

Так что всю данную группу колец можно датировать скорее всего XI в.

Интересно то, что почти все височные кольца этой группы обнаружены за пределами радимичской земли. Принимая во внимание уже отмеченное выше сходство вятичских семилопастных и описанной группы семилучевых колец XI в., можно сделать предположение, что в XI в.

²⁶ В то время как орнаментация щитка и городки в верхней его части (а не радимичские зубцы) уже вятичские.

²⁷ ГИМ, инв. № 54746.

²⁸ Раскопки С. А. Изюмовой. Автор пользуется случаем, чтобы принести благодарность С. А. Изюмовой за возможность использовать ее материал в данной работе. Материал хранится в Тульском музее.

²⁹ Материалы по истории мордвы VIII—IX вв. Изд. Моршанского краеведч. музея, 1952, табл. VII, стр. 191.

³⁰ Гос. Эрмитаж, 818/111—127, 816/329—335, 818/48—60, 819/143—149.

³¹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, М., 1952, стр. 124.

семилучевые височные кольца, распространяясь за пределы радимичской территории, дают новую линию развития, приведшую к появлению вятичских семилопастных.

Эту же мысль о заимствовании вятичами радимичских украшений подтверждают близкие типы шейных гривен у обоих племен. Ни у одного древнерусского племени, кроме радимичей и вятичей, не было так называемых «пластинчатых перекрытых» гривен. Для радимичей эти гривны типичны, у вятичей же их относительно немного (по сравнению с количеством жгутовых гривен), и в некоторых небольших деталях вятичские отличаются от радимичских.

Можно предположить, что данный тип гривен у вятичей появился под влиянием радимичских пластинчатых гривен в конце XI в., когда они уже реже употреблялись у радимичей.

Таким образом, на основании всего рассмотренного материала можно говорить об очень большой близости форм и деталей украшений радимичей и вятичей. Причем форма вятичских украшений создавалась под влиянием радимичских, что является косвенным доказательством каких-то очень близких связей этих двух племен.

Н. В. ТУХТИНА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА

Вопросу о гончарных клеймах посвящена большая литература, однако единого взгляда на назначение клейм до сих пор не существует. Епервые этим заинтересовался К. П. Тышкевич¹, который считал клейма магическими религиозными символами. Этой точки зрения придерживалось большинство археологов в течение долгого времени².

В 1926 г. В. Козловская³ выступила со статьей о клеймах как знаках ремесленников, не выдвинув никаких веских доказательств. Лучшие обоснования эта теория получила в работах Б. А. Рыбакова⁴, после чего она нашла многих последователей.

Сторонники противоположного взгляда на назначение клейм гораздо менее многочисленны — Р. Л. Розенфельд⁵ и чешский ученый К. Черногорский⁶ считают клейма знаками заказчиков.

Материалы раскопок последних лет дают возможность заново пересмотреть вопрос о гончарных клеймах.

Картографированием находок клейм установлено, что граница распространения последних совпадает с территорией расселения славянских

¹ К. П. Тышкевич. Свинцовые оттиски, найденные в р. Буге у Дрогичина. Древности, т. I, М., 1865, стр. 120—121.

² В. И. Сизов. Гнездовские курганы. МАР, 28, СПб., 1902, стр. 101—111.

³ В. И. Козловская. Таврований посуд слов'янської доби. Науковий збірник за 1926 р. АН УССР. Зап. Историч. секції, Харків, 1927, т. XXI, стр. 7—14.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 175—181, 352—353, 363—365, 437—438, 494—495.

⁵ Р. Л. Розенфельд. Доклад на славянском секторе ИИМК в 1954 г.

⁶ К. Черногорский. Keramika a feudalismus. Česki lib Ročník, 40, 1953, № 1, стр. 21—31.

племен⁷. Так, в Германии клейма встречаются только в восточной части страны, т. е. в тех областях, которые в древности были заселены славянскими племенами⁸.

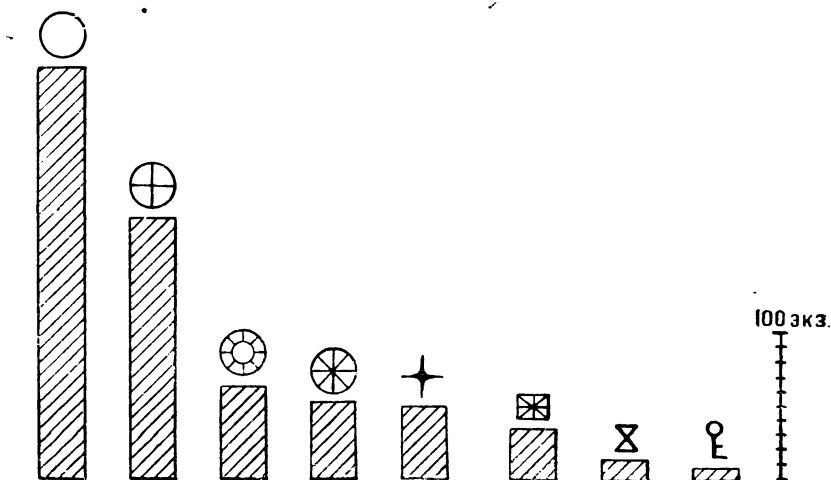

Рис. 1. Диаграмма наиболее распространенных типов гончарных клейм

Обычай клеймения посуды был более всего распространен в южных славянских странах — от Киевщины до Чехии. На севере этот обычай — отголосок юга — привился в гораздо меньшей степени. В таких городах, как Новгород, Псков, Старая Ладога, клейменная посуда составляет не более одного-двух процентов по отношению к неклеяемой.

Обычно большая часть клейм однообразна по рисунку. На днищах славянских горшков чаще всего встречаются изображения различных вариантов круга, креста, ромба, креста, вписанного в круг. Кроме этих простейших, в городах иногда встречаются более оригинальные и сложные по рисунку клейма в виде ключей, цветов и др.

Среди 1800 изученных нами клейм из всех славянских стран можно выделить 400 типов рисунков (самые распространенные из них представлены на рис. 1).

Чаще других встречается клеймо с изображением простого или двойного круга различных вариантов. Эти мотивы клейм обнару-

⁷ L. Niederle. *Ručovét slovanských starozitností*, капта „Zapadni slovane na počátky historie“. CSAV, Praha, 1953.

⁸ В небольшом количестве клейма на глиняной посуде встречаются в Швеции, Венгрии и Румынии. Это понятно, ибо эти страны тесно общались со славянами.

жены нами 287 раз, в том числе простой круг — 169 раз. Мотив круга всегда является у славянских народов символом солнца. Клейма в виде круга встречаются как в городе, так и в деревне, где существовал обычай клеймения посуды, т. е. всюду.

Крест, вписанный в круг⁹, является другим наиболее распространенным рисунком гончарных клейм. Известно 206 экземпляров этого клейма. Сюжет рисунка состоит из 2-х элементов: креста (знак огня) и круга (соллярный знак).

Часто встречаются также клейма в виде двух кругов, соединенных различными перемычками (61 экземпляр), или креста, вписанного в круг и пересекаемого еще одним крестом (53 экземпляра). Среди магических символов он рассматривается как вращающийся крест, т. е. тоже знак солнца.

Распространенным рисунком клейма являются и различные варианты креста: равноконечные, с расширяющимися и сужающимися концами, с трилистниками и перекладинами на концах (50 экземпляров). Все эти рисунки могли иметь значение как символов огня, так и оберегов от злых духов.

Следует упомянуть также клейма в виде прямоугольников и ромбов различных рисунков (35 экземпляров). Квадрат и ромб наряду с кругом почитались как знаки солнца.

Значительно реже на днищах сосудов встречаются клейма в виде двух треугольников, соединенных вершинами (римская цифра десять). Известно всего лишь 13 сосудов с подобными клеймами.

Что касается клейм более сложного рисунка, то среди них преобладают изображения ключей (8 экземпляров), связанных с охранной символикой домашнего очага.

Остальные клейма — в виде трилистников, розеток и др. — встречаются единицами.

Следовательно, большая часть гончарных клейм проста по рисунку (среди них преобладают круг и крест, вписанный в круг) и представляет магические знаки: соллярные, обереги от злых духов, знаки огня и пр.

Единство славянских народов проявилось, в частности, в единых религиозных верованиях. Этим объясняется то, что обычай клеймения посуды существовал только в славянских странах.

В 1952 г. чешский археолог Черногорский¹⁰ на основании данных этнографии и политэкономии выдвинул предположение о заказчиках, дававших гончару рисунки клейм для своей посуды.

У нас эта теория нашла поддержку в лице Р. Л. Розенфельдта¹¹, который исходил из того, что клейменная посуда во Вщиже и Старой

⁹ В диаграмме объединены различные варианты этого клейма: крест в круге, крест в двойном круге и др.

¹⁰ К. Черногорский. Указ. соч.

¹¹ Р. Л. Розенфельдт. Доклад на славянском секторе ИИМК в 1954 г.

Рязани слишком многочисленна по отношению к неклеяемой и поэтому клейма не могут быть знаками мастеров.

П. П. Ефименко¹² произвел тщательное исследование знаков собственности у крестьян. Рисунки этих «пятен», или «знамен», как их называют в народе, нередко совпадают с рисунками гончарных клейм, но в подавляющем большинстве крестьянские меты — это буквы или прямоугольные геометрические фигуры в виде параллельных палочек, тогда как большинство клейм — круги или элементы круга.

Нужно заметить, что знак собственности всегда ставил сам владелец предметов, не заказывая их ремесленнику.

Иногда на посуде встречаются несомненные знаки собственности — граффити, которые по своему начертанию имеют больше сходства с метками владельцев на других предметах, чем с гончарными клеймами. Чаще всего граффити ставились на амфорах, т. е. посуде, которая служила тарой и обращалась вне дома владельца. В этом случае знак собственности на посуде действительно необходим.

Если бы клейма были знаками заказчиков, то тождественные и одинаковые по рисунку клейма на городищах и поселениях должны концентрироваться возле одного жилого комплекса. Поэтому очень интересно рассмотреть тождественные клейма, находимые при раскопках ряда городищ.

Так, на городище Колодяжин Дзержинского р-на Житомирской обл., существовавшем немногим более ста лет, найдено значительное количество тождественных клейм¹³. Из 44 рисунков (на целых донцах и обломках), представляющих десять типов клейм, тождественных клейм в виде трезубца оказалось 10; 9 клейм — с одного гончарного круга в виде креста, вписанного в квадрат; 7 клейм — простые круги; 6 — в виде римской цифры «пять», вписанной в круг; 4 креста и 3 клейма в виде спирали.

Городище Колодяжин, круглое в плане, было обнесено с напольной стороны двойной линией валов и рвов. Под внутренним валом располагались жилые клетки (так же, как в Райковецком городище). Судя по находкам, это жилища более богатого населения. В центре, в северной части городища и за пределами вала, располагались полуземлянки, в которых жили ремесленники.

Нанесение всех мест находок на план городища дало интересную картину. К сожалению, часть клейменных донышек была найдена в заполнениях жилищ, и невозможно точно установить, входили ли они в комплексы этих жилищ. Местоположение таких обломков может оказаться случайным. Поэтому рассмотрим только те сосуды или их облом-

¹² П. П. Ефименко. Юридические знаки. ЖМНП, 1874, окт. вып. CLXXV, стр. 65.

¹³ Пользуюсь случаем выразить признательность В. К. Гончарову за предоставленный материал и Р. А. Юре — за многократную любезную помощь.

ки, которые были найдены на полу жилищ и являлись несомненной принадлежностью данного дома.

В жилище VIII обнаружено 2 горшка¹⁴: один — с клеймом в виде двух параллельных линий (№ 670/316), другой — с клеймом в виде спирали (№ 560/154).

В жилище XIII найдено (в разбитом виде) 3 горшка с клеймами: одно — в виде римской цифры «пять», вписанной в круг (№ 519); другое — изображение круга, вписанного еще в один круг (№ 522), и третье — в виде спирали (№ 547), тождественно клейму из клетки VIII.

Обломки донышек с клеймом в виде квадрата, разделенного на 4 части двумя перекрещивающимися линиями, найдены в жилище VII, в полуземлянке № 11 и в жилище V. Кроме этого клейма, в жилище V была также целая амфорка киевского типа с клеймом-трезубцем.

В жилище IX найдено три обломка доньев с аналогичными трезубцами. В заполнении жилищ VI и XVII было по одному обломку таких же клейм. Остальные тождественные им клейма обнаружены вне комплексов.

Интересно, что тождественные клейма в виде круга (их всего три) были найдены в заполнении жилищ IX и XIV, а одно — за пределами города, в полуземлянке № 24.

Значит, сосудами с одинаковыми клеймами владели люди, жившие в разных жилищах и в разных концах города. Тождественные клейма встречаются как в богатых, так и в бедных домах. В некоторых домах (клеть XVII) совершенно не встречено клейменной керамики, в то время как в других жилищах насчитывается по 4—5 сосудов с различными клеймами.

Следовательно, клейма не являются в Колодяжине знаками собственности заказчиков, так как бессмысленно иметь одинаковый знак собственности нескольким домам, тем более что в отдельных жилищах имеются различные типы клейм.

Но не может ли это оказаться случайностью? Посмотрим, какова топография клейм на других памятниках.

На городище Вщиж Брянской обл. найдено много тождественных и близких по рисунку клейм. Причем здесь, как и в Колодяжине, одинаковые клейма встречались в разных частях городища. Автор раскопок отмечал: «В разных местах городища встречены клейма одного мастера; они позволяют уточнить датировку жилых комплексов. Клейма в виде княжеских знаков могут указывать на местонахождение княжеского двора»¹⁵.

Клейма в виде римской цифры «пять» найдены в количестве 2 экземпляров в раскопе IV, расположенном в северной части детинца, а

¹⁴ Материалы хранятся в Институте археологии АН УССР в Киеве.

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, стр. 119.

также в раскопах IX, XI и V, находящихся в западной части последнего. Одно подобное же клеймо обнаружено за пределами детинца (раскоп I).

Клейма с крестом и кругом встречались в раскопах XIII, VII, IX, VIII, XI, XV, XII. Клейма в виде буквы «икс» — в XIII и XV раскопах. Размер статьи не позволяет перечислить находки всех тождественных клейм других типов, но следует отметить, что картографирование их не изменило бы общей картины — тождественные клейма попадались в разных частях городища.

Аналогичное положение наблюдается при раскопках курганов, в которых находки тождественных клейм не так часты, как на городищах, ибо только городища и селища дают массовый керамический материал.

В могильнике Табаевка¹⁶ Черниговской обл., служившем кладбищем для жителей г. Оргоши, в кургане II, в погребении богатого ремесленника-ювелира, найдено 2 разных клейма: одно из них в виде простого круга, другое в виде креста, заключенного в 2 круга.

В материале, добытом из Гнездовского могильника, удалось обнаружить 3 тождественных клейма в виде усложненного креста с двумя квадратами в центре: два клейма — из раскопок С. И. Сергеева и одно — из раскопок Д. А. Авдусина¹⁷.

Приведенные примеры являются первым случаем, когда в одном погребении найдено два разных клейма, а три тождественных клейма — в разных курганах одной группы.

Из этого можно заключить, что клейма не являются знаками собственности заказчиков. Но каково же тогда их назначение? Для выяснения этого очень важно знать соотношение клейменной и неклеяемой посуды и количество типов клейм на одном памятнике.

Больше всего различных по рисунку клейм было обнаружено во Вщиже. Здесь в слоях XI—XII вв. найдено 320 обломков клейменных сосудов, которые составляют 200 различных рисунков клейм. Б. А. Рыбаков подсчитал, что во Вщиже одновременно работали 15—20 гончаров, имевших свои клейма¹⁸. Это максимальная цифра для такого небольшого города, как Вщиж, даже при малой производительности гончаров.

Однако клейменная посуда во Вщиже составляла не более 5% по отношению к неклеяемой. Следовательно, кроме мастеров, имевших гончарные круги с клеймами, здесь работало еще гораздо большее количество гончаров, не клеймивших свою посуду.

Такую же картину дает и Старая Рязань, где клейменная керамика

¹⁶ Д. И. Блитель. Отчет о работах Деснинской экспедиции за 1949 г. Архив Ин-та археологии г. Киева.

¹⁷ С. И. Сергеев. Курганы № 16 и 43, хранятся в ГИМ, инв. № 42536; Д. А. Авдусин. Курган № 86, хранится в МГУ, инв. № 17.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., 1953, стр. 119.

составляет 1% общего количества. Здесь найдено 180 различных клейм, и хотя Старая Рязань существовала более 300 лет, все же получается, что там одновременно работали 20 гончаров, которые ставили на сосудах свои клейма, а ведь они составляли меньшинство; большая часть гончаров клейм не ставила — опять-таки получается баснословная цифра гончаров для одного городища.

Обратимся к данным этнографии. Б. А. Куфтин и М. А. Россова¹⁹ исследовали гончарное производство в Дмитровском уезде Московской губернии. В с. Куликове в начале XX в. сохранился ручной гончарный круг, так как местные сорта глины не позволяли пользоваться ножным. Вместе с ручным кругом в Куликове сохранился и обычай клеймения горшков.

Дмитровские гончары ставили такие же примитивные клейма на сосуды, как и в IX—XIII вв., причем делали это, приспособляясь к вкусу потребителя. Так, на расспросы этнографов о назначении клейм гончары отвечали, что «бабы с крестом любят, этот, говорят, больше наварит»²⁰. Религиозные верования за 10 столетий сильно изменились, но почитание креста еще сохранялось.

Вполне возможно, что и в IX—XIII вв. некоторые гончары ставили на сосудах такие клейма, которые имели магическое значение. Правда, отсутствие знаков, подобных гончарным клеймам, на лепной посуде до последнего времени являлось основным доводом против того, чтобы видеть в гончарных клеймах магические элементы.

Однако теперь, после опубликования материалов Новотроицкого городища²¹, стали известны знаки креста, прочерченные на внутренней стороне доньев лепных сковород. Подобные знаки на сковородах обнаружены не только при раскопках Новотроицкого городища, но и на поселениях близ с. Незвиско Станиславской обл.²², с. Выгоничи Брянской обл.²³, с. Выползово Черниговской обл.²⁴.

На лепных сосудах знаки, оберегающие от злых духов, могли входить в орнамент; ставить же клеймо на дно или стенки лепных сосудов было в техническом отношении неудобно.

На гончарных сосудах клейма появились с освоением гончарного круга. Заметив, что на дне сосуда хорошо отпечатываются все неровности гончарного круга, гончары стали вырезать на нем узор, чтобы получить негативное изображение на сосуде.

Итак, мы приходим к заключению, что клейма на сосудах были знаками мастеров, но не в смысле марки определенной мастерской, а

¹⁹ Б. А. Куфтин, М. А. Россова. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии. «Московский краевед», 1928, № 5, стр. 9—30.

²⁰ Там же.

²¹ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 42.

²² Г. И. Смирнова. Сведения о работах Западноукраинской экспедиции в 1954 г. Сообщения Гос. Эрмитажа, VIII, Л., 1955, стр. 47—48.

²³ Материал хранится в ЛОИА АН СССР.

²⁴ Хранится в Киевском историческом музее.

как магические изображения, связанные прежде всего с огненной стихией самого гончара и одновременно, возможно, соответствующие вкусам покупателей.

Каждый гончар наряду с гладким гончарным кругом мог иметь один или несколько кругов с разными знаками. Доказательством этого является чрезмерное обилие типов клейм на отдельных памятниках, значительно превышающее максимальное число гончаров.

Во всех славянских странах клейма появились почти одновременно, и повсюду они получили наибольшее распространение в XI в., когда еще были сильны пережитки язычества.

Впоследствии, с XIII в., количество клейменной посуды резко сокращается, а затем и вовсе исчезает в связи с появлением ножного гончарного круга.

М. В. ФЕХНЕР

РАСКОПКИ СЕЛИЩА БЛИЗ ГРЕХОВА РУЧЬЯ

В течение ряда лет Государственным Историческим музеем проводились на территории Угличского р-на Ярославской обл. археологические работы по изучению памятников сельского типа домонгольского времени. Из числа исследованных поселений наиболее интересные результаты дали раскопки Грехоручьенского селища.

Этот памятник, расположенный в 6—7 км от города Углича на правом берегу Волги, близ устья одного из ее мелких притоков — Грехова ручья, был открыт еще в 1932—1933 гг. экспедицией ГАИМК. Тогда же выявлен в 100 м от селища ниже по течению реки большой курганный могильник, в котором насчитывалось около 100—120 насыпей¹.

Обследование селища в 1956 г. показало, что культурные обнажения тянутся вдоль берега на 150 м и в ширину — на 10—20 м. В связи с сооружением Угличской плотины памятник сильно пострадал от обвалов берега; так, под обрывом у самой воды, а также на дне реки в 3—4 м от берега найдены вещи X—XII вв. — железные многослойные ножи, стамески, перовидные и спиральные сверла, пружинные ножницы, шиферные пряслица, бронзовый крест-складень, инкрустированный серебром и эмалью, обломки лепной и гончарной посуды. Сохранившаяся площадь селища, хорошо задернованная с небольшим уклоном в северо-западном направлении, свободная от посевов и строений, оказалась чрезвычайно удобной для разбивки раскопов. Культурный слой, достигавший в среднем 70—80 см толщины и достаточно насыщенный находками, сохранился неповрежденным. Поэтому было признано целесообразным организовать на Грехоручьенском селище раскопки.

¹ Изв. ГАИМК, вып. 109, М.—Л., 1935, стр. 165.

За три года здесь была вскрыта площадь в 1046 кв. м; таким образом, большая часть поселения раскопана². В процессе работ выяснилось, что селище близ Грехова ручья является однослойным памятником. Под дерном всюду до самого материкового песка залегал однородный рыхлый слой интенсивно-черной окраски, содержащий, не считая отдельных обломков керамики дьяковского типа, исключительно материал X—XIII вв. Отсутствие в культурном слое находок более позднего времени дает основание предполагать, что деревня у Грехова ручья, как и большинство других древнерусских селений Угличского р-на, прекратила свое существование во второй половине XIII в., когда, как мы знаем по летописным свидетельствам, окрестности Углича были опустошены татарами.

На раскопанной площади удалось проследить остатки 6 жилищ, гончарного горна, 4 открытых очагов и ряда ям хозяйственного назначения (рис. 1). 5 жилищ, открытых при исследовании памятника, представляют собой сооружения полуземляночного типа. От них сохранились только нижние, углубленные в материк части в виде прямоугольных ям, глубина которых от уровня современной поверхности доходит до 115—120 см. В двух случаях (жилища № 1 и № 5) выявлены следы опорных столбов, поддерживавших крыши жилищ. Жилища №№ 2, 3, 5 и 6, стоявшие в один ряд вдоль Волги, в значительной мере уничтожены обвалом берега. Судя по сохранившимся стенкам длиной 2,5—3,5 м, они по своим размерам приближались к расположенному дальше от берега жилищу № 1 размером 3,5 × 2,25 м. В северо-западном углу жилища № 1 найден развал очага, близ которого лежали железные зубило и ножик X—XI вв. (типа многослойного), а также раздробленные кости животных и рыб (рис. 2).

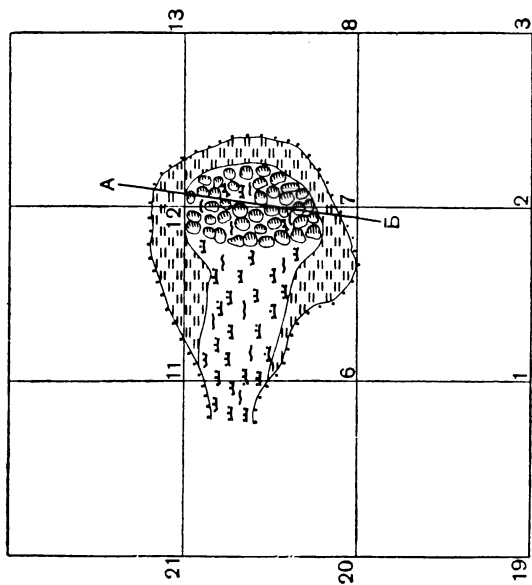
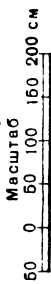
Кроме того, в землянке собраны: два подобных же ножа, шиферное пряслице битрапециoidalной формы и две однозубые остроги с коленчатым корпусом (рис. 3). Такие орудия рыболовного промысла, датированные X—XIII вв., использовались главным образом для битья крупной рыбы³. Керамика, найденная в землянке, состояла исключительно из обломков гончарной посуды со штампованным, линейным и ногтевым орнаментом.

Вещи, относящиеся к бытовому и хозяйственному инвентарю, встречались и в разрушенных жилищах полуземляночного типа. Так, на дне жилища № 3 найдены оселок и железный нож; в жилище № 5 — обломок стеклянного браслета, шиферное пряслице, фрагменты глиняных лепных и гончарных сосудов; в жилище № 6 — обломки двух железных ножей и значительное число осколков гончарной посуды, как орнаментированной, так и без узора.

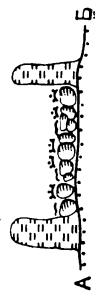
² Экспедиция в составе научных сотрудников ГИМ В. А. Мальм, Н. Г. Недошиной, М. В. Фехнер и художника И. Ф. Есаулова производила раскопки в течение 1957—1959 гг.

³ В. А. Мальм. Проблемы древнерусской деревни. Тр. ГИМ, вып. 32, М., 1956, стр. 118—122.

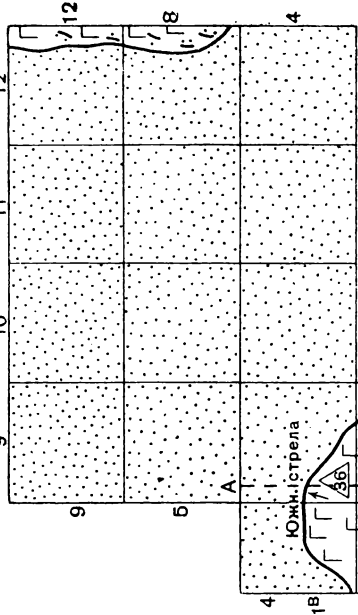
План раскола на глубине 50 см

Разрез по линии А-Б

План раскола на глубине 80-85 см

Разрез по линии А-Б

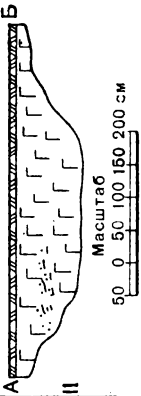

Рис. 2. План жилища № 1 и гончарного горна

Что касается жилища № 4, находящегося на расстоянии около 8 м к востоку от жилища № 1, то оно относится к типу наземных построек. В той части раскопа, где расположено это жилище, культурный слой отличался большей мощностью, имел более интенсивную окраску и был более насыщен находками, чем на остальной площади раскопа. Эта постройка обнаружена по остаткам трех угловых бревен-стояков 40—50 см в диаметре (глубина столбовых ям, вырытых в материке, доходила до 28—30 см), по фрагментам обгорелого дерева, кускам угля и крупным камням, расположенным по ее длинным сторонам (рис. 1). Камни являлись, по-видимому, остатками фундамента дома. Подобные фундаменты, представлявшие собой вымостку из камней, встречены у жилых строений Золоторучьенского селища Угличского района, открытых раскопками ГИМ 1955 г. Любопытно, что аналогичные фундаменты сооружались для крестьянских жилых построек в этом районе еще до недавнего времени⁴.

Площадь жилища № 4 равнялась 6,4 × 3,5 м. В нем, так же как и в жилище № 1, очаг находился в западной части дома. У очага, среди камней, имевших следы пребывания в огне, кусков обожженной глины, угля и золы, зафиксировано большое число раздробленных костей животных (коровы, свиньи, барана, лося, зайца, косули, северного оленя), костные остатки и чешуя рыб⁵, обломки глиняных сосудов, по преимуществу гончарных (в том числе одно днище с клеймом). В доме были найдены восемь железных ножей, из которых четыре экземпляра имеют узкий клинок с широкой спинкой и массивный длинный черенок. Такие ножи, как показало технологическое их изучение⁶, относятся к типу многослойных, у которых стальная полоса проходит в середине клинка лезвия. Судя по данным стратиграфии новгородских раскопок, подобные ножи бытовали в X—XI вв. Остальные найденные здесь ножи имеют широкие клинки с тонкой спинкой и сравнительно короткие черенки. Они относятся к типу ножей с наварным лезвием, характерных для XII—XIII вв.⁷

Другой вещевой материал из жилища № 4 — обломки бронзового витого браслета и браслетов из голубого и коричневого стекла, фрагменты бронзовой витой шейной гривны и костяного гребня с кружковым орнаментом, костяная игла для плетения сетей, украшенная орнаментом в виде плетенки, — относится также к X—XIII вв. (рис. 4). Как можно заключить по этим находкам, оба типа жилищ — полуземлянка и наземная постройка — существовали на Грехоручьенском селище одновременно.

⁴ М. В. Фехнер. Селище Ярославского Поволжья, XI—XIII вв. Краеведч. зап. Яросл. областн. краеведч. музея, вып. 2, Ярославль, 1957, стр. 186—188.

⁵ Весь костный материал из раскопок 1957—1959 гг. определен ст. научн. сотрудниками Зоологического музея Е. Г. Андреевой и Д. Н. Гофманом.

⁶ Технологическое изучение ножей, обнаруженных раскопками 1957—1959 гг., произведено ст. химиком-реставратором ГИМ С. И. Скопинцевой.

⁷ Б. А. Колчин. Хронология Новгородских древностей. СА, 2, 1958, стр. 198—199.

Любопытно отметить, что вблизи большинства исследованных жилищ находились ямы, заполненные различными бытовыми отбросами — раздробленными костями животных, обломками глиняной посуды, полочными металлическими и костяными вещами. После заполнения эти мусорные ямы закидывались камнями.

Чрезвычайно большой интерес представляет развал гончарного горна, обнаруженный на западной окраине селища. Наличие его на поселении сельского типа свидетельствует о том, что горновой обжиг посуды применялся в ту эпоху не только городскими ремесленниками, как это предполагалось ранее, но и деревенскими гончарами (рис. 2).

Судя по сохранившимся остаткам, это был горн ямного типа, овальный в плане, с внутренним диаметром основания 100—155 см. Его глинобитные стены частично сохранились на высоту 50 см. Основание горна, где происходила топка, было сложено из больших камней, плотно прилежавших один к другому и лежавших на материке в один ряд. На камнях находились куски угля, зола и фрагменты керамики. Угли обнаружены и в топочном проходе, длина которого достигала 160 см. Детальнее проследить конструкцию горна не удалось из-за его плохой сохранности. По-видимому, грехоручьенский горн приближался к типу гончарных горнов, найденных во Вщиже и на Райковеком городище и датированных XII—XIII вв.⁸ В непосредственной близости от горна найдено большое количество фрагментов керамики, несколько железных дужек от ведер и железная кирка — заостренное с двух сторон орудие, употреблявшееся для откалывания твердых пород, а также для обтесывания камней. Вполне возможно, что этой киркой могли пользоваться и для разламывания глиняной обмазки верха горна после окончания обжига.

Обратимся теперь к находкам, обнаруженным при разборе культурного слоя, залегающего вне жилых и производственных сооружений.

Самую многочисленную группу составляют обломки глиняной посуды, которую по технике изготовления можно разделить на лепную и сделанную на ручном гончарном круге. Лепная керамика представлена обломками толстостенных со слабоотгнутыми венчиками сосудов, не имевших следов украшения орнаментом; глиняное тесто, из которого она вылеплена, содержало значительную примесь крупнозернистого песка. Фрагментов лепной посуды на данном памятнике мало, они составляют, как показал статистический анализ, около 2% от общего числа найденной здесь керамики.

Среди гончарных изделий встречались обломки сосудов различных размеров и форм (горшки, миски, сковородки с массивными ручками, кувшины), как тонкостенных, хорошо обожженных, так и толстостенных, недостаточного обжига. В составе теста гончарной посуды в ряде случаев имеются также примеси песка и дресвы. 12% этой посуды укра-

⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 345—346.

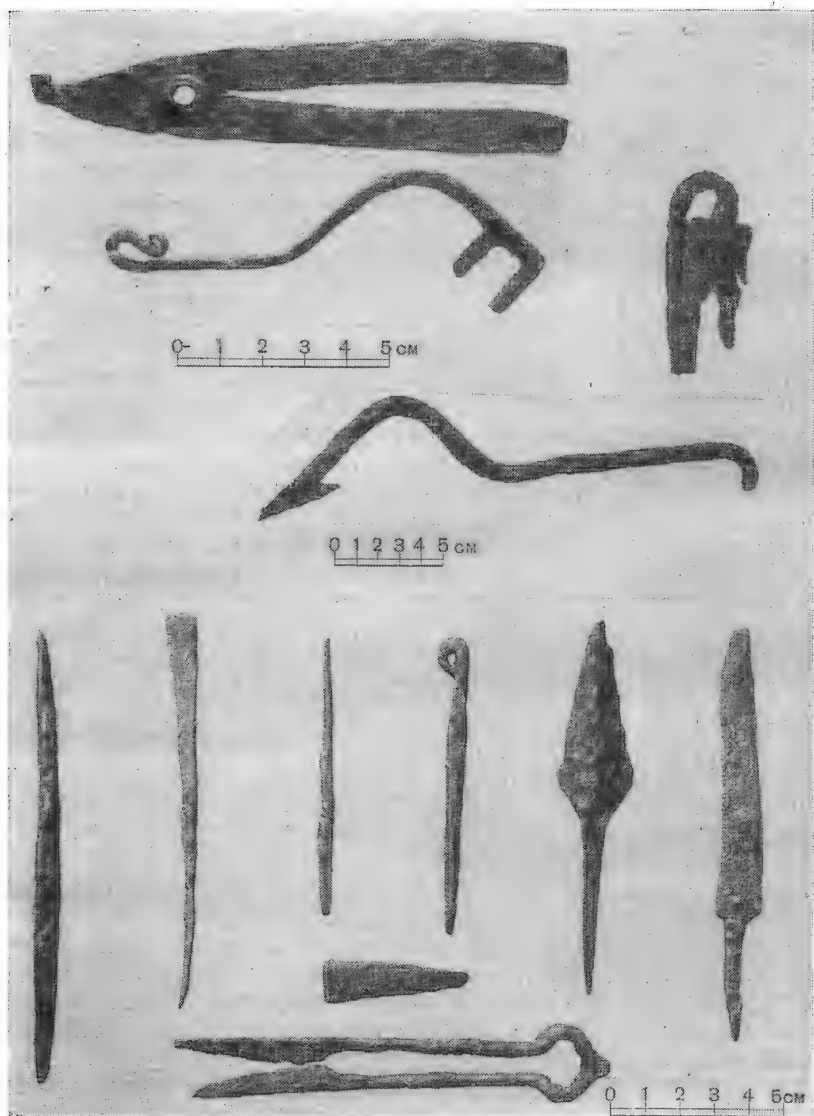

Рис. 3. Изделия из железа

шено линейным, волнистым, штампованным и точечным орнаментами. На Грехоручьенском селище сравнительно велик процент горшков, украшенных точками различной величины. Он составляет 7% от всей найденной здесь орнаментированной посуды. Аналогичная керамика известна из домонгольских слоев городища Кснятин, из курганов Калининской (дер. Избережье) и Московской (дд. Александровка и Никольское) обл., из окрестностей Новгорода⁹. Однако, по-видимому, этот орнамент нигде не получил такого распространения, как в Ярославской обл. (рис. 5).

Следует отметить, что около одной трети фрагментов глиняной посуды сосредоточено было в западной части памятника на участках, примыкавших к раскопу, где находился развал гончарного горна.

Интересную группу находок составляют изделия из железа. Среди них ножи представлены в культурном слое памятника в сравнительно большом количестве. Всего найдено 47 экземпляров, из которых 81% относится к типу ножей многослойных, датируемых X—XI вв., и 19% — к типу ножей с наварным лезвием, характерных для XII—XIII вв.

Из железных изделий (рис. 3), найденных на селище в небольшом числе или в единичных экземплярах, можно назвать различные деревообрабатывающие (долота, перовидные и спиральные сверла) и слесарные (зубила, напильник) инструменты, сельскохозяйственные орудия (фрагменты серпа и косы), охотничьи стрелы и бытовой инвентарь — пружинные ножницы, коромысла от весов, предохранительные пружины от дверных замков с деревянным засовом XI—XIII вв., двузубый коленчатый ключ от деревянного замка-засова X—XI вв., цилиндрические висания замки, относящиеся к обычному типу русских замков XII—XIII вв.¹⁰

При раскопках обнаружено также несколько украшений из бронзы — браслетообразное височное кольцо, бубенчик, пуговка, витой браслет, решетчатый однозигзаговый перстень, лировидная пряжка.

Особого внимания заслуживает находка бронзовой привески — амулета в виде топорика, украшенного кружковым орнаментом. Аналогичные топорики-обереги найдены в кургане близ д. Городище (Владимирская обл.) и на Княжей горе (Киевская обл.) и датируются XI—XII вв.¹¹ (рис. 4).

По числу находок не последнее место занимают пряслица из розового шифера бипирамидной формы, каменные оселки с круглыми отверстиями для подвешивания к поясу и разнообразные глиняные и каменные грузила, свидетельствующие о том, что население поселка употребляло для ловли рыбы различного рода сетевые снасти.

⁹ В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903, стр. 289—290, Архив ЛОИИМК, дела № 174 и 175 за 1924 г.; ГИМ, инв. № 77018.

¹⁰ Б. А. Колчин. Хронология Новгородских древностей. СА, 2, М., 1958, стр. 96—97.

¹¹ ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 120, 148; История культуры Древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 403.

Рис. 4. Украшения и костяные поделки.

Рис. 5. Образцы керамики XI—XIII вв.

Подводя итоги проделанной работы, мы видим, что селище близ Грехова ручья, судя по вещественным находкам, жилым и производственным сооружениям, может быть датировано XI—XIII вв.

Материал этих раскопок представляет значительный интерес для восстановления облика русской деревни — занятий и быта ее населения в Ярославском Поволжье домонгольского времени.

В. А. МАЛЬМ

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК БЛИЗ ГРЕХОВА РУЧЬЯ

На левом берегу Грехова ручья, недалеко от впадения его в Волгу (в 70 м от устья) находится большая курганная группа. Часть этих насыпей была раскопана Угличским музеем в 1899—1900 гг. и в 1923 г., и, несмотря на это, еще в 1933 г. во время обследования района затопления, в связи со строительством ГЭС, здесь насчитывалось 100—120 насыпей¹. В последующие годы многие курганы были уничтожены разливами Волги, и летом 1957 г., когда экспедиция ГИМ приступила к раскопкам, в этой группе насчитывалось всего лишь 56 насыпей.

Этот могильник являлся кладбищем для обитателей селища, расположенного на берегу Волги в 100 м от курганов. Расположение средневековых могильников по берегам рек и вблизи поселений является характерным для Ярославского Поволжья. Так, в окрестностях Углича могильники близ деревень Нестерово, Баскачи, Васильево, Золоторучье и ряда других находились на расстоянии 50—200, реже 500—600 м от мест древних поселений².

До раскопок летом 1957 г. была произведена съемка плана курганной группы и дана общая нумерация как целых, так и ранее раскопанных, в какой-то мере сохранившихся курганов. Все курганы заросли деревьями и кустарником. Насыпи имеют форму сегмента. Вокруг них следов ровиков и перемычек не заметно. Высота насыпей от современной поверхности колеблется от 0,50 до 1,50 м, при диаметре от 2,20 до 6 м.

Из 22 раскопанных курганов 3 оказались пустыми (№№ 16, 35 и 42). Следов погребений и вещей обнаружить в них не удалось.

¹ Тр. ГИМ, вып. 32, М., 1956, стр. 209.

² М. В. Фехнер. Селище Ярославского Поволжья XI—XIII вв. Краеведч. зап. Ярослав. областн. краеведч. музея. Ярославль, вып. 2, 1957.

В прочих раскопанных курганах погребения находились на материке, костяки ориентированы головами на запад или с небольшими отклонениями к юго-западу. Сохранность костяков в большинстве случаев плохая.

Курган 3. Высота 0,82 м, диаметр 3,5 м. В кургане, судя по вещам, находилось женское захоронение, ориентированное головой на запад с небольшим отклонением к югу. Здесь найдены: на правой руке витой браслет, перевитый тонкой сканой проволокой, концы гладкие, оканчивающиеся петлями; у правого бедра грушевидный крестопорезной бубенчик; три обломка от витых маленьких височных колец с завязанными концами у левого виска, круглопроволочное маленькое височное кольцо и два обломка от такого же кольца у правого виска; у левой ноги еще обломок кольца, на шее бусина стеклянная, синяя, битрапецеидной формы и железный нож около правой руки.

Курган 4. Высота 0,60 м, диаметр 2,20 м. В насыпи найден горшок лепной работы без орнамента, в разбитом виде. Костяка не оказалось.

Курган 7. Высота 0,67 м, диаметр 4,5 м. Костяк лежал головой на запад. У левого бедра найдены железный нож и поясная пряжка прямоугольной формы.

Курган 13. Высота 0,75 м, диаметр 3,2 м. В насыпи найден обломок гончарного сосуда без орнамента, недостаточного обжига. Погребение не обнаружено.

Курган 14. Высота 0,98 м, диаметр 6 м. Костяк ориентирован головой на запад. С правой стороны таза лежал железный нож, в ногах гвоздь от гроба и второй гвоздь — у левой бедренной кости.

Курган 16. Высота 1,02 м, диаметр 5,4 м. Костяк ориентирован головой на запад с небольшим отклонением к югу. Из вещей были найдены железный нож у правого бедра и в разных местах 4 костыля от гроба.

Курган 21. Высота 0,64 м, диаметр 3,75 м. На материке найдены остатки костяка. Вещей не обнаружено.

Курган 32. Высота 1 м, диаметр 4,5 м. В насыпи найдены два обломка лепной керамики. Следов погребения в кургане не обнаружено.

Курган 37. Наиболее интересный из всех раскопанных курганов. Высота его 0,75 м, диаметр 6 м. Под насыпью найдено два женских одновременных захоронения. Костяки лежали рядом, ориентированные головами на запад. При костяке «А» обнаружены: на кисти правой руки

Рис. 1. Вещи из кургана № 37 (при костяке «А»)

пластинчатый браслет, на фаланге левой руки усатый перстень, в ногах нож и горшок лепной работы, а неподалеку от него обломки от второго, тоже лепного, горшка (рис. 1 и 2). С костяком «Б» найдены: на правой руке пластинчатый со змеиными головками браслет, на фаланге правой руки усатый перстень, украшенный городками, перстень пластинчатый в ногах; височное браслетообразное кольцо с завязанными концами у правого виска и два обломка подобного же кольца у левого виска; 4 трехбусенных височных кольца, из них три лежали у правого виска и одно разломанное — у левого; на шее находилась полужгутовая загнуто-конечная гривна и низка стеклянных бус в количестве 15 штук, посеребрённых, цилиндрической, бочковидной и ребристой форм и позолоченных бочковидных, круглая привеска с ушком, которая, очевидно, была подвешена к низке бус; у правого бедра находился обломок ножа (рис. 2). Кроме этих вещей, в кургане были найдены 4 железных костыля от гроба.

Курган 38. Высота 1,02 м, диаметр 3,90 м. Ориентация костяка головой на запад. У правой руки найден железный нож, на груди и близ черепа — по костылю от гроба.

Курган 38а. Курган полуразрушен. Высота 1 м, диаметр не удалось восстановить. При женском костяке, ориентированном головой на запад, найдены два бронзовых браслета, один из них пластинчатый разомкнутый, к концам несколько суживающийся, второй выпукло-вогнутый тупоконечный; усатый перстень, украшенный городками, пластинчатый перстень с растительным орнаментом; круглая привеска с рельефным орнаментом, подвешенная, очевидно, к ожерелью из 14 стеклянных позолоченных бусин бочковидной формы и 3-х зонных из глухого стекла; 4 перстнеобразных височных кольца, железный нож с остатками деревянной рукоятки и саксонская серебряная монета 1059—1071 гг. в маленьком шерстяном кошельке, почти истлевшем и лежавшем у кисти правой руки (рис. 3).

Курган 39. Высота 0,68 м, диаметр 6,10 м. Ориентация костяка головой на запад. У правого бедра находился железный нож.

Курган 40. Высота 1,2 м, диаметр 5,5 м. Курган частично разрушен. От костяка сохранился только череп, лежавший на материке. Вещей не обнаружено.

Курган 41. Высота 1,1 м, диаметр 3,75 м. Ориентация костяка головой на юго-запад. У левой ноги найден кусок бересты, а около черепа — обломки кругового сосуда с линейно-волнистым орнаментом. Два обломка круговой керамики были найдены в насыпи кургана.

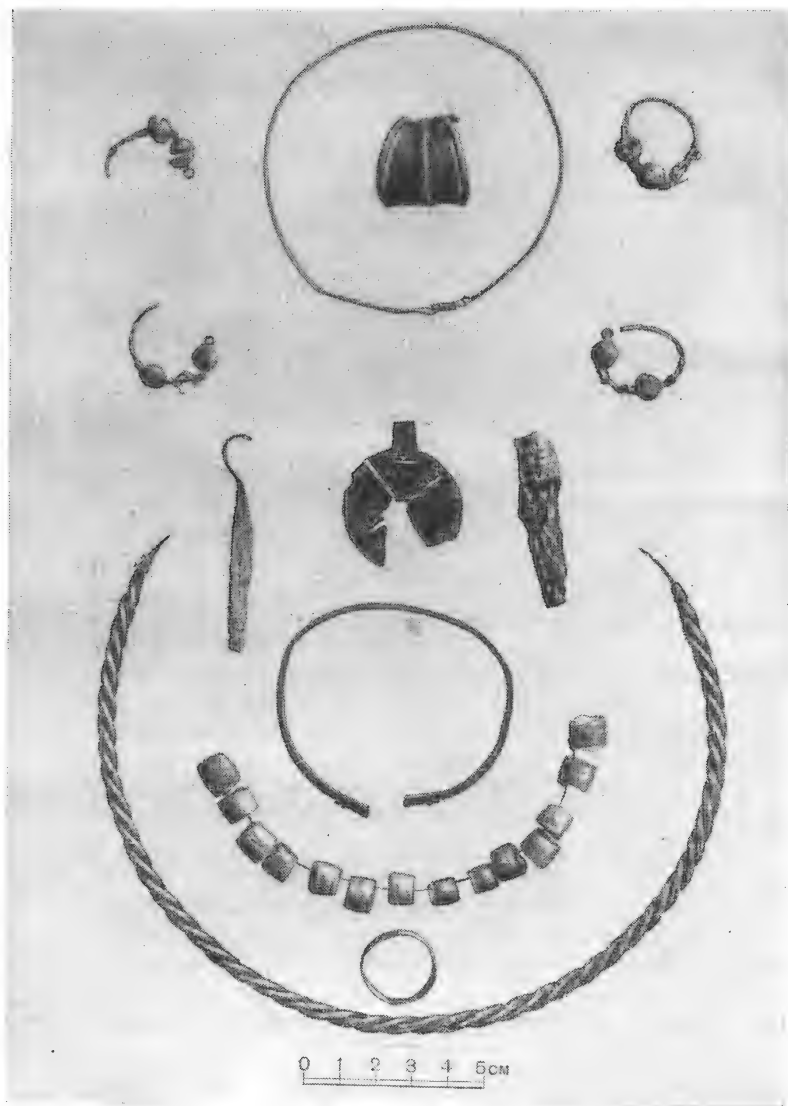

Рис. 2. Вещи из кургана № 37 (при костяке «Б»)

Курган 45. Высота 1,26 м, диаметр 5,15 м. Ориентация костяка головой на запад. На локте правой руки лежала серебряная западноевропейская монета XI в. В ногах — обломок железного ножа.

Курган 48. Высота 1,12 м, диаметр 3,75 м. Костяк ориентирован головой на запад. С правой стороны черепа лежал обломок какого-то железного предмета.

Курган 49. Высота 1,36 м, диаметр 6 м. Ориентация костяка головой на запад. На груди найден костыль от гроба.

Курган 50. Высота 1,19 м, диаметр 3,75 м. Костяк ориентирован головой на юго-запад. В ногах были обнаружены обрывок кожи и обломок железного предмета.

Курган 51. Высота 0,98 м, диаметр 5 м. От костяка сохранился только череп. Близ черепа лежал обломок толстого лепного сосуда (тесто грубое, с большой примесью дресвы).

Весь материал, добытый раскопками курганов, поступил в Угличский краеведческий музей, где уже имеются вещи из раскопок курганов близ Грехова ручья в 1899—1900 и 1923 гг. Эта коллекция содержит два топора, косу-горбушу, ножи и железный наконечник стрелы. К сожалению, точной документации вещей из старых раскопок нет.

Совокупность всего материала, найденного в курганах, позволяет эту группу датировать XI—XIII вв. Из датирующих вещей следует упомянуть две серебряные западноевропейские монеты XI в., из которых одна относится к 1059—1071 гг., бусы стеклянные с золотой и серебряной прокладкой, цилиндрической, бочковидной и ребристой форм, бывавшие, как известно, в X — начале XII в.³, грушевидный крестопорезной бубенчик X—XI вв.⁴, многослойные ножи X — начала XII вв. с клиновидным сечением и широкой спинкой⁵ и другие предметы.

Эту дату подтверждает и керамика, находившаяся в курганах. Она подразделяется на две группы: лепную и круговую. Лепная представлена целыми сосудами и отдельными обломками, круговая — только обломками. Лепные сосуды приземистые и широкогорлые, приближающиеся к баночной форме с чуть отогнутым невысоким венчиком. Орнамента нет. Тесто грубое с большой примесью дресвы. Обжиг недостаточный. Имеются обломки круговой керамики с обычным волнисто-линейным

³ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, вып. 33, М., 1959, стр. 159—160.

⁴ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, т. II, М., 1959, стр. 237.

⁵ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, т. II, М., 1959, стр. 48, 51.

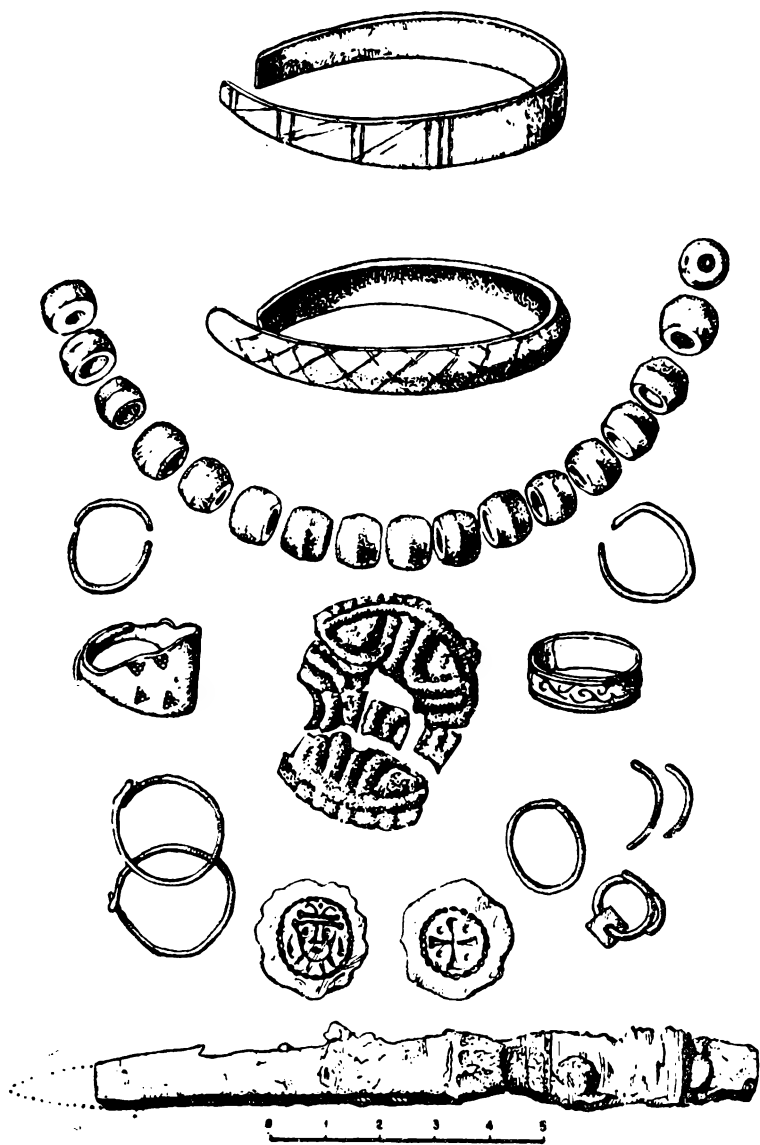

Рис. 3. Вещи из кургана № 38а.

орнаментом и без орнамента. Наличие лепных горшков в погребальном инвентаре XI—XII вв. свидетельствует, что наряду с круговой посудой в этот период употреблялась и лепная; возможно, однако, что она использовалась лишь в ритуальных целях.

Керамика и другие предметы погребального инвентаря по своему характеру близки к находкам на селище близ Грехова ручья (см. статью М. В. Фехнер «Раскопки близ Грехова ручья» в наст. сб.), которое датируется также XI—XIII вв.

В. П. ЛЕВАШЕВА

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В окрестностях поселка Красный хутор Хреновского р-на Воронежской обл. на правом берегу речки Мечетки (левого притока г. Битюга) в 300—400 м к северо-западу от поселка около современного кладбища находятся развалины двух древних построек, расположенные в 200 м друг от друга. Памятники эти были обследованы в 1902 г. Труновым, и тогда они действительно представляли собой развалины зданий, но к 40-м годам нашего столетия никакой кладки стен на поверхности уже не сохранилось. Остались лишь два задернованных и изрытых кладоискательскими ямами холма, причем на одном из них жители поселка Красный хутор (основанного в 20-х годах) устроили кладбище.

При обследовании этого пункта в 1947 г. удалось обнаружить не遠далеке от развалин, в обрыве берега р. Мечетки, остатки большого горна для обжига кирпичей. В следующем, 1948 г. нами был исследован полностью этот горн и частично вскрыта свободная от кладбища часть одного холма развалин¹.

Горн

Раскопками установлено, что для устройства горна в крутом склоне берега был вырыт прямоугольный котлован, ориентированный по длинной оси с запада-северо-запада на восток-юго-восток, глубиной до 3,8 м в западном конце (глубину его в восточном конце установить невозможно вследствие размыва берега). Длина сохранившейся части котлована — 8 м по северной его стенке и 5 м — по южной, ширина — 3,35 м (рис. 1).

¹ Архив III отд. ГИМ, д. № 56.

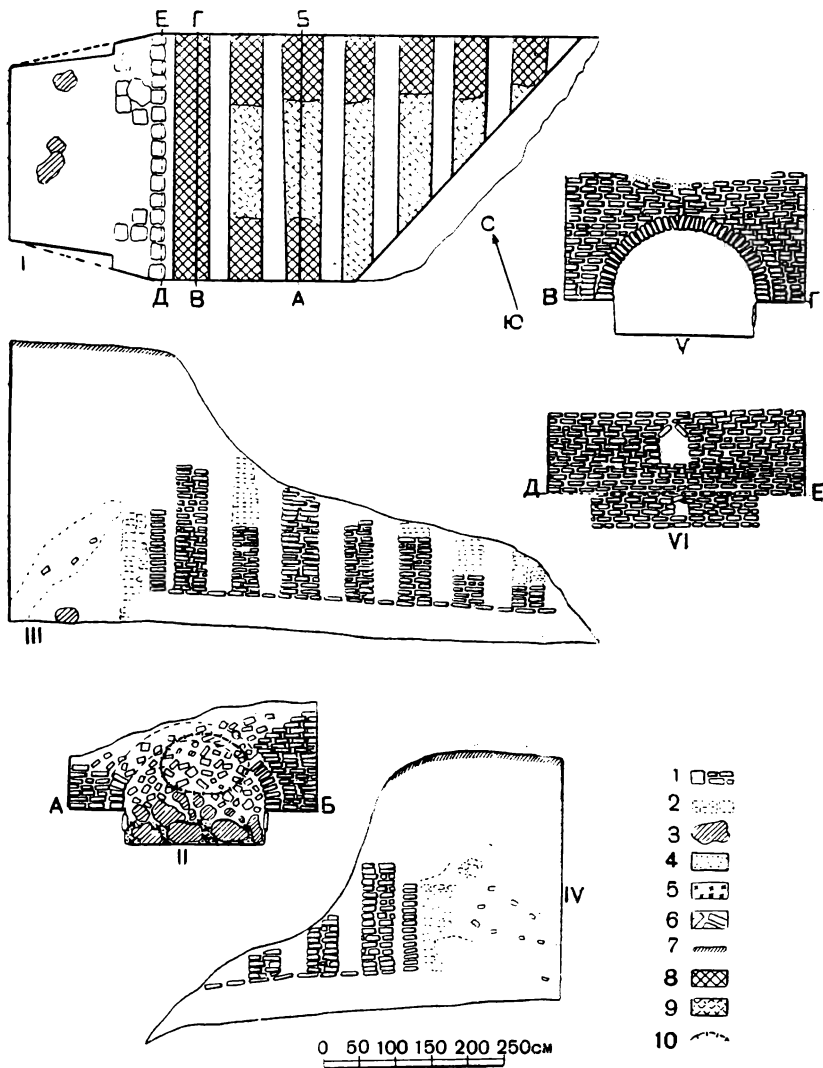

Рис. 1. Горн для обжига кирпичей

I — план котлована с обозначением арок свода; II — разрез по линии разрушенной арки; III — профиль по северо-северо-восточной стенке раскопа; IV — профиль по юго-юго-западной стенке раскопа; V — разрез по линии сохранившейся арки;

VI — разрез по линии кирпичной стенки

Условные обозначения: 1 — обожженный кирпич, 2 — сырец и следы кирпичей, 3 — шлак, 4 — песок, 5 — уголь, 6 — завал кирпичей, 7 — дерн, 8 — сохранявшаяся кладка арок, 9 — реконструируемая кладка арок, 10 — кладонскательский ход

В нижней части котлована по длинным стенкам его были оставлены уступы шириной 0,7 м и высотой 0,5 м. На этих уступах возведены основания подпружных арок нижнего топочного помещения горна, параллельно пересекающих котлован на расстоянии 0,3—0,4 м друг от друга. Пол котлована был покатым, понижающийся к берегу. В центральной части он был земляной, а на уступах в интервалах между основаниями арок — вымощенный квадратными кирпичами. Стенки приступок в некоторых местах тоже были облицованы кирпичом в один ряд.

Культурный слой над сохранившимися частями арок, в интервалах между ними и в центральной части котлована представлял собой завал обрушившихся сводов в виде обломков кирпичей вперемешку с землей, причем в нижних слоях встречались крупные и мелкие бесформенные комки ошлакованной глины и угли, а ближе к полу наблюдалась сильная золистость с мелкими угольками. В верхних слоях завала среди обломков кирпичей попадались отдельные кости барана, но никаких вещей в культурном слое найдено не было. Интересно отметить, что в центральной части завала удалось проследить кладоискательский ход, по-видимому, очень недавнего происхождения², прорытый сквозь завал и разрушивший вершину свода (рис. 1, II).

Конструкция всех подпружных арок одинакова, но чем ближе к обрыву берега, тем сильнее они были разрушены. Целиком, с полным замком свода, сохранилась лишь последняя, западная арка (рис. 1, V). Арки были сложены из плоского квадратного кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ см (в $1\frac{1}{2}$ квадратных кирпича или в 3 половинчатых узких) на глиняном растворе. Толщина каждой арки равнялась в среднем 0,40—0,5 м. Основания их (боковые части) закладывались во всю ширину приступок, т. е. на 70 см. Начиная с 3—4 слоя кладки, крайний кирпич ставился несколько наклонно, в следующем ряду еще более наклонно, а кладка боковых частей арки шла, все больше и больше выступая к середине котлована, опираясь на наклонно установленные кирпичи свода. На вершине встречные наклонные кирпичи упираются друг в друга нижними концами под острым углом, а образуемое между ними пространство заполнено обломками кирпичей. Над вершиной свода горизонтальная кладка кирпичей сохранилась в 4 ряда, но, судя по сохранившимся остаткам у стен котлована, она была выложена не менее чем в 6 рядов. Высота свода арки от ее основания 1 м, а от пола котлована — 1,5 м. Внутренняя ширина ее равнялась расстоянию между приступками котлована, т. е. 2 м.

Почти непосредственно за последней западной аркой (на расстоянии около 0,12 м) поперек котлована была возведена стена высотой 1,6 м, сложенная в один ряд кирпичей (рис. 1, VI). В средней части этой стены сделано два окна, расположенных почти на одной оси друг под

² По рассказам местных жителей, еще в конце 20-х годов можно было извне проникать под своды арок в топочную часть горна, и эта «пещера» порождала различные легенды о подземном ходе и зарытых в нем кладах.

другом. Верхнее из них пятиугольной формы «домиком», высотой 0,52 м (по бокам 0,33 м) и шириной 0,35 м, расположено на высоте 1 м от пола, верх его совпадает с уровнем вершины внутренней части арки; нижнее несколько сдвинуто к северу и приходится ниже горизонта приступок, на высоте 0,2 м от пола котлована.

Косяки этих отверстий до половины их толщины (как и вся стена со стороны, обращенной к аркам, а также поверхность всех подпругных арок) сплошь покрыты шлачными натеками, так что кирпичи выглядят как блестящие изразцы с переливчато-разноцветной (серовато-зеленоватой-желтой) поверхностью. Земляные стены котлована прокалены до красна; на полу, как уже отмечалось, залегал золистый слой; земля пола также носила следы прокалки, а местами — и шлаковых затеков.

Все это неоспоримо убеждает в том, что исследованная часть котлована с арками, имевшая не менее 5,5 м длины и 3,35 м ширины, являлась топкой горна, в которой достигалась очень высокая температура. Топочное отверстие должно было находиться в открытой восточной части котлована, но судить об устройстве его мы не можем, так как именно эта часть уничтожена обвалом берега, размываемого весенними водами речки Мечетки. По аналогии с горном для обжигания кирпичей, исследованным в Болгарах³, можно предполагать, что топочным отверстием служила крайняя восточная подпругная арка и что перед ней могла быть вырыта яма, служившая рабочим местом истопника.

Как была устроена верхняя камера, где складывались для обжига кирпичи, — неизвестно, потому что она полностью разрушена. Но по аналогии с той же болгарской печью и горном, исследованным в 1950 г. в Сарайчике⁴, можно считать, что обжигательная камера имела под с продухами, соответствовавшими интервалам подпругных арок.

Западная часть котлована за стеной с окнами представляла собой отдельную, трапециевидную в плане камеру, длиной 2 м, шириной 3,35 м по восточной стене и 2,4 м — по западной. Земляные стены и пол этого помещения (не имевшего приступок) не носили следов прокалки. Под стенкой, отделяющей западную камеру от топочного помещения, лежали в два ряда обожженные кирпичи в один, местами — в несколько слоев, но у центральной части стены, перед окнами, кирпичей не было. Тут же на земляном полу в глубине этой камеры беспорядочно лежали большие ошлакованные комки глины. По боковым стенкам камеры (в северо-восточном и юго-западном углах) прослежены (тоже в два ряда) штабеля сырца (в два кирпича) такого же размера, как и обожженные, но извлечь полностью хотя бы один сырец не удалось — они настолько слежались, что превратились в землю; только при зачистке стены можно было видеть их контур.

Через окошки в стене могли следить за тем, как разгорается огонь

³ О. С. Хованская. Гончарное дело города Болгара. МИА, 42, М., 1954.

⁴ Г. И. Пацевич. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике. КС ИИМК, 69, М., 1957.

в топке, и в то же время нижнее окно могло служить поддувалом. Но на время, когда происходил процесс обжига, эти отверстия наглухо заделывались, что доказывается границей ошлакованности в их проемах.

В стенах этой камеры никаких следов выхода не обнаружено, между тем глубина ее достигает почти 4 м по западной стенке. Проникать в это помещение можно было только сверху по лестнице, которая была, вероятно, приставной. Возможно, кроме того, что прослеженные по стенкам штабеля сырца и кирпичи, лежавшие в два ряда с западной стороны стены с окнами, являются остатками кирпичных лестниц, которые не доходили до верха котлована, но могли надставляться приставными деревянными.

Обжигательная печь на р. Мечетке была больше, чем печь в Болгарах и в Сарайчике, и более усовершенствованная — наличие задней дополнительной камеры позволяло точнее регулировать огонь в топочной камере. Эта печь могла выпускать очень большое количество продукции, но продукция ее была однообразна — простые квадратные кирпичи размером $25 \times 25 \times 5$ см. Лепились они из местной глины таким же способом, как и в наше время делают саман местные жители, т. е. формовались в деревянных рамах и высушивались на траве. Почти на всех кирпичах из раскопок горна хорошо видны отпечатки пальцев и примятой травы.

Мавзолей

Из двух холмов-развалин в окрестностях Красного хутора путем раскопок был исследован больший, расположенный дальше от поселка.

По внешнему виду этот холм похож на курганный насыпь высотой 1,6 м, диаметром 35 м⁵. Вся поверхность его изрыта кладонисательскими ямами разного размера. Глубина некоторых ям, уже в их современном задернованном виде, достигает 1,5 м; следовательно, они были прорыты ниже горизонта. Вся южная и центральная части холма заняты современными могилами кладбища.

Состояние памятника не позволило вскрыть его полностью, пришлось ограничиться небольшими раскопками общей площадью 64 кв. м, глубиной до 3 м. Были заложены две пробные траншейки в радиальном направлении от подножия холма к вершине и широкий раскоп в северо-северо-западном секторе центральной части памятника.

Насыпь холма представляла собой обвал стен кирпичного здания, облицованного цветными изразцами. Но и этот завал был весь изрыт грабительскими шурфами, так что культурный слой состоял из перемешанных с землей кусков кирпича, изразцов, цемента; очень редко попадались остатки дерева, обломки глиняной посуды, железные гвозди, кости барана и коровы; найдены также обломок чугунного котла, обрывок

⁵ У местного населения эти развалины так и известны под названием курганов.

медной цепочки и две стеклянные бусины. В двух пунктах попались обломок черепа и берцовая кость человека, выкинутые, очевидно, кладоискателями из разрушенной могилы.

Полностью сохранившихся частей стен обнаружить не удалось, но, судя по находкам архитектурных остатков в слое и сохранившимся кое-где частям кирпичной кладки, видно, что стены были сложены из квадратных кирпичей, совершенно идентичных найденным при раскопках горна. Встречались также и длинные кирпичи, равные половине квадратного. Кирпичные стены были богато украшены (судя по обилию обломков — сплошь облицованы) цветными изразцами, которые укреплялись на цементе.

Пол был сложен из квадратных кирпичей, но проследить его в ненарушенном виде удалось лишь местами, потому что кладоискательские шурфы пробили не только завалы стен, но и пол, и даже местами фундамент.

Фундамент, северо-восточный угол которого детально исследован, был заложен в котловане глубиной от 0,8 до 1,2 м от подошвы подстилающего чернозема. Нижний ряд кладки фундамента лежал на песчаной подсыпке и был сложен из квадратных обожженных кирпичей размером $25 \times 25 \times 4,3$ м; следующий был выложен из обломков кирпичей на сырой глине, затем опять шел слой целого квадратного кирпича, над ним снова слой из обломков и т. д. Начиная с седьмого от низа слоя шла уже сплошная кладка из целого кирпича и фундамент непосредственно переходил в стены.

Внутри фундамента имелись каналы-продухи шириной в один кирпич, проходившие на разных горизонтах параллельно и перпендикулярно друг другу. Нижний горизонт продухов проходил по самому дну на песчаной подсыпке, на глубине около 3 м от высшей точки поверхности холма. Внутри фундамента продухи соединялись коленами.

Под полом, внутри постройки, обнаружено несколько могил, расположенных на расстоянии от 0,6 до 1,5 м друг от друга. Они представляли собой кирпичные склепы прямоугольной формы длиной 2—2,3 м, шириной 1—1,4 м, впущенные в материк на глубину до 0,5 м, вытянутые с востока на запад. Покойники были захоронены в деревянных гробах и лежали в вытянутом положении на спине головой на запад. В некоторых могилах сохранились остатки дерева от гроба, хорошо видно было расположение гвоздей от него (большие железные горбыли), горизонтально лежавших по прямой линии острием к середине могилы с обеих сторон косяка, над ним и по дну.

Могила № 1 находилась в северо-западном углу здания и сохранилась лишь наполовину: восточная часть ее была уничтожена грабительским шурфом. Стенки и пол склепа были сложены из квадратных кирпичей, целых и обломков, причем в юго-западном углу кладка стен (в один кирпич) сохранилась в 4 ряда.

Могила № 2 расположена восточнее первой, вдоль северной стены. Стенки склепа сложены в один кирпич, в семь рядов, кирпичи квадратные; форма склепа трапециевидная, слегка суживающаяся к западу⁶. Пол также выстлан квадратными кирпичами. Костяк пожилого мужчины лежал вытянуто на спине, правая нога была согнута в колене, нижняя челюсть отпала (рис. 2, 1) и под ней найден сердоликовый амулет-печать в виде прямоугольной пластинки с арабской надписью (рис. 2, 2).

К востоку-юго-востоку от могилы № 2, на расстоянии 0,9 м выступил северо-западный угол подобного же склепа, уходящего под стену раскопа. Вскрыть его, к сожалению, не удалось, так как расширение в эту сторону раскопа было невозможно из-за современных могил.

Могила № 3 обнаружена около западной стенки здания, на расстоянии 1,4 м от могилы № 1 и 1,15 м — от могилы № 2. Здесь прямоугольный склеп с земляным полом был сложен из прямоугольных кирпичей в 6 рядов. Скелет лежал в обычном положении, череп обращен лицом к югу, никаких вещей, кроме гвоздей от гроба, не найдено.

Вне стен постройки у подножия холма с севера-северо-востока обнаружена могила № 4, представлявшая собой прямоугольную с закругленными углами грунтовую яму длиной 2,3 м, шириной 0,75 м, глубиной 0,8 м. Склепа не было, но сохранились ряды гвоздей от гроба над костяком и на дне могилы. Вещей при погребении нет, положение костяка такое же, как и в могилах внутри здания, что позволяет считать и эту могилу синхронной описанным выше.

Конструкция кирпичных склепов, положение и ориентировка покойников, отсутствие погребального инвентаря характерны для мусульманских захоронений, что подтверждает и находка в могиле № 2 амулета-печати с изречением из корана. Негативная надпись на амулете была прочитана в 1948 г. М. М. Дьяконовым и в переводе означает:

«Во имя Аллаха справедливого милостивого
Победа от Аллаха и одоление близ[кое],
и правоверных».

По характеру надписи М. М. Дьяконов датировал этот амулет XIV в., что не противоречит и датировке других находок путем привлечения сравнительного материала.

Наличие могил под полом здания позволяет определить его как мавзолей-мечеть. В пользу определения этой постройки как мечети говорит не только монументальность и богатая отделка здания, но также и характер культурного слоя: в развалинах почти не попадалось бытовых

⁶ Над южной стенкой склепа была расположена могила современного кладбища, но яма ее оказалась мельче, чем древняя могила, и не повредила склепу, который посредством подбоя в стене раскопа удалось расчистить полностью.

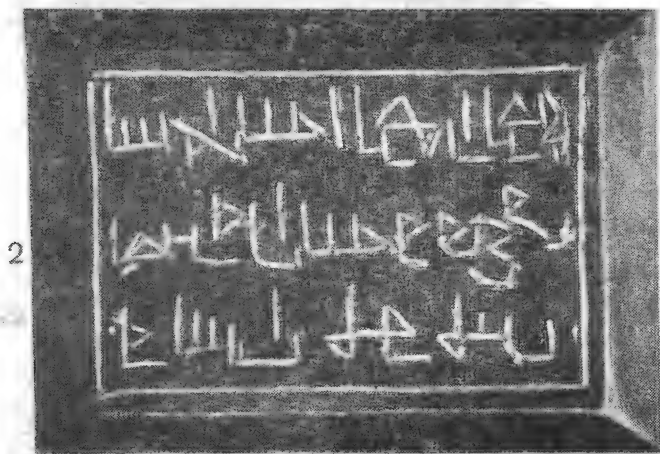
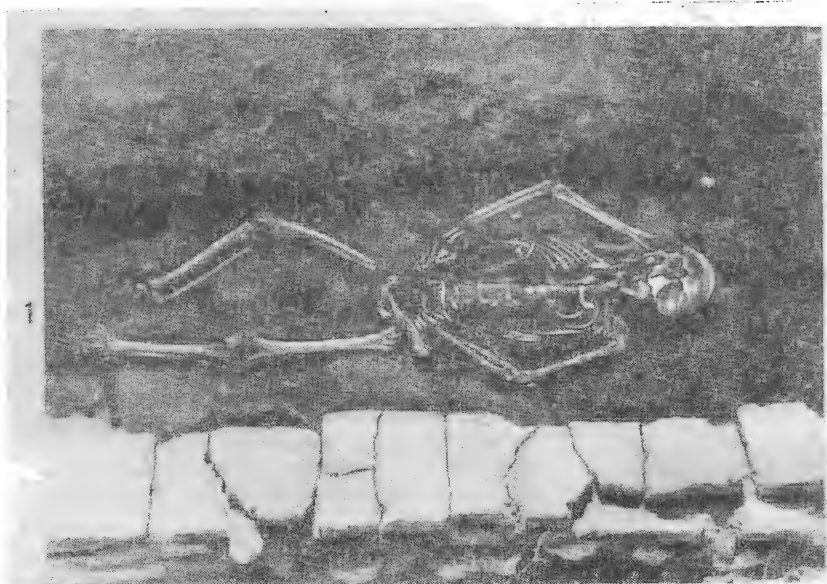

Рис. 2.

1 — погребение № 2; 2 — сердоликовый амулет-печать (увеличен в 3,5 раза).

вещей, вокруг здания (как показала шурфовка местности) культурный слой очень бедный, тонкий и совершенно исчезает в радиусе 40 м; следовательно, вокруг исследованной постройки никаких жилых или производственных сооружений не было.

Несколько обломков глиняной посуды из шурфа IV совершенно аналогичны по профилю и фактуре найденным в культурном слое развалин, где их тоже встретилось сравнительно немного. В основном это большей частью неорнаментированные черепки сероглиняных сосудов, неравномерно обожженных, сделанных на гончарном круге, плоскодонных, с низкой стоячей или отогнутой наружу шейкой, с гладким закругленным (реже уплощенным) бережком и выпуклыми плечами. Довольно часто встречались обломки плечиков с горизонтальными поясами линейного орнамента, реже — с ямочным. При разборке фундамента найден обломок, сплошь покрытый линейным орнаментом в виде горизонтальных каннелюр (возможно, от амфоры). Интересен обломок тонкостенного красноглиняного сосуда с росписью в виде горизонтальных чередующихся полос разной ширины ярко-красного цвета и нанесенных белым ангобом; ниже цветного пояса проходит резная горизонтальная линия. Наряду с описанными встречались в незначительном количестве черепки очень грубых толстостенных больших сосудов из серой глины; один из них украшен пояском вдавлений неправильной формы.

Мавзолей был построен из кирпича местной выделки, обожженного в исследованном нами горне, который и сооружен был в связи с этим строительством. Кроме простого кирпича, на постройку мавзолея пошло также много изразцов.

Изразцы найдены разных форм, размера, цвета и рисунка. Полива их большей частью голубая или зеленовато-голубая, реже — синяя, белая, желтая.

Плоские изразцы представлены: 1) квадратными кирпичами (22×22×6 см) с голубой поливой на одной из узких граней, подобными найденным в Самарканде⁷; 2) трапециевидными в сечении брусками с голубой поливой на узкой и более длинной грани (рис. 3, в нижнем ряду слева и в середине), обычный размер их: лицевая грань 22×6,6 см, оборотная — 19×5 см, толщина 8—13 см; 3) квадратными с белой поливой 7×7 см по лицевой грани, толщиной 5,5 см (рис. 3, 7).

Рельефные изразцы встречались в виде длинных брусков с полушарными выступами на лицевой грани, сплошь покрытой голубой поливой, иногда же плоскость лицевой грани покрывалась белой поливой, а полушарие — голубой (рис. 3, в нижнем ряду справа); в виде остроконачных плиток (тоже голубых), окаймленных желобком (рис. 3, 4). В большом количестве попадались обломки голубых прямоугольных и квадратных плиток толщиной 3—4 см, орнаментированных чаще растительным узором, реже плетенкой из кривых линий (рис. 3, 1—3, 5).

⁷ ГИМ, III, 72, № 903.

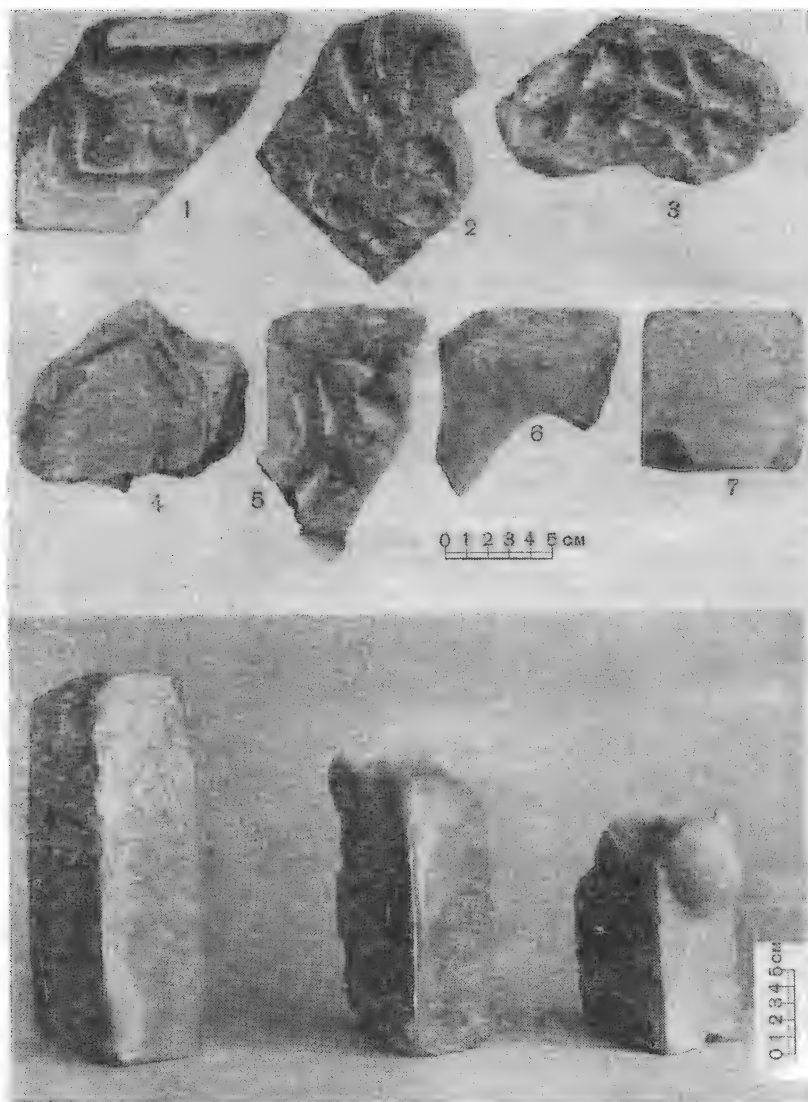

Рис. 3. Изразцы

У некоторых изразцов боковые грани скошены — по-видимому, они служили для облицовки выступов; один раз встретился обломок изразца с голубой поливой с краем в виде выемки тупым углом — возможно, он составлял часть окантовки ниши или арки (рис. 3, 6).

Очень интересны обломки изразцов с грубым подражанием арабским надписям в виде округло-ломавшихся линий и завитков, нанесенных голубой поливой на белом фоне. Полихромных изразцов, кроме бело-голубых, не найдено, но некоторые однотонные разных расцветок и разной формы мелкие поливные плитки могли составлять мозаичный узор на цементной основе.

Изразцы, украшавшие мечеть, по-видимому, не были привозным товаром, а, как и кирпич, выделявались на месте, специально для постройки этого здания.

Подобные и совершенно аналогичные описанным изразцы известны из золотоордынских слоев Волжского Болгара и татарского города XIV в. Маджара на Северном Кавказе⁸. Лишь для изразцов с полушарными выступами не удалось найти аналогий, а изразцы с подражанием арабским надписям отличаются от известных из других мест примитивностью этого подражания, что также подтверждает мысль об их местном происхождении. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что неподалеку от исследованного нами горна, в одной из вымоин по обрыву берега, по словам местных жителей, еще в 30-х годах нашего столетия находили много обломков глиняных плиток с поливой, но теперь это место целиком уничтожено обвалами берега. Под обрывом у воды удалось собрать несколько мелких обломков от изразцов с такой же зеленовато-голубой поливой, как на изразцах мечети. То обстоятельство, что в исследованном нами горне не встретился ни один обломок поливного изразца, а развалины мечети находятся довольно далеко от берега, позволяет считать, что найденные под обрывом обломки происходят из бывшего здесь некогда и совершенно уничтоженного временем второго горна, в котором обжигались изразцы.

В итоге можно считать установленным, что комплекс исследованных на р. Мечетке⁹ памятников точно датируется XIV в. и свидетельствует о золотоордынском господстве на данной территории.

⁸ ГИМ, инв. № 4543; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 г. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 162—208; Т. М. Минаева. Золотоордынский город Маджар. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 5, Ставрополь, 1953.

⁹ По-видимому, и название речки Мечетки происходит от этого мавзолея-мечети.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств.
ГХМ — Государственный Херсонесский музей.
Древности — Древности. Труды Московского археологического общества.
ДБК — Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
ЗГАИМК — Записки Государственной академии истории материальной культуры.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ИА — Институт археологии.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИАЭиА — Институт антропологии, этнографии и археологии.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
КАМ — Керченский историко-археологический музей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА — Советская археология.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
JHS — Journal of Hellenic Studies.
-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Я. Брюсов</i> . В. А. Городцов	7
<i>Д. А. Крайнов</i> . Значение трудов В. А. Городцова о палеолите	12
<i>В. П. Левашева, Н. В. Трубникова</i> . В. А. Городцов и Государственный Исторический музей	17
<i>Л. В. Грехова</i> . Памятники неолита Восточного Предкавказья	21
<i>В. М. Раушенбах</i> . Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз	28
<i>Т. Б. Полова</i> . Происхождение поздняяковской культуры	38
<i>И. К. Цветкова</i> . Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского	48
<i>Э. А. Федорова-Давыдова</i> . Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры)	56
<i>М. Н. Погребова</i> . Бронзовый кинжал переднеазиатского типа из Кедабекского могильника в Северном Азербайджане	60
<i>А. П. Смирнов</i> . Фигурка барана из Гляденовского костяка	68
<i>Н. В. Трубникова</i> . Городище Соколова гора под Москвой	74
<i>Н. П. Сорокина</i> . Навершие боспорского надгробия с фигурой сирены из собрания Государственного Исторического музея	85
<i>И. В. Яценко</i> . О двух жертвенниках-эсхарах в курганах побережья Днепровско-Бугского лимана	99
<i>И. И. Гущина</i> . Некоторые формы сарматской керамики из Пантикапея	105
<i>Н. В. Пяташева</i> . Отчет о раскопках Государственного Исторического музея в Фанагории в 1939 г.	111
<i>Д. Л. Талис</i> . К характеристике византийской керамики IX—X вв. из Херсонеса	125
<i>Н. Г. Недошивина</i> . К вопросу о связях радимичей и вятичей	141
<i>Н. В. Тухтина</i> . Средневековые славянские гончарные клейма	148
<i>М. В. Фехнер</i> . Раскопки селища близ Грехова ручья	156
<i>А. Малам</i> . Курганный могильник близ Грехова ручья	167
<i>В. П. Левашева</i> . Золотоордынские памятники в Воронежской области	175
Список сокращений	186

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Редактор **И. М. Левина.**

Художественный редактор **Э. А. Розен.**

Технический редактор **А. С. Елагин.**

Сдано в набор 9.IV. 60 г.

Подписано к печати 28.VII.60 г.

Формат бум. 70×92¹/₁₆. Физ. печ. л. 11,75.

Усл. печ. л. 13,75. Уч.-изд. л. 13,536. Изд. инд. МД-28

АО7264 Тираж 1000 экз. Цена 7 р. 80 к. в переплете;
с первого января 1961 г. цена 78 коп.

Издательство «Советская Россия».

Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Типография издательства «Советская Россия».

Москва, Г-19, ул. Маркса и Энгельса, 14.

Заказ № 439.